

ОГОНЁК

№ 6 ФЕВРАЛЬ 1962
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

МОЛДИНСКИЕ РОЗЫСКИ

Ольга Лепешинская. ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА ОВАЦИЙ

Агния Барто. КОЛЮЧИЕ СТИХИ

Анри Аллег. МАЛЬЧУГАН ИЗ ПОНТШАЙЮ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

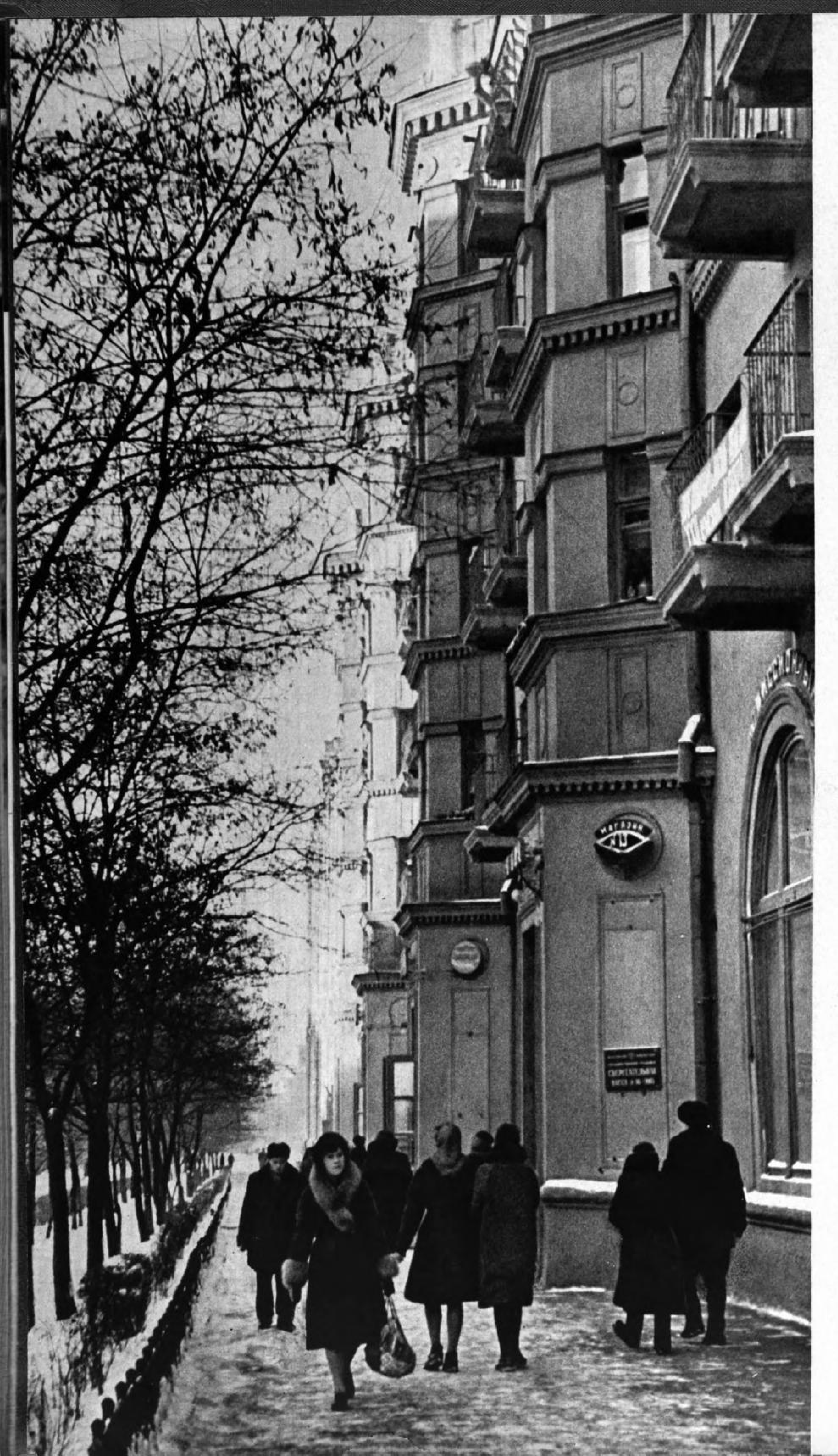
ОГОНЁК

№ 6 (1807)

4 ФЕВРАЛЯ 1962

40-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ и ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

А. УЗЛЯН, Е. КОРШУНОВ

Кто из нас, проходя утром своею улицей, не бросит взгляд на знакомые синеватые окна? Ведь за каждым из них столько интересных людей — хороших и разных! И у каждого своя жизнь, о которой, вероятно, можно рассказывать часами и даже писать романы...

Французский романист Лесаж придумал беса, который поднимал крыши домов и узнавал все об их обитателях. Это были разные истории — веселые и грустные, но обязательно необычные.

Нам, когда мы захотели узнать что-нибудь о жителях одной из улиц Волгограда, не удалось, конечно, проникнуть через крыши домов в их квартиры и выбрать себе что-нибудь необычное.

Мы решили рассказать о самом обычном утре самых обычных людей, которые живут или работают на улице Мира... Но с чего начать? Как ни с того ни с сего постучаться рано утром в квартиру к незнакомому человеку и задавать ему вопросы, когда он завтракает, торопясь на работу?

А люди действительно торопились. Зимний рассвет не любит рано вставать, и в домах один за другим вспыхивали огни. Часы пробили семь...

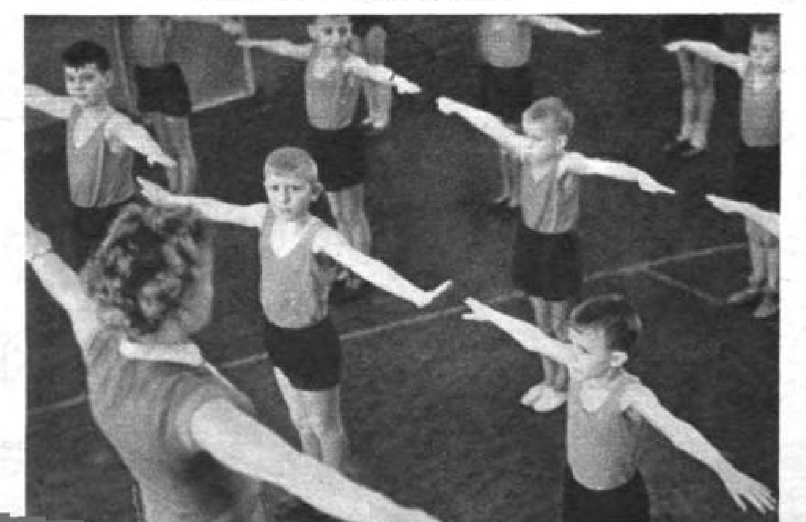
Мы проходим по улице еще и еще раз. И она нам кажется такой родной, такой понятной... Нет, мы не заглядывали под крыши домов. Мы честно стучали в любые двери и всюду находили друзей. Одни могли уделить нам больше времени, другие меньше, но все они охотно помогали нам — рассказывали о самом обычном утре самой обычной нашей улицы — улицы Мира.

По утрам приходится прощаться. Каждый день электрик Николай Королев спешит на работу, и каждый раз Лора и Коля провожают отца.

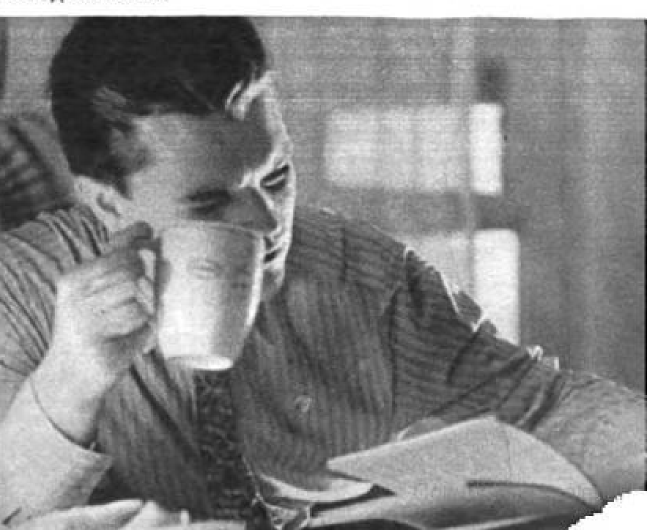
Часы пробили семь...

— С добрым утром, товарищи! Здравствуйте! — выдохнули репродукторы. Волгоградцы давно привыкли к голосу Лидии Донсковой, диктора городской радиостанции.

Как всегда, у школьников утро начинается с зарядки. Ничего не поделаешь — таков режим!

Геннадию Строчкову всегда некогда. Днем он — слесарь домостроительного комбината, а вечером — студент института инженеров городского хозяйства. Сегодня зачет.

В Волгоградпроекте начался рабочий день. Что он принесет сегодня строителям? Тут проектируются улицы, кварталы, дома всего города... ↓

— Бо-орис! Опа-а-аздаем! — Это Володя Коломейченко, ученик ремесленного училища. Проспал, видно, его дружок.

— Сейчас, сейчас, котлеты уже готовы! — говорит Валентина Яковлевна своему мужу Петру Георгиевичу Иванову, директору теплично-парникового комбината.

— Да, да! Здесь мне нравится! — сообщает своей жене венгерский техник Ласло Рибари, остановившийся в гостинице «Интурист». Он приехал сюда передавать дизельные автобусы, купленные Советским Союзом в Венгрии. И теперь почти каждое его утро начинается со звонка в Будапешт.

Десять часов. Концертный зал городског[о] музыкального училища. Сегодня у студента 4-г[о] курса Юрия Бойко концерт. Его преподавател[ь] Владимир Леонтьевич Бобылев волнуется: по[с]ледняя репетиция!

Мы подошли к большому серому зданию почтамта. Здесь уже хлопали двери. Веселые девушки склонились над кипами писем и свежих газет. Им было явно не до нас. Почта есть почта: она всегда должна приходить в срок! И вот уже почтальоны с туго набитыми сумками выбежали на улицу.

— И птахе надо завтракать! — заботится о голубях юрист Иван Степанович Некрасов.

А здесь... И тем и другим некуда торопиться... Утро у них начинается позже всех, неторопливое, спокойное...

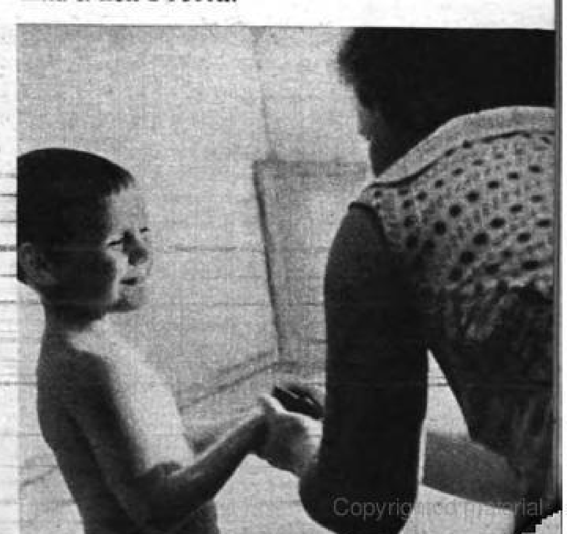
Эти двое, может быть, не спали всю ночь. Профессор-физиолог Игорь Николаевич Давыдов заведует кафедрой в Волгоградском медицинском институте. Его собеседник Геннадий Зозуля — студент шестого курса того же института. У Геннадия несколько опубликованных научных работ, и профессору есть о чем с ним поговорить, а иногда и поспорить...

К Оле Карпуниной, оканчивающей музыкальную школу, пришла шестилетняя Таня Саппо. Таня тоже хочет научиться играть.

Мойдодыр Лорой будет доволен. Да и она сама не против утром побарахтаться в ванне. Это очень здорово: Волга, теплая-теплая, зимой пришла к ней в гости.

Навстречу Пленуму ЦК КПСС

ТРИ ТЫСЯЧИ ПЯТЬСОТ ЦЕНТНЕРОВ СВИНИНЫ сдадут в этом году три человека. Знатный свинарь Гутовского совхоза, Тогучинского района, Новосибирской области, Николай Белаш, тракторист Андрей Ильвес и свинарка Анастасия Шашенко решили за год откормить и сдать государству не менее трех с половиной тысяч свиней.

Звено Белаша молодое. В начале прошлого года, когда в Москве заседал январский Пленум ЦК КПСС, Николай Ильич решил создать комплексное механизированное звено по откорму свиней. В честь XXII съезда партии Белаш и двое его товарищей взялись откормить и сдать государству не менее двух тысяч свиней весом две тысячи центнеров. Заготовка кормов, приготовление и раздача «обедов», водоснабжение и уборка — со всем этим механизаторы справлялись сами. Правда, им очень помогала техника: трактор «Беларусь», навесная косилка-измельчитель «КИП-1,4». Все моторы приводились в движение электричеством. Кормили свиней кукурузой, клевером, картофелем, сахарной свеклой.

И вот теперь, используя богатый прошлогодний опыт, звено Белаша смело взяло новое, повышенное обязательство.

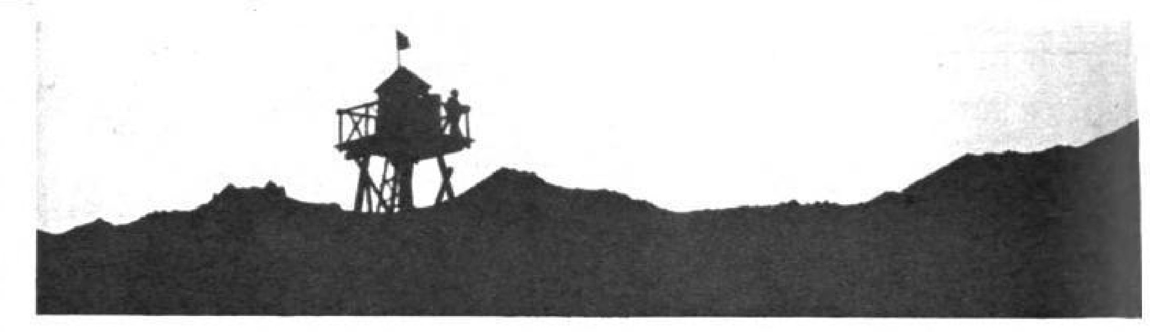
А на будущее у славного звена еще более смелые замыслы. Летом этого года в Гутовском совхозе будет построена целая фабрика для производства свинины. Приготовление и раздача кормов, уборка помещения на фабрике будут полностью механизированы.

Звено уже подсчитало, что фабрика позволит откармливать не менее 10 тысяч свиней в год.

На снимке: Николай Белаш.

Фото М. Начинкина.

НА КРЫШЕ МИРА. Выше туч поднимаются вершины Памирских гор. Здесь среди отвесных круч и бурных потоков несут свою нелегкую службу советские пограничники. Сейчас вместе со всей страной они готовятся к выборам в Верховный Совет СССР.

Высокая бдительность, отличная учеба, образцовая дисциплина — вот чем отмечают воины высокогорной памирской части знаменательное событие. Агитпункты никогда не пустуют. Агитаторы приветливо встречают воинов, ведут беседы о решениях исторического XXII съезда КПСС, о жизни страны, о новостях из-за рубежа.

Отлично работает агитпункт, которым руководит коммунист Абражеев. В библиотечке — произведения В. И. Ленина, материалы XXII съезда КПСС, Конституция СССР, Положение о выборах в Верховный Совет СССР. Агитколлектив тут крепкий, прекрасно подготовленный. Каждый активист составил план своих выступлений перед избирателями. Коммунист Строев недавно прочел воинам интересную лекцию о советской избирательной системе, коммунист Артемьев — о создании материально-технической базы коммунизма.

На снимке: Памир. На дальней заставе. Фото Ю. Кривоносова.

ОТ ХАРЬКОВА ДО КРАСНОГО ЛИМАНА ИДУТ ЭЛЕКТРОПОЕЗДА. 180 километров — таково расстояние между этими крупными узлами Южной и Донецкой железных дорог. Недавно все поезда на этой линии стали проходить свой путь быстрее: паровозы сменились здесь мощными отечественными и чехословацкими электровозами.

Теперь дорога от Москвы до Донбасса полностью электрифицирована.

На снимке: к перрону станции Красный Лиман подошел пригородный электропоезд.

Фото Б. Аксельрада.

ВЫМПЕЛ «ОГОНЬКА» МЕНЯЕТ АДРЕС

В минувший понедельник в Колонном зале Дома союзов состоялось собрание председателей общественных домовых и участковых комитетов, созванное исполкомом Моссовета, президиумом Московского городского совета профсоюзов, редакцией журнала «Огонек» и Мосжилуправлением. С докладом об итогах работы комитетов за 1961 год выступил заместитель председателя исполкома Моссовета А. В. Рябинин. Домовая общественность столицы насчитывает ныне десятки тысяч активистов. Широкое распространение получили общественные ремонтные бригады.

Двенадцать домовых комитетов удостоены премии, шесть комитетов премированы годовой подпиской на журнал «Огонек».

Первая премия и вымпел «Огонька» перекочевали из Октябрьского района в Краснопресненский, в домком ЖЭК № 15, о работе которого мы сегодня рассказываем.

Пятнадцать лет назад здесь было Октябрьское поле — действительно поле, а теперь чистые, очень аккуратные дома на чистых, аккуратных и очень тихих, как будто бы и не московских улицах. Снег яростно выскоблен по всему асфальту. За оградами и деревьями — ребячье раздолье: горки, катки, снежные бабы, ледяные дорожки. Почти у каждого дома, большого и малого, почти в каждом дворе.

Прежде чем попасть на эти опрятные улицы Октябрьского поля, мы имели представление о масштабах выполненных здесь дел. Сотни квадратных метров отремонтированных силами общественности фасадов домов, лестничных клеток, кровли, заборов и оград... Свыше девяти тысяч человек, участвовавших в воскресниках... Десятки различных кружков, передвижных библиотек, тимуровских команд, суды и дружины... Десятки, сотни, тысячи... Числа эти здесь выше, больше, ярче, чем у соседей, чем в других районах. Но нас интересовали не эти десятки, сотни и тысячи единиц измерений, в которые переведены человеческая инициатива и труд. В конце концов подобное есть всюду, только в меньшей степени. Нам хотелось найти здесь то, чего нет в других местах...

Рано утром мы увидели такую картину: на улицу и во дворы вышли не дворники с метлами, ломами и лопатами, а проворно выползли приземистые ТУМы. Так называют тротуароуборочные машины. Они быстренько подметали снег, сбрасывая его на газоны и цветники. В этой, казалось бы, на первый взгляд ничем особо не примечательной детали из жизни улицы содержится большой смысл. Десять ТУМов только на одном участке заменили тридцать дворников. Оказались освобожденными от самого неквалифицированного и тяжелого физического труда тридцать человек. Тут небезынтересно напомнить, что в одной Москве сто тысяч дворников. Это же огромная армия, которая может прийти на заводы и фабрики. Надо побольше всяких машин, и тогда исчезнут традиционные белые фартуки и извечные метлы, точно так же, как ушли из наших городов извозчики и конки.

Нам показали большой кабинет, увешанный щитами со всякими приборами, схемами и диаграммами. Он так и называется: технический. Здесь может получить консультацию по любому вопросу бытовой техники не только слесарь, ремонтник, монтер и столяр, но и каждый житель. Вы спросите: а для чего ему это нужно? Дело в том, что жильцы тут сами часто устраняют мелкие неисправности. Своими силами ремонтируют комнаты и места общего пользования, все больше и больше переходя на широко распространенную в наше время систему самообслуживания. Не случайно, что здесь очень серьезно изучается вопрос об общественном технике-смотрителе. Подобрана уже кандидатура и соответствующим образом подготовлена: председатель одного общественного участкового комитета закончил курсы техников-смотрителей. Уже сегодня тут готовятся к тому, что будет завтра, а завтра функции ЖЭК постепенно

Юные радисты собирают карманные приемники.

ТУМы вышли на работу... Фото Ю. Михайлова.

Движение сердца

Семен Семенович Левченко пришел послушать, каковы успехи у ребят. У пианино Надя Бунина.

Фото Е. Умнова.

ХОРОШО НАЧАЛСЯ ЧЕТВЕРТЫЙ ГОД СЕМИЛЕТКИ для коллектива Ухтинского нефтеперерабатывающего завода: за первую декаду января план здесь выполнен на 109 процентов. Сейчас в честь предстоящих выборов в Верховный Совет СССР нефтепереработчики берут новые, повышенные социалистические обязательства.

Рабочие стремятся работать еще лучше, чем в прошлом году. А ведь 1961-й был для ухтинцев весьма знаменательным: их заводу первому в Коми АССР было присвоено звание предприятия коммунистического труда.

На снимке: на эстакаде завода. В цистерны заправляют бензин.

Фото А. Секретарева.

СРЕДИ БАРХАНОВ — неподалеку от Дарвазы — разведывают недра работники треста «Туркменбурнефть». Их задача — пробурить 24 тысячи метров, чтобы определить газоносный район в Центральных Каракумах. Соревнуясь за досрочное выполнение плана, коллектив конторы разведочного бурения № 6 добился большого успеха. На 9 дней раньше намеченного времени пробурила скважину в 1 100 метров глубиной бригада знатного мастера Ораза Агабаева. Сейчас на скважине начались кароттажные работы.

На снимке: здесь работает бригада Ораза Агабаева.

Фото К. Томашевского (ТАСС).

Надя Бунина — музыкально одаренная девочка. У нее хороший музыкальный слух, чистый голосок и остро развитое чувство ритма. Надю приняли в районный детский хор, а в школе она танцует. Только одно Надино желание оставалось неосуществимым — игра на фортепьяно.

Вдруг нежданно-негаданно, под самые октябрьские праздники прошлого года, в красном уголке дома, соседнего с тем, где живет Надя, появилось новое пианино. Его поставили на сцене, и маленький зал стал от этого как-то красивее.

Потом работники жилищно-эксплуатационной конторы № 9 Куйбышевского района Москвы и члены домового комитета преподнесли цветы и горячо благодарили двух пожилых людей — Семена Семеновича Левченко и его жену Ксению Андреевну. Надя знала, что они живут в соседнем доме, что детей у них нет: сыновья погибли на фронте, а единственный внук уехал в Сибирь и живет там со своей семьей. Семен Семенович и Ксения Андреевна купили это пианино на собственные сбережения в дар ребятам с Ольховской улицы. «Пусть теперь,— сказали они,— кто хочет учится музыке!»

Заявлений поступило очень много — около сорока. Но общественность сразу поставила дело, как надо. Договорились с ближайшей музыкальной школой № 24. Там прослушали «кандидатов» и отобрали семнадцать наиболее способных ребят. Надя Бунина попала в их число.

Школа направила в красный уголок своих преподавателей. Вера Александровна Побожий и Людмила Аркадьевна Иоффе приходят сюда два раза в неделю и по очереди занимаются с учениками двух групп — младшей и старшей. Заведующая учебной частью Елена Ивановна Романовская взялась вести уроки по сольфеджио. И все это, конечно, на добровольных началах.

Так доброе движение одного сердца вызвало ответный порыв многих других сердец.

Г. ВЛАДИМИРОВА

будут переходить к домовым комитетам.

Заведует техническим кабинетом не штатный инженер ЖЭК, а общественник — полковник в отставке Антон Васильевич Загоруйко. Другим кабинетом, политпросвещения, оборудованным, как и первый, силами общественности, руководит пенсионер, коммунист Михаил Григорьевич Царев.

И последнее. Много мы слышали о физкультурниках Октябрьского поля. Летом право участвовать в районных соревнованиях оспаривали семьсот юношей и девушек со всех девяти улиц, Щукинского и Волоколамского проездов. Лучшие легкоатлеты, любители теннисной ракетки, футбольного, волейбольного и баскетбольного мяча, участники сборных команд, завоевали первое место по району. Пришла зима — на лед вышли хоккеисты — восемь дворовых команд — и маленькие фигуристы. А что же делать в это зимнее время поклонникам других видов спорта? Зала нет, костюмов нет. Тогда пенсионер Петр Федорович Коробкин, председатель комиссии домового комитета по работе с молодежью, предложил: давайте создадим свой спортивный клуб. Избрали оргкомитет, выработали устав. И тот же Коробкин, человек неугомонный, взялся за дело, дошел до Центрального совета Союза спортивных обществ. И что же? Клуб признали. Президиум Московского городского совета спортивных обществ безвозмездно передал ему две тысячи пятьсот рублей на обзаведение всем необходимым.

Куплены боксерские перчатки, фехтовальные и всякие другие костюмы. На очереди дня — помещение для клуба. ЖЭК нашла помещение для зала, но Петр Федорович считает его неподходящим: высота — всего три метра. Присмотрел он еще один зал, но его надо отвоевать. Верится нам, что такой домком, как здесь, отвоюет.

* * *

Наши надежды оправдались: немало интересного и нового встретили мы на улицах Октябрьского поля. Жители этих улиц — умелые творцы добрых дел.

Г. КУЛИКОВСКАЯ

«ПУСТЬ В НАШ ШКОЛЬНЫЙ ДОМ РОДНОЙ ВХОДИТ КУБОК ДОРОГОЙ»

Кто завоюет Кубок журнала «Огонек» по легкой атлетике? Лучшие школьные коллективы физкультуры Москвы стремились к тому, чтобы этот вопрос решить в свою пользу. Для этого надо было в течение года растить отличных бегунов, прыгунов, метателей и доказать свою силу на специальных легкоатлетических соревнованиях, которые были проведены в зимнем манеже.

И вот жюри конкурса подвело итоги многомесячной борьбы юных спортсменов. Кубок журнала «Огонек» по легкой атлетике завоевала команда школы № 387 Куйбышевского района.

27 января этот Кубок на торжественном вечере в школе был вручен победителям главным редактором журнала «Огонек» А. В. Софроновым. Легкоатлетам школ №№ 298, 12, 2 и 711, занявшим последующие места, вручены вымпелы и призы.

На вручение Кубка журнала «Огонек» приехали сотрудники редакции — заместитель главного редактора Б. В. Иванов, заведующий отделом спорта В. Я. Викторов, а также олимпийские чемпионы Петр Болотников и Вера Крепкина. Спортсмены рассказали молодым легкоатлетам о том, как вели борьбу в Риме с сильнейшими легкоатлетами мира, как тренируются сейчас, готовясь к новым международным соревнованиям.

— Занимайтесь легкой атлетикой. Это замечательный спорт, готовьтесь к тому, чтобы сменить нас, — призывали олимпийские чемпионы спортсменов-школьников.

Легкоатлеты школы № 387 уже дважды завоевывали Кубок журнала «Огонек», и вот теперь этот почетный приз снова в их руках. Победителей поздравили с победой представители районных организаций и добровольного спортивного общества «Юность». К своим товарищам обратились со стихотворным приветствием пионеры школы. В этом приветствии были такие строчки:

Первый Кубок удержали
И второй завоевали.
Пусть в наш школьный дом родной
Входит Кубок дорогой.

Вот они, спортсмены-победители. Со знаменем — председатель совета физкультуры школы Саша Толченов.

Фото А. Бочинина.

Сильнейшие легкоатлеты мира Петр Болотников и Вера Крепкина поздравляют юных легкоатлетов школы № 387. С Кубком журнала «Огонек» — отличница учебы Наташа Агафонова.

Антуан Гизенга.

Фото Л. Володина.

УРАГАН ГНЕ

К. НЕПОМНЯЩИЙ

— Заменять меня будет Антуан Гизенга,— сказал премьер-министр Лумумба, перед тем как отправиться в свою официальную заграничную поездку, первую и, к несчастью, последнюю.

То было время тяжелых, быть может, самых тяжелых, если не считать убийства Лумумбы, испытаний, выпавших на долю молодой республики. Мне привелось как раз в те дни быть в Конго, видеть армады американских, бельгийских, французских, английских самолетов — всех этих «боингов» и «глобмастеров», доставлявших в Леопольдвиль отряды головорезов и ящики с оружием. Уже был разбомблен с воздуха бельгийцами порт Матади, горели склады продовольствия, подожженные диверсантами из Брюсселя, и умирали от голода дети в Лулуабурге.

Гизенга работал без сна: по его заданию группы верных людей отправлялись с караванами старенькик автомашин из Леопольдвиля в Лулуабург — они везли сгущенное молоко голодающим. Суровый, немногословный вице-премьер республики напутствовал друзей ласковым словом. Он часами обсуждал с Морисом Мполо, министром обороны, как быстрее ликвидировать последствия бомбежки в Матади, как привлечь молодых патриотов к восстановлению разрушенных заводов, фабрик, сожженных плантаций. Он посылал по стране группы «охотников за минами» — они неслышно ходили за отрядами бельгийских диверсантов и, когда те ставили мины на дорогах или мостах, снимали их... Бельгийское правительство, пытаясь создать дополнительные трудности для молодой республики, дало команду вывозить в Брюссель инженеров и врачей вне всякой очереди.

— Нам многое нужно,— говорил в те дни Антуан Гизенга,— но прежде всего — единство. Единство республики — ключ к решению всех проблем.

Предшественник нынешнего американского посла Галлиона посол Тимберлейк лелеял мысль купить Гизенгу. В журналистских кругах в Леопольдвиле было известно, что Тимберлейк не раз высказывал эту затаенную мысль вслух. Ему нужен был именно такой авторитетный, сильный, удивительно работоспособный человек, и Гизенга оказывается в кольце врагов. Бельгийские советники следят за каждым его шагом, за каждым телефонным звонком, не пропускают к нему верных друзей, льстят, изворачиваются, мешают, угрожают, наконец. А Гизенга и в этих условиях работает, делает свое дело. Тогда его объявляют «красным», «коммунистом». К этому теперь господин Раск добавляет: «раскольник», «мятежник». Антуан Гизенга может ответить на это словами своего друга Лумумбы:

— Империалисты считают меня коммунистом, потому что я не позволил им подкупить себя!

С Патрисом Лумумбой они были одногодки. Образование — та же миссионерская школа в деревне: у Лумумбы — в провинции Касаи, у Гизенги — близ города Киквит; та же нужда. Лумумба стал почтовым служащим, Гизенга — учителем. Чему учат детей Конго миссионеры? Так ли они учат, как надо, и тому ли, что будет нужно им в жизни? В юности Гизенга целиком посвящает себя преподавательской деятельности. Он один из первых народных учителей Конго — он учит детей любить родину, свою родину. Он рассказывает о Генри Стэнли, человеке, который проложил для колонизаторов путь в Конго, чьим именем назван прекрасный город на Севере; и о приказе короля Леопольда — непокорным конголезцам отрубать левую руку...

Совсем молодым человеком он создает кружок патриотической интеллигенции, изучает политэкономию, историю, международные отношения. Незадолго до кровавых событий 1959 года, когда бельгийцы расстреляли мирную демонстрацию в Леопольдвиле, его небольшой вначале кружок превращается во влиятельную партию африканской солидарности. Эта партия выступает единым фронтом с партией Лумумбы — Национальное движение Конго. После внушительной победы на выборах Патрис Лумумба и Антуан Гизенга неразлучны. Впервые в истории Конго два виднейших лидера страны становятся выше племенных интересов. Их объединяет одна цель — служение Конго.

После злодейского убийства Лумумбы Гизенга, как мы знаем, прибывает в Стэнливиль, где находится оплот национально-патриотических сил республики, и выступает со своим знаменитым теперь Обращением к народу.

— Империалисты ошибаются,— говорил он тогда,— если думают, что, убив Лумумбу, они поставят нас на колени.

Эти слова передаются из деревни в деревню, из хижины в хижину, из города в город, обходят всю мировую печать.

В течение всего этого года — с января прошлого и по январь нынешнего — Африка с восхищением следит за деятельностью Гизенги. Ему и его друзьям, несмотря на козни империалистических агентов, удалось нормализовать жизнь в Стэнливиле, сплотить под знаменем Лумумбы патриотические силы страны. Напомним, что в феврале прошлого года по предложению Гизенги состоялось заседание лидеров Национального движения Конго — первой независимой партии страны, основанной Лумумбой, и партии Гизенги. На этом заседании впервые в истории был создан Национальный комитет патриотического фронта. Девиз патриотов: всегда будут Лумумбы, готовые бороться за счастье Африки.

Объединение патриотических сил было с беспокойством встречено в дипломатических кругах западных держав в Леопольдвиле. Без Гизенги ни одно конголезское правительство не могло и раньше считаться законным, а теперь тем более. Вот почему совещание в Тананариве, на Мадагаскаре, считало главной своей целью начать переговоры с Гизенгой. Чомбе, Илео и другие, прибыв на Мадагаскар, с нетерпением ждали ответа от Гизенги: приедет он или не приедет? Ответа из Стэнливиля не было. Совещание откладывалось со дня на день. Весь мир прислушивался к радио Стэнливиля. Гизенге вновь и вновь предлагали прибыть на Мадагаскар. Что ему только не обещали!

Корреспонденты крупнейших телеграфных агентств, аккредитованные в Леопольдвиле, сообщали:

«Гизенга принял приглашение...».

«Гизенга находится на пути в Катангу...».

«Антуан Гизенга прибыл на Мадагаскар...».

«Гизенга не прибыл на Мадагаскар, но готовится к вылету» — и так далее и тому подобное...

На самом деле Гизенга и не собирался покидать Стэнливиль.

— Я никогда не сяду за один стол с убийцами Лумумбы! — сказал он.

Совещание в Тананариве открылось без Гизенги. Могло ли оно принести пользу Конго, да и была ли перед ним поставлена такая задача? Не было ли там и тогда решено заманить с помощью ООН этого виднейшего и авторитетнейшего лидера Конго в Леопольдвиль или Элизабетвиль с тем, чтобы затем передать его в руки убийц Лумумбы?

Если мы внимательно изучим телеграммы корреспондентов телеграфных агентств из столицы Конго в начале прошлого года, мы придем к определенному выводу на этот счет.

Именно в то время в печати западных стран появились первые сообщения об аресте и даже гибели Антуана Гизенги. Эти сообщения преследовали две цели: во-первых, запугать Гизенгу и его соратников и, во-вторых, приучить общественное мнение всего мира к мысли, что Конго стоит на пороге еще одной трагедии.

В феврале или марте прошлого года Антуан Гизенга с иронией сам говорил об этом.

— Ваша печать,— напоминал он Маргарите Хиггинс, примчавшейся в Стэнливиль, чтобы «прощупать» преемника Лумумбы,— ваша печать утверждает, что меня свергли, что я даже мертв. Но я вот говорю, что я нахожусь здесь у руководства.

И после паузы:

— Вы сомневаетесь в этом, госпожа Хиггинс?

Убийство Патриса Лумумбы многому научило Африку. Антуан Гизенга и миллионы других патриотов Конго вправе были верить, что эти трагические события и вызванный ими бушующий ураган народных протестов кое-чему научили и врагов Африки. Но научили ли? Ирландский дипломат Конор Круис О'Брайен был видным представителем ООН в Конго, а затем главным представителем ООН в Катанге. В прошлом году он честно пытался на своем посту предотвратить гражданскую войну в сердце Африки, бороться за выполнение решений Совета Безопасности о выводе всех наемников, военных бельгийских специалистов и так называемых советников из Катанги. Но он ничего сделать не смог. Колонизаторы, связанные круговой порукой, мешали О'Брайену, как представителю ООН, выполнить свой долг. О'Брайен выступил тогда в печати с сенсационными разоблачениями — колониальные державы мешают выполнению решений ООН. Но тотчас вынужден был подать в отставку. Его заменил исполнительный швед Линнер. Представители ООН в Конго меняются, политика колонизаторов остается прежней.

Вспомним события, предшествовавшие аресту Лумумбы. Премьер-министр в августе 1960 года потребовал вывода бельгийских войск из Конго, разоружения банд Чомбе. В сентябре он уже был блокирован в своей резиденции на проспекте Альберта в Леопольдвиле. В декабре арестован, 17 января 1961 года подло убит.

11 января нынешнего года Антуан Гизенга направил телеграмму в Нью-Йорк в Организацию Объединенных Наций, требуя немедленного выполнения решений Совета Безопасности: бельгийские военные специалисты и советники, а также наемники должны быть выведены из Катанги, банды Чомбе — разоружены. Через шесть дней — 17 января — в Леопольдвиле объявлено о смещении Антуана Гизенги с поста первого заместителя премьер-министра и о введении в правительство предателя Чомбе. Еще через несколько дней Антуан Гизенга на самолете, принадлежавшем ООН, прибывает в Леопольдвиль, чтобы выступить в парламенте с обоснованием своей позиции, но оказывается под арестом тех самых ооновских войск, которые обещали обеспечить его безопасность. Эту нелепую ситуацию «исправляют» ответственные представители ООН: передают заместителя премьер-министра в руки его злейших врагов, тех, кто убил Лумумбу. Через сутки Гизенга под конвоем мобутовских парашютистов оказывается в военном лагере «Бинза».

Но вернемся на минуту снова к истории. 4 января прошлого года Лумумба тайно пересылает письмо из тисвильской тюрьмы специальному представителю ООН. В этом письме мы находим такие слова: «Нас заперли в сырых камерах... Ни разу нам не позволили выйти. Нам не был представлен ордер на арест... Я остаюсь спокойным и надеюсь, что ООН поможет нам выйти из этого положения».

Министр внутренних дел Конго Кристоф Гбение отказался подписать ордер на арест Гизенги. «Как я могу его арестовать,— спрашивал Гбение,— если мне поручена его безопасность?» Когда Гбение хотел посетить Гизенгу в военном лагере, чтобы убедить-

ся, что Гизенга жив, его туда не пустили — именем ООН и американского посла в Конго! Его туда не пустили те самые мобутовцы, которые вырывали у Лумумбы волосы и заставляли их глотать, когда везли его на казнь.

На глазах всего мира снова совершается вопиющее преступление. Можно не сомневаться, что через полгода или год какой-нибудь американский журналист с глубокомысленным видом будет пытаться объяснить причины нового падения престижа США. Пусть он обратится к событиям в сердце Африки!

Пусть он вспомнит убийство Феликса Муммие — отважного лидера народов Камеруна. Он был отравлен вскоре после того, как выступил в IV комитете ООН с разоблачениями зверств колонизаторов в его родной стране.

Пусть вспомнит судьбу премьер-министра Рвангасоре, когда на заседании правительства тот потребовал вывода иностранных войск из Руанда-Урунди и был убит выстрелом в спину.

Пусть он вспомнит арест Антуана Гизенги!

Люди спрашивают: НЕ ПОСТУПАЕТ ЛИ КОМАНДА ОБ УНИЧТОЖЕНИИ АФРИКАНСКИХ ЛИДЕРОВ ИЗ ОДНОГО И ТОГО ЖЕ ЦЕНТРА — КОМИТЕТА ПО ДЕЛАМ АФРИКИ ПРИ НАТО? НЕ ИМЕЕМ ЛИ МЫ ДЕЛО С ЕДИНЫМ, ШИРОКО ЗАДУМАННЫМ ПЛАНОМ УБИЙСТВА ВИДНЕЙШИХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ АФРИКАНСКИХ СТРАН, КОТОРЫХ АГЕНТЫ США НЕ МОГУТ КУПИТЬ ПОТОМУ, ЧТО ОНИ ВЕРНЫЕ ПАТРИОТЫ?

ВИДИМО, ДЕЛО ОБСТОИТ ИМЕННО ТАК.

«Создается впечатление,— пишет ганская газета «Ивнинг Ньюс»,— что защита какого-либо лидера со стороны ООН зависит от того, является ли такой лидер с точки зрения империалистов нужным человеком». Чомбе — нужный им человек, и посол США Галлион возит его в своей машине. Лумумба служил Конго и поэтому был замучен.

Африканские патриоты... Нет сегодня поста опаснее, чем ваш пост, но нет у африканцев судьбы выше!

Одна из последних телеграмм из Леопольдвиля, обративших на себя внимание, гласила: «После ареста Гизенги Бельгия выразила ворчливое восхищение деятельностью США в Конго». Но эта же телеграмма у всех честных людей вызвала другие чувства — протест, презрение к колонизаторам. Повсюду в мире поднимается новый бушующий ураган гнева. Конго слишком много испытало горя с января прошлого года по январь нынешнего.

Вот один из эпизодов разыгрывающейся трагедии в Конго. 20 января Антуан Гизенга прибыл в Леопольдвиль. На аэродроме его окружили вооруженные солдаты ООН. Так он шел по полю аэродрома. Но солдаты ООН встречали лидера патриотических сил Конго не для того, чтобы обеспечить ему безопасность в Леопольдвиле. Цель была другая — передать его в руки тех же людей, которые расправились с Патрисом Лумумбой.

ПЛЕЧОМ К ПЛЕЧУ

4 февраля — памятная дата в жизни Румынии и СССР. 14 лет назад был заключен Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и Румынской Народной Республикой.

«Флакара» по-румынски означает «Огонек». Так называется выходящий в Бухаресте еженедельный иллюстрированный журнал. В канун знаменательной даты мы позвонили в редакцию румынского тезки «Огонька» и попросили рассказать, как отмечает журнал годовщину исторического договора.

В первом номере этого года «Флакара» напечатал большой очерк о сотрудничестве румынских и советских ученых — физиков, астрономов, медиков, географов.

В пятом номере «Флакары» — дата его выхода в свет 3 февраля — публикуется очерк «Цветы дружбы». Этот материал — яркая иллюстрация того, что дал за полтора десятилетия обеим странам Договор о дружбе и сотрудничестве.

Огромный комплекс химических предприятий Борзешть, новый блюминг в Хунедоаре, новодарский завод удобрений, фабрика антибиотиков в Яссах, металлургический завод в Романе, занимающий площадь, равную городу с десятитысячным населением, подшипниковый завод в Бырладе — «вот лишь некоторые из крупнейших промышленных объектов, которые вошли в строй в последние годы,— пишет журнал.— В Галаце строятся суда для Советского Союза. Об их качестве очень хорошо отзываются советские кораблестроители».

Выйдут новые номера «Флакары». В них будут напечатаны новые очерки, репортажи о жизни Народной Румынии. И все они будут главами одной большой повести о щедрых плодах, которые приносит дружба братских стран лагеря социализма.

Новые жилые дома на проспекте имени Динику Голеску в Бухаресте.

Фото Аджерпресс.

ПО БЕЛУ СВЕТУ

ИНДОНЕЗИЯ

↑

Западный Ириан — индонезийская земля. Она должна быть воссоединена с родиной. Так думает народ Индонезии. Девушки, которых вы видите на снимке, работают на одном из государственных предприятий Джакарты. В один из январских дней они вышли на улицы города, чтобы показать готовность бороться за интересы своей родины. На их плечах лежал нелегкий груз солдатской винтовки. По всей Индонезии грозными для колонизаторов волнами нарастает движение за освобождение Западного Ириана. У Республики Индонезии достаточно средств, чтобы сделать это. В случае необходимости, если колонизаторы будут силой цепляться за остатки своих владений, армия республики сможет доказать им бесполезность такой попытки.

ЧЕХОСЛОВАКИЯ

→

Этот снимок получен из Братиславы. Недавно здесь был открыт Дом чехословацко-советской дружбы. Он уже завоевал большую популярность среди жителей Братиславы. В тот день, когда был сделан снимок, в лекционный зал Дома дружбы собрались люди, чтобы послушать рассказ о совместной борьбе патриотов Чехословакии и советских партизан во время второй мировой войны.

США

→

Перед вами Джон Гленн, тот самый американский пилот, который 27 января должен был подняться в космос, чтобы совершить трехкратный облет Земли. Но, как сообщили американские агентства, он смог подняться лишь на 90 футов — чтобы войти в кабину космического корабля. Через четыре часа он спустился вниз, так и не оторвавшись от Земли. В этот момент и сделано фото. Полет был отложен.

ИРАН

→

Тегеран — столица полицейского государства. Сцена разгона полицейскими демонстрантов, недовольных политикой властей, обычна для этого города. Та сцена, что изображена на снимке, разыгралась недавно. Иранские власти арестовали нескольких политических деятелей, которые были несогласны с политикой правительства. Жители Тегерана вышли на улицы, протестуя против действий властей. У правительства нашелся против демонстрантов лишь единственный довод — полицейская дубинка.

Заря над Молдино

Я. ФОМЕНКО

Осенью прошлого года мне довелось быть в Калинине. На полчаса забежал посмотреть картинную галерею и там увидел небольшое полотно. Подпись такая: «Г. В. Сорока. На озере Молдино». На переднем плане крестьянка в старорусском наряде, с коромыслом на плече. У реки другая крестьянка полощет бельишко. На том берегу — парк, купола церкви и господский дом.

О художнике Григории Сороке я знал очень мало. Собственно, ничего не знал. Где-то когда-то читал: был такой среди учеников Венецианова.

Стоящий позади меня научный сотрудник галереи поясняет:

— Крепостной художник. Трагической судьбы человек... Родом из нашей области. Не бывали в Молдино? Кроме Сороки, там жил Василий Васильевич Андреев, создатель знаменитого оркестра русских инструментов, жил «балалаечный Страдивари» Семен Иванович Налимов...

И добавляет:

— В Молдино теперь интересный колхоз.

Так и было сказано. Не «хороший» и не «плохой», а «интересный».

Допытываться, чем знаменит колхоз, некогда было. Я спросил только, живет ли кто из потомков Григория Сороки в Молдино. Мне ответили:

— К сожалению, у нас нет сведений.

Можно ли устоять перед неожиданно возникшей неизвестностью? Я еду на розыски потомков Григория Сороки.

* * *

Ираида Федоровна не может найти «точку», нервничает, сокрушается:

— Откуда я тут сниму панораму, скажите, пожалуйста?

Она взбирается на дощатую ограду школьного сада, берет на прицел строящийся колхозный клуб и щелкает затвором. Потом, рискуя свалиться, делает полуоборот налево и замечает водонапорную башню. Эх, оттуда сделать бы снимок!

Увы, на двери водокачки висит замок.

С тоской смотрит фотокорреспондент на кирпичное здание фермы, на общественную баню и приходит к печальному выводу:

— Не тот ландшафт...

Колхоз ей кажется не фотогеничным, хотя, куда ни глянь,—красотища. Озеро — маленький Селигер. Там и сям торчат из воды темные пни. Острова. Среди них один плавучий — лим. На реке, берущей начало из озера, построены колхозные гидростанции. Вода в озере поднялась на полтора метра, и торфяной остров сорвало с насиженного гнезда. И ветры гоняют его, как беспризорника, от одного берега к другому.

Все, буквально все просится на пленку. Но фотокорреспонденту «Калининской правды» Ираиде Обуховской не до красок природы. Все, что сейчас ее интересует, словно нарочно скрыто от объектива рощами, аллеями, лесом. А у нее задание: сделать панорамный снимок для номера газеты, посвященного открытию XXII съезда партии.

Бывает ведь так. Прослышишь о человеке: и то он сделал, и того достиг, и умен, и в деле своем большой искусник. И нарисуешь себе образ этакого богатыря: ростом — повыше Юрия Власова, в плечах — косая сажень; говорит — заслушаешься, шагнет — земля гудит. А встретишься со своим героем и видишь: ничего броского во внешности; когда скажешь, что ты из редакции, тушуется. Наведут на него камеру, он не знает, куда девать руки и как держать свою умную, ясную голову.

Так вот и с колхозом «Молдино» получалось. Слава о нем давно идет окрест как о хозяйстве культурном и крепко слаженном. Не самый богатый колхоз в области, но поучиться там есть чему, и люди там дружные, работящие, добрые.

Когда мне сказали про интересный колхоз и я попытался представить его «внешность», рисовалась та самая панорама, которую не смогла заснять Ираида Федоровна. Рисовалось нечто похожее на кубанскую станицу или на благоустроенный целинный совхоз, какой пришлось видеть за Кустанаем. И как-то в голову не приходило, что это же Калининская область с ее пустошами и трудными для земледелия угодьями, где пашня каждую весну — сколько ни убирай! — выпучивает под плуг и борону оставленные ледниками валуны. Не думалось о том, что селения здесь не в тысячи, не в сотни, а в два-три десятка дворов, а если побольше, то они уже крупные. Забылось, что осенью и весной болотистые низины тут полнятся водой, дороги превращаются в кисель, и трудяга председатель колхоза на полпути бросает вездеход, если он есть у него, и пехтурой, с жердиной в руках добирается до бригад, где ему надо быть до зарезу, чтоб лично проверить, не преют ли семена, хватит ли нетелям кормов до майской травки. И не так много километров — пять, семь, восемь. Но когда бригад много, нашагаешься до ломоты в суставах, до потери аппетита.

Именно в таких до умиления живописных, но упорно сопротивляющихся плугу земледельца и мало приспособленных для быстрого передвижения местах расположен колхоз «Молдино».

Про озеро, похожее на уменьшенный Селигер, уже говорилось. Вокруг этого озера разбросаны одиннадцать бригад артели. Одиннадцать бригад — это десять деревень: Молдино — центр колхоза, Шептуново, Покровское, Ильино, Полукарпово, Цветково, Михалево, Мануйлово, Лугинино, Воронцово.

Попробуй вмести все это в одну панораму! Попробуй найди точку — и такую, чтоб открылось «лицо» колхоза и все десять его деревень слились бы в единый образ!

* * *

Иду к точке, где, по моим расчетам, стоял когда-то мольберт Григория Сороки. Там теперь дом правления колхоза. Не белокаменный со светлыми колоннами, нет — деревянный, с антресолью, как раньше говорили, под крышей из лучинки. Между прочим, надежная крыша. Если лучинка еловая, то хватает на весь человечий век.

Дом правления примечателен вывеской в раме, под стеклом: «Картинная галерея колхоза «Молдино».

Я взбирался на антресоль по узкой и крутой лестнице. В темноте. То ли лампа перегорела, то ли ее совсем не было. На ощупь войдя на антресоль, я долго шарил по стене, пока нашел выключатель.

Вспыхнул свет. Он залил длинную комнату с низким (так всегда бывает на антресолях) потолком. Ее стены плотно увешаны картинами. Сорок семь картин. Не сорок семь тысяч, а сорок семь. Скромная цифра... Но это же заявка на будущее.

Простите! Это не только заявка на будущее. Это и наше сегодня. Значит, мы дожили до того, что наш хлебороб, ладони которого лежат на рычагах «ДТ-54», а не на поручнях сохи, как это было еще при жизни нашего поколения, который удобряет землю не только навозом, но и молибденом и боро-магнием, думает и мечтает о красоте вообще и о красоте своей собственной жизни. Даже вот здесь, на берегах затерянного в древних лесах озера.

На второй день меня снова потянуло на антресоль. Хотелось посмотреть картины в естественном освещении. Тесно им. А все же здорово, что они тут! Мысленно я благодарил художников Волкова, Первухина, Солодова, Архангельскую, Светогорова и других — всех, кто отдал свои полотна в дар потомкам Григория Сороки.

Из окна антресоли открывается тот самый пейзаж, который писал Сорока. Тот самый и совсем иной. Теперь тут не река, а озеро. Это колхозные комсомольцы воздвигли плотину и внесли свою поправку в натуру. Нет крестьянки с коромыслом на плечах. По соседству с лáвинкой — водоразборная колонка, у которой беседуют две колхозницы, одетые по-городскому. Нет барского дома. Купола бывшей церкви, где идет сейчас детский киноутренник, заслонены двухэтажным зданием клуба. Там зрительный зал на 330 мест и просторное помещение для картинной галереи. Открытие состоится в этом году.

Остались вековые дубы старого парка, где по вечерам раздаются частушки об ударниках бригады Николая Кочкарева и тунеядцах, бежавших на Кубань в расчете на «красивую жизнь». За деревьями парка — детские ясли и сад, средняя школа. Их и в помине не могло быть во времена Григория Сороки. Не могло быть пятиквартирного и шестиквартирного домов и многого-многого другого, что сейчас не вмещается в фотопанораму.

Осталось небо — обязательная часть пейзажа. Оно чисто и прозрачно. Стояла теплая и ясная погода золотой осени 1961 года.

* * *

17 октября, в день открытия съезда партии, областная газета вышла со снимком молдинского клуба. Через фото бежали слова: «Деревня шагает в будущее». Ниже — коллективная статья свинарки Е. Ипполитовой, тракториста П. Громова, бригадира Н. Кочкарева и председателя колхоза Е. Петрова.

Мне статья показалась немного выспренней. Очевидно, ради праздника ее в редакции «принарядили», и кое-что из того, что еще делается, стало выглядеть завершенным. К чему такое забегание вперед? Ни к чему, честное слово! Разве это мало — сказать, что центральная усадьба колхоза «Молдино» приобретает вид поселка городского типа? Очень много. Так нет же, пишется: она уже «стала настоящим городским поселком».

В те ранние часы 17 октября над Молдино полыхала необыкновенно яркая заря. Полнеба было охвачено огнистыми отсветами, словно за горизонтом вспыхнул исполинский маяк.

Там, за лесом, было солнце, ко-

ВСЕСОЮЗНАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА 1961 ГОДА

Х. Якупов (Казань).
ПОРТРЕТ М. ГАЛИУЛЛИНОЙ — ЗНАТНОЙ СВИНАРКИ КОЛХОЗА имени ВАХИТОВА.

Н. Котанджян (Ереван). СТРОИТЕЛИ ГАЗОПРОВОДА.

А. Абдуллаев (Баку). ПОЛДЕНЬ.

нечно. Оно вскоре осветило дома на улицах Радости, Культуры, Победы, Кленовой и Лесной, окрасило в мягкопламенные цвета озеро. Все вокруг приобрело вдохновенно-праздничный вид. А тут еще звон кремлевских курантов понесся из репродукторов. А вслед за тем вспыхнули изнутри окна. Люди проснулись, чтобы начать свой обычный трудовой день.

Вот и первый прохожий появился на улице. Он идет, чуть ссутулившись, словно несет на плечах невидимый груз. А колхозники, выглянув из окна и заметив прохожего, говорят:

— Евгений Александрович уже пошагал...

И торопливее становятся движения людей, которые пойдут сегодня поднимать лен со стлищ, заводить тракторы, перепахивать картофелища, подвозить корма к фермам, перелопачивать зерно, налаживать «Кондрашук» — льнообрабатывающую машину.

Евгений Александрович Петров — председатель колхоза. Если бы не война и некоторые другие трагические обстоятельства, можно было бы сказать: бессменный председатель с 1929 года.

Громких эпитетов для характеристики молдинского председателя подбирать не стану. Скажу коротко: он коммунист. Скажу еще, что главная его черта — трудолюбие. Лучше всего я «разглядел» Евгения Александровича в тот день, когда над Молдино небесным пожаром полыхала редкая по красоте заря,— 17 октября.

После того, как фигура председателя скрылась в дверях фермы, по радио объявили:

«Внимание! Говорит Молдино. Говорит радиоузел колхоза «Молдино». Сегодня в шесть часов вечера в помещении картинной галереи состоится собрание уполномоченных...»

Заранее предупреждаю: в тот вечер не было на антресоли дискуссий об искусстве. Хотя на стенах висели картины, говорили не про живопись — о будничных делах: о балансе кормов, о зимовке овечьих отар, об урожае клеверов и кукурузы, о питательности силоса и выгодности откорма телят, о сдаче мяса государству и прожорливости уток. Проза!

Принято считать, что о людях надо судить не по речам, а по делам. Но и речи бывают разные. Евгений Александрович говорил дельно. Это само собой. Кроме того, он говорил так, что я, посторонний, можно сказать, человек, как лейденская банка, вбирал в себя заряд бодрости. Особенно когда он произносил свое любимое: «Сделаем так...»

* * *

Урывками слушаю радиопередачи о съезде партии. Отчет Центрального Комитета. Доклад о новой Программе. К горлу подступает комок, мешающий спокойно дышать. Говорят, такое состояние называется сентиментальной слезливостью. Не стыдясь, признаюсь перед всеми, кто прочтет эти строки: я подвержен этой «болезни», когда думаю о свершениях моей партии, когда слышу имя Ленина.

Уверен, что мои товарищи по партии не сочтут за бахвальство и нескромность, если я объясню, почему заболел и почему страдаю такой «болезнью». Я стал коммунистом при жизни Ленина, когда была принята вторая Программа партии. Тогда я был политически малограмотным и каждый раз лез в словарь, встретив иностранное слово. Нам, членам сельской партячейки, хотелось все знать, а книг не было, и газеты приходилось доставать, как теперь говорят, «проявив героизм». Мы знали, что за каждым словом Программы стояло имя Ленина, и поэтому самые трудные и даже непонятные выражения наполнялись особым смыслом. Мы верили Ленину, и потому все, что записано было в той, второй Программе партии, было для нас бесспорнее и дороже, чем священное писание для искренне верующего человека любой религии.

К чему такая исповедь? Да к тому, что здесь, в одном из районов Калининской области, в дни, когда шел XXII съезд партии, я увидел воплощение идей той, второй Программы. Может, я нашел «идеал», все, что завещал нам Ленин, чем живет наша страна и что может составить сумму наших успехов и достижений? «Нет» и «да»! Больше — «да»! Если хотите знать, только «да», потому что все, что подпадает под «нет», появилось вопреки Ленину, осталось в жизни, потому что были годы, когда партии мешали действовать и жить по-ленински, потому что людям из колхоза «Молдино» и его председателю чинили препятствия, не давали развернуться во всю ширь и мощь, мешали сделать сполна то, что могли бы сделать потомки Григория Сороки, ставшие коммунистами и возглавившие мечту русского крестьянина о жизни, достойной его трудолюбия и таланта.

Перед тем как вкратце изложить хронику жизни колхоза «Молдино» и некоторые факты из биографии его председателя, хочу напомнить об одной не нуждающейся в доказательствах истине. Мы часто, к сожалению, забываем о ней или не придаем ей должного значения. Я имею в виду миссию русского крестьянина. Это же факт, что русский крестьянин первым из крестьян всей земли стал на сторону рабочего и разделил с ним все трудности и лишения великого дела преобразования жизни, прошел при его братской помощи никем не изведанный путь от «идиотизма деревенской жизни» до сознания преимуществ коллективизма и практического утверждения прогрессивности колхозного строя. Мало мы еще сделали для того, чтобы этот всемирного значения факт стал предметом национальной гордости всех, начиная от первоклассника и кончая убеленными сединами ветеранами жарких сражений за социалистическую деревню.

В колхозе «Молдино» установилась хорошая традиция. Ежегодно 25 января там празднуют годовщину основания колхоза — День коммуны. Это колхозный «престольный» день. Вместо «покрова», «всех святых» и множества «богородиц». И празднуют его в каждом дому, с гостями из ближайших колхозов-соседей, с приглашением родичей-горожан, покинувших по каким-либо причинам деревенскую улицу. Не скажу, что веселье проходит в каждой семье «на высоте». Бывают огрехи. Важно, что огрехов становится все меньше, а хороший обычай плотно вошел в быт. В этот день выдаются подарки лучшим работникам, славят тех, кто шел впереди других в труде; ветераны вспоминают минувшее.

Анна Никифоровна Григорьева, нынешняя звеньевая и секретарь парторганизации второй бригады, а в прошлом — коммунарка, хорошо помнит годы создания и становления молдинской коммуны, от которой пошел колхоз.

До 1929 года на правом берегу реки Молдинки возникло товарищество по совместной обработке земли под лирическим названием «Утренняя звезда». Состояло товарищество сплошь из... евангелистов. Общим у них было только одно: вывеска. Под ее прикрытием орудовали крепкие хозяева, прибравшие к рукам лучшие земли.

В один из дней братья во Христе прочитали в газете «Наш край» статью под заглавием «Утренняя звезда», где гниль и сумерки». Прочитали и всполошились. Статья раскрывала нутро лжетоварищества. Автором был какой-то селькор с псевдонимом «Прохожий».

Впрочем, для многих псевдоним не составлял секрета. В Молдино, в Марьино, в Шептуново до появления статьи частенько наведывался восемнадцатилетний избач из Лугинино, активный член Союза безбожников Женя Петров. Он собирал бедняков, молодежь, вел беседы о настоящей коллективизации. Так что, когда сагитированные Женей бедняки решили жить коммуной и понадобился вожак, они знали точный адрес и пришли в лугининскую избу-читальню. В итоге создалась инициативная группа. В нее вошли Михаил Гаврилов, Константин Яковлев, братья Василий и Никанор Григорьевы и Евгений Петров.

Так вместо распавшейся «Утренней звезды», убежища евангелистов, в Молдино возникла коммуна из бедняков и середняков близлежащих деревень. Коммунаров не смущало, что их было сперва только тринадцать семей — число для суеверных людей несчастливое. Вскоре их стало тридцать, а потом еще больше.

Много времени потребовал бы рассказ о том, как укреплялось хозяйство молдинской коммуны, а затем артели. Многое пережили люди колхоза и его председатель. Были кулацкие провокации и прямые нападения. Было и так, когда женщины-коммунарки заслонили сваленного с ног бандитским колом председателя и тем спасли его от неминуемой гибели. Были выходы и возвращения в коммуну, когда люди, поддавшиеся вражеским наветам, бросали коллектив, а затем на коленях просились обратно, как это случилось в феврале 1931 года с Иваном Васильевым.

Горе и радость сплетались в один жизненный клубок. Всем миром встречали первый «Фордзон», триумфально прогрохотавший по улицам Молдино. Его привел нынешний хозяин колхозного радиоузла, первый механизатор Даниил Гаврилович Кухарчук. Сейчас в колхозе около ста человек работают на машинах, а в те дни... Что говорить! Все, кто любовался, как Даниил Гаврилович ворочал рулем, наделяли первого тракториста доблестью и силой Ильи Муромца.

Колхоз ширился, утверждал новые порядки и новые праздники, нес зажиточность в избы, преодолевал рутину в своей среде и «выверты» некоторых районных руководителей, чествовал лучших и воздавал должное лодырям. Далеко вокруг, куда только доходила молва о справедливых порядках у молдинцев, люди говорили: «Крепко, дружно работают у Петрова и живут куда получше нашего...»

И как было не жить хорошо молдинцам! Не стало кулаков, растеклись по укромным углам евангелисты из бывшей «Утренней звезды». Вчерашние бедняки и середняки набрались опыта и хозяйствовали недурно. Дела они решали соборно, были довольны председателем и не ждали, что им нанесут удар исподтишка, так вероломно и так нечестно.

* * *

Об этом факте я узнал от многих. Говорил мне о нем старый колхозник, коммунист Федор Иванович Иванов, говорила хозяйка дома, где я квартировал, говорил секретарь парткома Анатолий Петрович Кузьмин.

Утром, в обед и вечером радио приносило из Кремля вести о съезде партии. С высокой трибуны доносилась до умов и сердец миллионов правда о тяжких днях периода культа личности. Горькая, щемящая сердце, вызывающая гнев, но целительная в своей откровенности и чистоте правда. Она снимала с совести партии груз недомолвок.

В эти дни мне сказали:

— Наш Евгений Александрович тоже пострадал от культа...

Нелегко вспоминать о временах несправедливости. Это то же, что прикасаться к незажившей ране. Но вспоминать надо. Чтоб больше не повторилось.

В 1937 году колхоз «Молдино» обезглавили. Его председателя арестовали по доносу и отвезли в Бежецк, в тюрьму. Протестующие письма, полетевшие из Молдино, бесследно пропадали. Но разными путями шли из Бежецка в Молдино слухи: Петров жив.

Коммунист Петров не только жил. Он боролся за свою честь, опровергал одно за другим чудовищные обвинения, сам обвинял подлинных врагов народа. Он верил тогда в Сталина и клялся его именем. «Обвиняемого» принуждали «признаться», уговаривали и устрашали, соблазняли смягчением кары и угрожали применить «крайние меры». Он не сдавался.

Год и два дня Евгений Александрович Петров был «под следствием». Подлецы, клявшиеся интересами народа, не могли его заставить оклеветать самого себя. После объявленной Петровым голодовки последовало вмешательство прокурора, а затем освобождение, восстановление в партии, а через некоторое время и в почетной, ставшей еще более дорогой должности председателя колхоза.

Именно эти трагические обстоятельства я имел в виду, когда писал, что не будь их, не будь войны, Евгения Петрова можно было бы назвать в числе немногих во всей стране бессменных председателей колхоза. А, собственно, почему нельзя назвать? Народ колхозный никогда не отказывал ему в доверии.

* * *

Мы едем из Покровского в Ильино. Евгений Александрович говорит:

— Эту дорогу у нас называют дорогой жизни.

В шутку или всерьез говорит

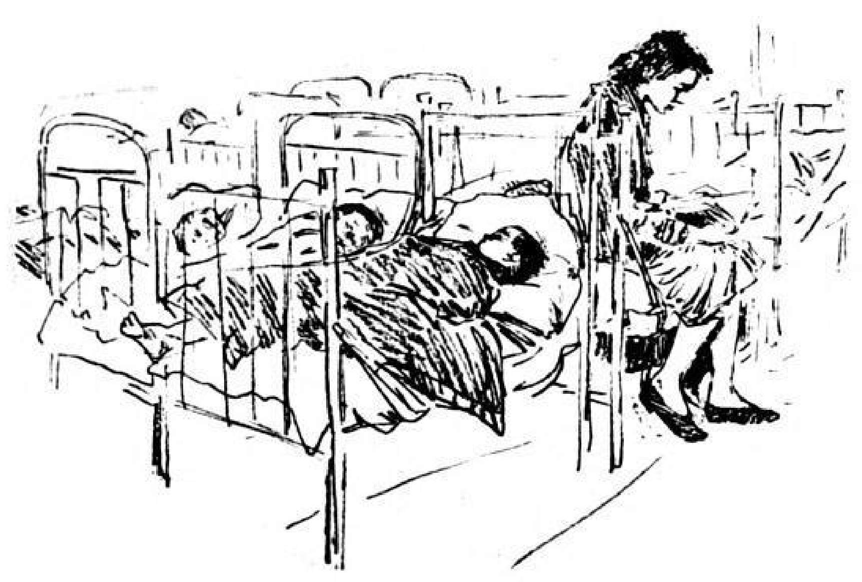
Первая из трех ГЭС в Молдино.

Старейший механизатор колхоза Д. Г. Кухарчук.

Председатель колхоза Е. А. Петров.

В колхозном детском саду.

Бригадир Н. Н. Кочкарев.

Новый колхозный клуб.

Рисунки Л. ХАЙЛОВА.

«Молдино слушает», — отвечает Валя Бойцова.

мой собеседник? Вполне серьезно. Никакой поэтической выдумки в таком поэтическом наименовании дороги я не усмотрел, когда узнал, откуда оно взялось.

Был по соседству с колхозом «Молдино» колхоз «Красный городок». Ничего городского в нем не было, и почему его так назвали, сам бог не знает. Состояли в колхозе деревни Ильино, Полукарпово, Захарьино — деревни-отшельники, отрезанные от всего мира болотистой поймой речки Меглич, труднопроходимыми низинами, лесными зарослями и сопками с огромными валунами на макушках.

Председатели в «Красном городке» менялись чуть ли не каждое новолуние. Последний — не будем называть его имени, чтоб ему пусто было! — пропивал общее добро уже не в одиночку.

Годов несколько тому назад решено было объединить «Красный городок» с колхозом «Молдино». Кто-то в районе, а может, и в самой области, посочувствовал жителям деревень-отшельников: не пропадать же им, бедолагам. Посочувствовал, а сам взяться и выручить, наверно, не захотел. Поручим, дескать, такое дело молдинцам. Им не в новинку вытаскивать из болота отстающих.

Молдинцам и впрямь такой подвиг не в новинку. Они то и знай объединялись да укрупнялись. Объединились с «Авророй», укрупнились с «8 Марта», с другими артелями. Правда, не всегда сразу соглашались на совместную жизнь и на совместный труд, костили на чем свет стоит незадачливых соседей.

Не будем греха таить: не всегда укрупнение производилось продуманно. Да и справедливость иногда нарушалась. Ведь правы были рачительные молдинцы, когда выговаривали своим соседям. Легко ли принимать на свой горб запущенные земли, покосившиеся риги и скотные дворы, а то и большие долги государству!

Выговорившись, поостыв, молдинцы все же соглашались принять в свою семью и михалевцев и грибачевцев, хотя у первых ветром крышу снесло с конюшни, а вторые жили на отшибе и считали себя наполовину колхозниками, а наполовину просто хуторскими жителями.

Так молдинцы приняли в компанию и «Красный городок», предварительно вспомнив всех матушек и прабабушек до седьмого колена. Раз приняли, надо помогать, надо выводить в люди. А как поможешь, когда машины с удобрениями в Ильино и Полукарпово не проходят, когда привезти и вывезти оттуда какой груз посолиднее — одна мука? Единственный выход — строить дорогу. И построили, соединили отшельников со всем колхозным миром. Теперь рядом с заброшенными мостками через болото тянется дамба, насыпная. Через Меглич перекинут многотонный мост. Сопки разрыты экскаваторами до самого основания. Обошлась дорога в полтораста тысяч рублей старыми деньгами.

По-новому стали жить в Ильино, в Полукарпово, в Цветково. Появилось электричество. Урожаи были в 5—6 центнеров — выросли до 15—16, а иногда и больше. А грибачевцы, бывшие хуторяне, те переселились в новые дома в Молдино, на улицы Радости и Культуры.

Проложенная через болото дорога жизни стала символом объединения, братской взаимопомощи. Все теперь — и шептуновцы, и полукарповцы, и цветковцы — тянутся за молдинской бригадой Николая Кочкарева, ударника коммунистического труда. У того зерновые дают средний урожай в 18—20 центнеров с гектара, кукуруза — 700 с лишним центнеров силоса, картофель — 200—210, лен — 6 и побольше центнеров драгоценного волокна. Трудятся, словом, прицеливаясь на коммунизм, шагая в него впереди других. А другие смотрят и учатся.

Не в этом ли главная суть программы обучения в той школе, которую мы называем колхозом, — школе коммунизма? Не в этом ли великий смысл закона: человек человеку — брат?

...Когда подъезжали к Молдину, Евгений Александрович показал на новый дом:

— Наш погорелец живет...

И вспомнилось мне тоскливое, приниженное, молящее: «Подайте милостыньку на погорелое...»

Петр Иванович Иванов — или Петя-маленький, как зовут этого невысокого, веселого, всегда куда-то торопящегося человека, — когда случилась беда, никуда не ходил с протянутой рукой.

Пожар занялся в самом конце июля. Виновниками были четырехлетний Вася и трехлетний Миша. Старшие ушли на работу. Малыши играли со спичками и доигрались. Их едва спасла сестра, прибежавшая из школы. Пожарная машина не справилась с огнем. Стояла сушь. За полчаса дома не стало.

Вместо дома «восемь на четыре» на подворье Петра Ивановича стоит теперь дом «одиннадцать на шесть». Колхоз отпустил три с половиной сотни новыми деньгами, колхозники собрали четыре сотни. Да страховка, да трудовая помощь... Школьники натаскали столько мха — хватило бы законопатить три дома. Соседи нанесли подарков — утвари, подушек и всякой всячины. Вот и вся недолга. Вот и колхозная «милостынька».

По колхозу ходит такая шутка. Будто бы Мише, одному из «поджигателей», новый дом очень понравился, а Васе — не совсем, и он предложил братишке:

— Мишка, давай опять подпалим... Не такой еще дом поставят — лучше...

И еще говорят, что Петр Иванович на радостях хватил лишку хмельного и его совестили:

— Эх, Петя, Петя! Как же тебе не стыдно! Тебя всем миром выручали, а ты пьешь в одиночку. Нехорошо!

* * *

Навстречу мне вышел гвардейского роста старик. Безбородый. Держится молодо для своих семидесяти пяти лет.

— Да, я Сорокин, — отвечает он, — Емельян Васильевич. У деда было прозвище Сорока, а у меня, конечно, фамилия.

Я нашел прямого потомка крепостного художника Сороки.

Емельяну Васильевичу было восемнадцать лет, когда умерла его бабка. О своем муже Анна Федоровна говорила только шепотом. Боялась, как бы кто не подслушал. Ведь Григорий Васильевич был «бунтовщик».

По ее рассказам, жизнь Григория Сороки сложилась так. Его совсем молодым помещик Милюков послал в Питер учиться садоводству. Там его заметил Алексей Гаврилович Венецианов, маленькое имение которого, Сафонково, находилось недалеко от Молдино. Из Питера Григорий Васильевич возвратился садоводом и живописцем. Ухаживал за садом в милюковских «Островках» и расписывал церковь Покрова. Лики великомучениц писал с крестьянских девушек, а святых мужского пола — со своих сверстников. В редкие часы занимался светской живописью.

Манифест об «освобождении» застал Григория Васильевича в родной деревне. Как и раньше, крестьяне ходили на барщину. Милюков мог быть доволен. Но в один из дней доселе покорные крестьяне на барщину не явились. Среди зачинщиков «бунта» оказался художник Сорока. После экзекуции помещик объявил, что сдает Григория в солдаты.

Предпочтя смерть солдатчине, Григорий Васильевич повесился у Большого камня, где стояла тогда гончарня.

И сейчас у въезда в Покровское мрачным памятником стоит огромный валун. А на могиле Григория Васильевича разросся неизвестно кем и когда посаженный пышный куст сирени.

Долго мы беседовали с Емельяном Васильевичем. Он перебрал всех Сорокиных. Разъехались они по всему Союзу. Есть учителя, есть агрономы, есть моряки, есть колхозники. У Емельяна Васильевича, кроме двух дочерей, есть сын, строитель, живет в Ленинграде. Поговорили и про земляков. Близко от того места, где был дом Григория Васильевича Сороки, стоит полуразвалившийся дом Сергея Егоровича Горячева. А кто такой Горячев? Генерал. Как ушел в гражданскую войну, так и не был в родных местах. Все некогда, вероятно. Командует, говорят, большими войсками. Односельчане жалуются:

— Хоть бы письмо прислал, разрешил бы свою избу разобрать. Пейзаж портит...

У самого Емельяна Васильевича жизнь шла по-разному. Было время, когда он не верил в колхоз, боялся ломки деревенской жизни, уходил в город, потом возвращался. А теперь, прощаясь со мной, он говорит:

— Признаюсь, большую ошибку понес, что отпустил сына из колхоза. Работал бы он тут, жил бы не хуже, чем в городе. Строители в колхозе ох как нужны!

Ранним-ранним утром я уезжал из Молдино. Опять полыхала заря.

Молодость с ним

Всеволод Кочетов.

До «Журбиных» он написал несколько повестей и сборников рассказов. Я не читал их и не могу судить, почему они не сделали громким имя автора. Легче всего было бы предположить, что вещи эти оказались малоудачными. Предположить можно легко, но так же легко можно впасть в жестокое заблуждение. К несчастью, нередко получается так, что тот или иной писатель пребывает в долгой безвестности, и не по своей вине, а по вине нашей критики, сосредоточившейся на перетасовывании одних и тех же фигур — милой ее сердцу обоймы, словно она, критика, озабочена тем, как бы эта самая обойма от редкого употребления не заржавела.

Когда явились «Журбины», вместе с ними так же весомо, грубо и зримо явилось имя замечательного романиста Всеволода Кочетова, то самое имя, вокруг которого не перестают бушевать страсти. «Журбины» продолжали еще волновать читателей, а В. Кочетов, кстати сказать, неутомимый труженик, выпускает новый роман — «Молодость с нами», не менее страстный, не менее полемичный. Потом на арену борьбы вышли «Братья Ершовы», потом — «Секретарь обкома». Снаряд за снарядом посылает по точно выявленным целям этот солдат партии, непримиримый и бескомпромиссный там, где дело идет об интересах народных.

Книги В. Кочетова современны в самом конкретном, в самом высоком понимании слова. Они как бы выплавляются в горниле нашей сегодняшней действительности, горячей, беспокойной, будоражащей и бодрящей. Из этого горячего цеха жизни, часто еще не установившейся, бурлящей, не вошедшей в спокойные берега, выходят романы В. Кочетова. Такие же горячие, такие же беспокойные, они никого не оставят равнодушными. Да, это, конечно, не воскресное чтиво для любителей изящной словесности. Книги В. Кочетова привычней и естественней видеть в грубых руках сталевара или шахтера, в руках партийного работника — этим они нужны, как отбойный молот, как незаменимое пособие пропагандиста. Однако чем же это плохо? Разве не в этом видел свое призвание Маяковский, страстно желавший, чтобы его стихи сравнивали с выделкой стали?

Слов нет, в романах В. Кочетова местами чувствуется, что рука автора слишком торопилась за горячими мыслями и не успела иногда отшлифовать фразу. Но кто же обвинит бойца, не пожелавшего быть замыкающим в атакующей цепи, которая рвется вперед по неразведанной местности, где есть и ухабы и бугры!

Всеволоду Кочетову 50 лет. Следовательно, он очень еще молод, молодость всегда с ним, молодость с ее задором, неутомимой жаждой борьбы. Писатель хорошо владеет своим оружием, и хочется, чтобы он как можно дольше не выпускал его из своих рук.

Новых книг, новых творческих побед хочется пожелать страстному борцу за коммунизм, писателю, стоящему в первых рядах советской литературы, — Всеволоду Анисимовичу Кочетову в день его пятидесятилетия.

Михаил **АЛЕКСЕЕВ**

СКОЛЬКО ЛЕТ, СКО

17

Мы встретились с Сабиной лишь через несколько дней. Она показалась мне не то, чтобы помолодевшей — куда Сабине молодеть! — но какой-то повеселевшей, что ли. Словно заново обрела свободу, сбросила какую-то тяжесть, которая угнетала, заставляла потуплять глаза и опускать плечи.

Что бы мы ни делали — бродили по аллеям, кормили зеркальных карпов или голубей,— я раздумывал: сказать Сабине о визите в «Остатню моду» или не сказать?

Мне было бы легче решиться на этот разговор, если бы Сабина была встревожена, огорчена, как в предыдущую нашу встречу. А ее беспечальное настроение крайне затруднило мою задачу.

За время, пока Сабина куда-то уезжала по своим делам, я, кажется, понял, каким образом на ее горизонте мог появиться пан Щавиньский, человек легкого жанра.

В глубине души Сабина считает себя неудачницей, а таких всегда тянет к жизнерадостным, удачливым людям. Щавиньский на самом деле влюблен в красавицу Сабину, а ответить на любовь взаимностью всегда легче, чем самой полюбить. Щавиньский давно, терпеливо ухаживает за Сабиной, и, когда она решилась уйти от одиночества, оказался рядом, предложил свое веселое общество, протянул свою опытную руку...

Я шел с опущенной головой, заложив руки за спину, молча. А мысленно горячо ее убеждал:

«Сабина, девочка моя родная, прошу вас, как просил бы сейчас родной отец. Не делайте этого поспешного шага! Погодите! Оглядитесь! Соберитесь заново с мыслями! Проверьте чувства еще раз! Если любовь настоящая, она умеет ждать. Это вам говорит человек, которому не повезло в семейной жизни, и потому мое предостережение имеет бо́льшую цену, чем если бы вас взялся сейчас наставлять какой-нибудь счастливый семьянин. Соединить свою жизнь с человеком, которого не любишь,— грех против жизни. Это более безнравственно, чем состоять в незаконном браке, стать женой без благословения ксендза...»

Мы остановились возле сосновой рощицы. Сабина стала подзывать белок, соблазняя их печеньем.

Две прирученные белки спустились к нам по стволу сосны, позолоченной закатным солнцем.

Одна белка безбоязненно взяла ломтик печенья из рук Сабины и тотчас же без жадности, но с аппетитом сгрызла. Вторая белка сперва долго принюхивалась, не очень-то доверяя Сабине, затем хищно схватила ломтик и метнулась вверх по стволу, унося добычу в острых зубах. Белка спрятала печенье в дупле и стремглав бросилась назад за новым ломтиком.

Но угощать снова эту белку Сабина не захотела: лучше скормить все печенье той, доверчивой и не жадной белочке.

Сабина обратила внимание на то, что у белок, совсем как у людей, несхожие характеры.

И вдруг добавила, будто бы без всякой связи с предыдущим, что ее бывший жених, пожалуй, больше похож на второго зверька, того, который уволок печенье про запас.

У Сабины достало силы произнести все это безразличным тоном, как бы между прочим. А я сделал вид, что не понял или, может быть, не расслышал слова «бывший».

И мы продолжали говорить о чем угодно, только не о том, что нас обоих волновало...

Сабина очень весело заявила, что хочет остаться старой девой. Да, красивой девушке в двадцать один год можно шутить на эту тему. Женщина, которая на самом деле боится застрять в старых девах, никогда не скажет об этом вслух.

Сабина с серьезным лицом напомнила, что, по данным последней переписи, женщин в Польше на один миллион больше, чем мужчин. Так что удивляться нечего: очевидно, она оказалась среди тех, кому не хватило женихов или мужей...

Впрочем, непринужденно рассмеялась Сабина, таких разборчивых невест, как она, могут выручить брачные объявления.

Иные газеты и журналы в Польше печатают брачные объявления, а специальные бюро занимаются сватовством. Так вот в вечерней газете «Курьер польский» Сабина на днях прочитала объявление: красивая, выше среднего роста, светлая шатенка двадцати трех лет, без прошлого и с легким характером, религиозная, любящая искусство, путешествия и — если верить ей самой — интеллигентная, хочет соединиться узами брака с паном в возрасте не старше сорока лет, неразведенным, без долгов, культурным, который живет за границей, а в Польше гостит у родных или находится временно по делам.

— Жаль, пан Щавиньский не живет постоянно за границей...— Я театрально вздохнул.— А то бы он подошел той красивой шатенке по всем статьям. И возраст пока ему позволяет. И долгов за ним не водится. И всю жизнь проходил в кавалерах...

Сабина не слышала меня или делала вид, что не слышит. Она шумно возмущалась этой пани — интеллигентной! — которая попросту хочет сбежать из Польши с богатым туристом! Сабина никогда бы не согласилась покинуть родину, расстаться с мамусей и — Сабина опустила голову — с татусем. Пусть могила не найдена, но известно, что татусь похоронен со своими дружками-партизанами в Свентокшиских лесах... Продать тело и душу, чтобы стать эмигранткой? О-е-ей! Это же низкий поступок!!!

— А что пан Щавиньский делал во время войны? Ведь он всего на несколько лет моложе вашего отца...

Сабина растерянно пожала плечом. Видимо, вопрос застал ее врасплох. А я безжалостно добавил, не ожидая, пока она справится со смущением, что мать на ее месте уже давно задала бы такой вопрос если не пану Щавиньскому, то хотя бы самой себе.

— Жаль, не уродилась я раньше. Лет на пятнадцать припозднилась,— сказала Сабина раздумчиво.— Я бы в час войны тоже за пулеметом лежала. Обок татуся.— Она крепко сжала кулаки, схватилась за ручки воображаемого пулемета и слегка прищурилась, словно целилась в кого-то или пыталась разглядеть что-то вдали.— Мины выставляла бы. Чтобы фашисты чаще спотыкались на польской земле! — Сабина горько вздохнула.— Наверно, и незнаемый жених мой в той пуще воевал. Гвардия людова... Ах, пан Тадеуш, как я припозднилась! А если некому было перевязать раны героям? Вот и лежит мой неведомый коханый разом с татусем. Свентокшиские горы... Мы там с мамусей братскую могилу искали...

И Сабина вновь пристально смотрела куда-то далеко-далеко, намного дальше Катовиц, дальше задымленного горизонта.

18

Тесно, ох, как тесно стоят дома на этом косогоре! Да, здесь дорог каждый клочок земли, здесь не разгуляться строителю, архитектору, садовнику, огороднику. Дома, все как один, в красных черепичных картузах. Стоят они длинными шеренгами и так тесно, что если разбежаться, можно перепрыгнуть с крыши на крышу. Но так только кажется издали. Каждый дом окружен маленьким садиком. Дома едва проглядывают сквозь зелень: они укрыты плющом, диким виноградом, кустарником, яблонями, вишнями. На улочках, круто сбегающих вниз, кое-где валяются камни: их приволокло с горы во время недавних сильных ливней. Через поселок размашисто шагают высоченные столбы подвесной канатной дороги, и над головами жителей, высоко в небе, ползут вагонетки. И никак не понять, вагонетки на самом деле маленькие или сильно уменьшены расстоянием.

Свой последний воскресный день я хотел провести с Сабиной. Правда, в планетарии воскресенье — самый суетливый день. Об отлучке из просмотрового зала или с площадки, на которой установлены телескопы, и речи быть не может. Что же, я согласен был прослушать подряд все лекции, просмотреть все сеансы, пусть у меня совсем онемеет шея...

И, однако же, вместо планетария я поехал в поселок, где жил машинист комбайна Кулеша. Ну, просто из приличия полагалось хотя бы на прощание его проведать. Конечно, не очень-то весело слушать стоны и вздохи больного, когда ничем не в состоянии помочь.

Встретил меня Кулеша с шумной радостью, и едва я уселся у кровати, заверил:

— Я здоров, как рыба!

Окончание. См. «Огонек» №№ 2—5.

ЛЬКО ЗИМ

Евгений ВОРОБЬЕВ

Повесть

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Безусое лицо его, шея и грудь казались на подушке совсем темными. Лицо и шею покрывала сетка глубоких морщин, но брови и копна темных волос не поддались возрасту, только на висках белела седина. И темные глаза совсем не состарились.

Нога у Кулеши была в гипсе и покоилась на возвышении из подушек.

Лежал он недвижимо, но при этом был полон такой неистощимой энергии, так живо на все реагировал, так тяготился покоем, что могло показаться: он все время находится в движении.

Он сообщил мне доверительным шепотом, что «Донбасс» — первоклассная машина. Ну, а что касается травмы, то комбайн здесь совершенно ни при чем: никогда не нужно путать мякину с зерном или варить капусту вместе с горохом... Несчастье случилось только потому, что в забое было очень тесно: «Еще меньше места, чем каждый получает на погосте. Но зато шумнее...»

У изголовья стоял телефон. Кулеша с важностью сообщил, что телефон ему установили, когда он работал в спасательной команде. Он может в любое время суток осведомиться, как дела под землей. Его будят среди ночи, когда хотят получить от него срочный совет. Не кто иной, как Люциан Янович, позвонил ему из шахты и сообщил, что сибирский инженер заменил его, Кулешу, на комбайне.

И затем, в продолжение всей беседы, хозяин нет-нет да и посматривал озабоченно на телефон; он забыл, что сегодня воскресенье и шахта не работает, он явно жалел, что никто к нему сейчас не звонит.

Так как телефон не звонил, а похвалиться чем-нибудь очень хотелось, Кулеша ткнул темным, по-стариковски узловатым пальцем в фотографию на стене. На снимке изображен был острый момент футбольного матча.

— У старушека Иренуиша Кулеши три сынуся: два разумных, а третий футболист.— Он смотрел на фотографию счастливыми глазами, а говорил сварливым тоном: — Все люди мозгами шевелят. А мой бьет мозгами по мячу!

Нетрудно было догадаться, что это Кулеша-младший, с цифрой «11» на спине, в высоком прыжке бьет по мячу головой.

Кулеше пришлось на время прервать рассказ о других своих детях, потому что явилась сестра милосердия из госпиталя монахинь-эльжбетанок: время делать укол. Монахиня поискала глазами распятие в углу комнаты, но там висела только парадная шахтерская шапка — подобие черного цилиндра с кокардой и султаном из красных перьев.

Может, праздничный головной убор потому такой высокий, что в будни шахтер слишком часто ходит, согнувшись в три погибели, боясь удариться головой о крепь, о кровлю?

Не найдя распятия, монахиня обиженно одернула свой крахмальный чепчик и, все такая же недовольная, занялась своим делом. Уходя, она снова кинула взгляд на угол, будто там за это время могло каким-то чудом появиться распятие.

Сестра милосердия ушла, Кулеша оживился и сообщил, что он старый безбожник. Не молился даже в молодости, когда работал на соляных копях Велички. Там очень придирались к горнякам, которые не знали дороги в костел или в подземную часовню. А пани Кулеша очень набожная и в том же духе воспитала детей. Он один во всем доме безбожник. С каким ужасом жена услышала от него вскоре после свадьбы: «Ты почитай за меня «Отче наш», а я лягу спать! По мне, хоть задом наперед читай все молитвы». Если он и начинал разговаривать с богом, то жена с ужасом слышала: «Ну, как это в самом деле случилось, отче наш? Зачем ты опять устроил обвал в шахте? Да и святая Барбара не лучше тебя!»

А когда теперь его начинают упрекать в том, что он безбожник и плохой католик, он всегда напоминает, что Гитлер тоже был католиком...

Старший сын, Стефан, едва не стал жертвой Гитлера. Он неосторожно высказал вслух сочувствие повстанцам Варшавы, его схватили эсэсманы и отправили в лагерь Хайлигенбайль. Русские танки вызволили Стефана из-за колючей проволоки, можно сказать, с того света.

Много лет подряд Кулеша ощущал вкус соли на губах. Вся одежда его была просолена, как сельдяная бочка. Ему приходилось работать до седьмого пота: рубаха прилипала к телу, и крупинки соли, пропитавшей рубаху изнутри, смешивались с солью, которая осыпала рубаху снаружи.

В этом месте рассказа мне показалось, что не седина белеет на висках у Кулеши, что это проступила давняя соль.

Может быть, Кулеша всю жизнь проработал бы на копях Велички, если бы не обыски, которые ввели при Пилсудском. Килограмм соли стоил жалких двадцать грошей, но горняков тем не менее обыскивали: не украл ли кто несколько горстей? И стражники вывертывали карманы, шарили за пазухой, залезали в голенища сапог, заставляли раздеваться и разуваться. Кулеша с этим не мог примириться. Он уехал из Велички, два года батрачил в поместье Доннерсмарков. Тогда граф строил себе охотничий замок за Люблинцом. Такое красивое дерево — тис! Замок деревянный, а стоит в сказочном лесу, чуть ли не за сто километров от дыма! Ну, а позже Кулеша нагружал в вагонетки уголь в шахте графа Доннерсмарка-младшего. Не потому ли Кулеша с такой нежностью относится к угольному комбайну, что долгие годы не выпускал лопату из рук, покрытых кровавыми мозолями?

Значит, Кулеша работает на шахте с давних времен. Кстати, не знал ли он машиниста насоса по имени Стась?

Кулеша прилежно наморщил лоб, беспокойно заворочал головой на подушке, но никакого Стася припомнить не мог...

Когда я шел к Кулеше, то дал себе слово долго не засиживаться, не утомлять больного и ни в коем случае не заводить деловых разговоров. Куда там! Мысленно мы оба уже давно спустились в шахту...

В последнюю смену комбайн Кулеши прошел за четыре часа семьдесят метров — половину лавы. Здорово!!! Правда, перед тем, как в первый раз нажать на кнопки, Кулеша полчаса потратил на технический осмотр. Но это время окупилось с лихвой! Кулеша повел «Донбасс» не на второй, как это делалось прежде, а на четвертой скорости. За ним не поспевал подземный транспорт, не хватало пустой «посуды» под уголь. Вот ведь, оказывается, и в Польше горняки так называют порожняк.

Мы согласились на том, что самые большие потери времени связаны с передвижениями комбайна — здесь конструкторы должны принять серьезный упрек. Кабель у «Донбасса» очень длинный, триста пятьдесят метров. При переноске его приходилось свертывать в большой, тяжелый моток, выносить на штрек, затем вновь развертывать, чтобы протянуть кабель по новому пути. Кулеша разделил кабель на две части и соединил их специальной муфтой. Теперь на переноску кабеля уходило вдвое меньше времени. А где еще искать потерянные минуты? В каких углах шахты они валяются? Большая возня с упорной стойкой: за смену ее переносят много раз. Где же выход? Кулеша предложил удлинить ведущий канат. Тогда мы перестанем носиться по всей шахте с этой упорной стойкой, как с писаной торбой. Да, но как удлинить канат? Ведь на барабан нельзя накрутить больше двадцати пяти метров! Кулеша приподнял с подушки всклокоченную голову, оперся локтями и посмотрел на меня с простодушной хитростью. Он был счастлив тем, что оказался догадливее русского инженера. В самом деле, столько каната накручено на барабан при толщине в восемнадцать с половиной миллиметров. Но ведь можно — уже проверено! — взять канат потоньше, пятнадцатимиллиметровый, и тогда мы сильно выиграем в длине каната!..

Не успели мы всесторонне обсудить все проблемы, связанные с работой комбайна, как раздался звонок. В дом ввалилось многочисленное семейство сына Стефана. Он был удивительно похож на отца, только лицо у Стефана совсем молодое, а сам он сед, как лунь.

Не успели мы перезнакомиться, не успели все внуки и внучки облобызать дедуся, как раздался новый звонок.

— Кого еще несет нелегкая? — проворчал Кулеша, не спуская веселых глаз с двери.

Пришла дочь Малгожата с мужем-учителем и близнецами-девочками — обе одинаково одеты, завиты и причесаны. Явился сын Войцех с хорошенькой женой и с младенцем на руках. Пришла дочь Констанция с мужем и моложавой свекровью. Талия у свекрови была тоньше, чем у молодых женщин. Свекровь носила прическу «конский хвост» и вполне могла сойти за старшую сестру Констанции.

И всех вновь прибывших старик уверял, что он «здоров, как рыба», и что вся история с ногой не более, как умелая симуляция, поскольку при подземной травме заработок ему выплачивают полностью.

Едва появилась Констанция, отец похвалился мне, что она доктор, однако отца лечить отказалась. Констанция — психиатр, истинное ее увлечение — варьяты, то есть сумасшедшие. Вот если дети дружными усилиями сведут его когда-нибудь с ума, то он станет пациентом дочери...

Позже всех явился сын Збышек. Я взглянул на стену и сразу узнал его в футболисте с цифрой «11» на спине.

Пришел Збышек один, а его встретили шумнее всех. Збышек чуть ли не вдвое моложе Стефана и очень похож на старшего брата. Это черноволосый, совсем молодой Стефан, только, пожалуй, шире в плечах, пожалуй, более рослый, пожалуй, с более тонкими чертами лица, и, пожалуй, держится он прямее, чем старший брат. Может быть, потому, что не знал тяжести всего пережитого Стефаном или успел распрямить спину после шахты.

Все заговорили о футболе, о шансах команды горняков, заспорили о каких-то тонкостях игры. Тут Кулеша сказал, что неразумный человек может сломать ногу и в забое, а разумный остается цел и невредим, даже если играет в футбол. В разговоре приняли участие чуть ли не все присутствующие, причем дети и женщины, а прежде всех свекровь с талией в рюмочку и с «конским хвостом» на затылке, спорили более рьяно и с бо̀льшим апломбом, нежели мужчины.

Уже несколько раз я порывался встать и уйти. Я вовсе не собирался мешать свиданию детей с больным отцом. Не тут-то было! Кулеша бурно настаивал на том, чтобы я остался. Констанция на правах лекаря попросила меня не уходить, чтобы не нервировать больного, и Кулеше очень понравилась такая мотивировка.

Мы ужинали в соседней комнате, но чокаться все приходили к больному. Он держал резервную бутылку под столиком у кровати и каждый раз, когда наливал рюмки мужчинам и не отстающей от нас свекрови, называл свою водку «запазуховкой», «подстолувкой» или «кельнеровкой». Только Збышек не пригубил рюмки, да никто его и не вздумал угощать.

После появления Збышка мне, честно говоря, и самому не хотелось уходить. Я все приглядывался к нему, невольно пытался вызнать, что за парень. Он был молчалив, чем-то опечален, хотя умело скрывал плохое настроение и подделывался под общее веселье.

От Збышка не ускользнул мой повышенный интерес к нему. Не раз он перехватывал мои взгляды; привык к популярности, к почтительному узнаванию и, видимо, отнес меня к болельщикам, которые льнут к знаменитостям.

Збышек тоже частенько посматривал в мою сторону: может быть, удивлялся тому, что его узнали? Впрочем, он ведь играл в Киеве, во Львове, в Донбассе; где-нибудь там его и видел русский инженер.

— Збышек уже половинку Европы объездил,— сообщил Кулеша с гордостью.— Вообще он у нас родился в чепчике...— И, заметив мое недоумение, пояснил: — ...по-русски говоря, родился в сорочке.

— Англичане говорят: родился с серебряной ложечкой во рту,— подал голос молчаливый муж Малгожаты, школьный учитель.

Збышек отрицательно покачал головой и даже сделал протестующий жест, но Кулеша этого не заметил и продолжал, все больше увлекаясь:

— Наверно, у Збышка, когда он появился на этот свет, было рекомендательное письмо к пану Езусу. Вот бог его и поцеловал...

Разговор по-прежнему вертелся вокруг футбола, шахтерских команд, чемпионов, их поклонников. Но я все время видел глаза Збышка, он был очень одинок в шумном и веселом обществе.

— А вот верно,— спросил я вполголоса, когда мы со Збышком отошли вдвоем от стола и еще не приблизились к больному,— есть такие любители футбола, которые ездят за своей командой в другие города Силезии?

— Много!

— Я слышал, не только парни, пожилые горняки, но даже молодые девушки?

Его ресницы дрогнули.

— В прошлом году я знал одну такую девушку. И тот футболист, с которым она дружила, был в нашем клубе «Полония» самый счастливый человек. Вот тогда он поверил бы, что родился в чепчике...

— А сейчас что же? Она разлюбила спорт?

— Того не знаю. Но она разлюбила футболиста.— Он тяжело, всей грудью вздохнул.— Увлекается теперь мотоциклом...

Старый Кулеша услышал слово «мотоцикл» и с хода встрял в разговор, будто сам рванулся на мотоцикле с места без всякого разгона. Он принялся сравнивать мотоциклы Ижевского завода с чешской «Явой»...

Когда я уже прощался с Кулешей, со всеми его чадами и домочадцами, Збышек неожиданно заявил, что ему тоже пора идти. Заодно он проводит пана россиянина до трамвая.

Теперь, когда мы остались наедине, искушение заговорить со Збышком о Сабине стало сильнее. Но имел ли я на это право? Вдруг Збышек меня неправильно поймет? Увидит во мне непрошеного адвоката?

Мы молча спускались по узкой улочке, камни шуршали под ногами. Слышался какой-то скрип. Сперва я не мог понять его происхождение; показалось, что он доносится сверху. Ну, конечно же, это скрипят невидимые в небе вагонетки.

Я долго стоял, запрокинув голову, и можно было подумать, что очень внимательно прислушиваюсь к этому скрипу, а на самом деле продолжал думать о Збышке, безмолвно и терпеливо стоящем рядом со мной.

Мы уже подошли к трамвайной остановке, а я все еще не набрался смелости. И лишь когда вдали показались огни вагона, я наконец выдавил из себя:

— Пани Сабина давно отказалась от прогулок на мотоцикле. Она вовсе не любит пана Щавиньского.

Я не отводил глаз от лица Збышка, стоящего под фонарем.

Я понимал, что ошеломлю его, так оно и произошло, но мне очень понравилось, что Збышек в это мгновение ни о чем не стал меня расспрашивать. Он настолько был поглощен новостью, которую узнал, что все остальное для него было не существенно. Не время было выяснять, какое отношение имеет русский инженер ко всему этому — откуда я знаю Сабину и почему заговорил с ним на эту тему.

Он глухо сказал:

— Плохие новости для меня... Значит, Сабина выходит замуж без любви? И небо еще не упало мне на голову, я еще хожу, разговариваю! Но если Сабина выйдет замуж, я все равно пожелаю ей счастья.

Я внимательно посмотрел на Збышка. Он говорил без злой запальчивости, искренне и сердечно. Вот когда я понял, что Сабина любит настоящего парня! И в самом деле, откуда бы взялось великодушие у слабохарактерного, мелкого человека?

На прощание он схватил мою руку и крепко пожал. Трамвай трогался с места, я вошел в вагон.

Неожиданно Збышек вскочил на подножку следом за мной.

— Пан хорошо знает Сабину?

— Почти всю ее жизнь. С таких лет.— Я показал рукой чуть повыше трамвайной скамейки.— А еще лучше знаю, что Щавиньский не жених Сабины. Это ее бывший жених...

— Откуда пан ведает? — спросил Збышек, едва не задохнувшись от радости.

— Сабина сама мне сказала...

Збышек сжал руку обеими сильными своими руками и выпрыгнул из трамвая на полном ходу.

Я высунулся с площадки и поглядел ему вслед. Он кричал мне что-то из полутьмы счастливым голосом, но грохот быстрого ночного трамвая заглушил его слова.

19

Во время последней нашей встречи Сабина особенно охотно обращалась мыслями к матери, упоминала о ней чаще, чем прежде. Может, потому, что перестала тяготиться сознанием вины перед нею? Или Сабина спохватилась: «Все про себя да про себя. Будто пана Тадеуша так интересуют мои сердечные поломки. Вывернула свою душу на левую сторону. А про мамусю ничего пану Тадеушу толком не рассказала...»

Я боялся себе в том признаться, но где-то в глубине души все время тешил себя надеждой, что как только Тереса узнает о моем приезде, она захочет вернуться домой раньше срока, и мы свидимся. Самое удивительное, что Сабина сама заговорила об этом, она тоже почему-то была уверена, что мамуся ради меня сократила бы свое пребывание у родичей.

Сабина беспокоилась, даже волновалась: нет, не успеет прийти ответ на письмо, в котором она сообщала мамусе о знакомстве с паном Тадеушем. Я уже и адрес Тересы помнил наизусть: департамент Па-де-Кале, поселок Лабурс, улица Ампера, 52. Пришла очередная открытка, из нее мы узнали, что Тереса вместе с кузиной выехала к младшему брату; он работает в другом угольном бассейне и живет в Дижоне. Вояж на юг Франции займет дней десять: им предстоит поездка по Рейну. Стало ясно, что письмо Сабины разминулось с мамусей, и на ответ рассчитывать нечего.

Мое пребывание в Польше подходило к концу. Теперь Сабина лучше понимала мое состояние, понимала, что не могла заменить мне Тересу: и когда я мечтал вслух, и когда делился своими заботами, и когда исповедовался...

Хорошо бы сделать Тересе подарок, но что придумать? До выезда в Польшу я не мог предполагать, что у меня вообще возникнет такая надобность, а здесь был стеснен в средствах.

Может, сняться и оставить Тересе фотографию со словами благодарности? Нет, затея ни к чему. Ведь я совсем не тот, каким был пятнадцать лет назад.

И мне старая фотография Тересы была бы дороже. Не потому, что приятнее видеть расцветшую красоту, чем увядающую. Но, глядя на нынешнюю фотографию, я бы каждый раз сопоставлял два образа и невесело убеждался: да, Тереса сильно изменилась. Конечно, если бы я увиделся с Тересой,— другое дело...

— Пан Тадеуш уже сделал подарок мамусе. Подарил дочке немного разума.— Сабина выразительно ткнула себя пальцем в лоб и с удовольствием засмеялась.

Но если быть правдивой, очень приятно было бы получить для мамуси маленький подарок. Мамуся будет сильно огорчена, что не встретилась с паном Тадеушем.

На руке у меня были часы, может быть, и не слишком изящные, но добротные часы горного инженера: светятся в темноте, не боятся ни воды, ни магнита, ни сотрясений, можно включить секундомер.

Я снял часы с руки, перевел стрелку на два часа вперед — вот оно, московское время! — перевел стрелку еще на четыре часа вперед — часы показали кузбасское время.

В Силезии был поздний вечер, ну а Сибирь уже видела последние сны и ждала рассвета.

Вот я и вручил свои часы Сабине как подарок мамусе. Сабина не забудет завести часы? Их достаточно заводить один раз в неделю. Пусть часы, когда мамуся приедет, покажут ей точное кузбасское время, то время, по которому я живу, вспоминаю, скучаю.

20

Меня провожали товарищи с шахты «22 июля», пришла на вокзал и Сабина.

Ее приход вызвал общее оживление. Но что общего у молодой, красивой пани с российским инженером?

Один из провожающих старательно скрывал свое недоумение за прилежной, безостановочной болтовней. А другой, напротив, онемел. Он заговорщически подмигнул: так сказать, седина в бороду, а бес в ребро...

Но когда я сообщил, что пани Сикорска — дочь польской патриотки, которая когда-то спасла мне жизнь, все почувствовали себя непринужденно, сразу вспыхнуло веселье. Наперебой принялись острить, соревновались в галантности.

А кто — подумайте только! — появился в последнюю минуту на перроне? Люциан Янович собственной персоной!

Он сильно запыхался, вытирал пот с лица пестрым платком, топорщил и без того колючие усы. А вот и его подарки — шахтерская лампочка и бумажный булькающий сверточек.

При этом у штейгера был такой вид, словно он отбывает казенную повинность и пришел не столько проводить меня, сколько убедиться в том, что я наконец-то убрался восвояси.

Я не успел поблагодарить за подарки, все заглушил шумный восторг, с каким встретились Сабина и Люциан Янович. Разве они знакомы?

Люциан Янович поглядел на меня с подчеркнутым удивлением, будто мой вопрос был по меньшей мере бестактным. Где же пан из Сибири видел крестного, который не был бы знаком со своей крестницей?!

Гм, пожалуй, уместнее задать вопрос, когда пан Тадеуш успел так близко познакомиться с его крестницей. Даже провожать пришла...

— Ах, пан Люциан! Как вы любите класть краску на мои щеки! — Сабина и на самом деле зарделась.— Пан инженер разыскивал мамусю. Они знакомы со времен войны, половину всей своей жизни...

А Люциан Янович давно дружит с семьей Сикорских? Оказывается, еще до войны он работал вместе с отцом Сабины, тоже был машинистом насоса, дежурили вместе, на одном горизонте, давно уже выработанном...

— А какой горизонт?

— Двести шестьдесят два...

И только в это мгновение меня озарила запоздалая догадка.

Я наконец узнал, узнал пана штейгера!!!

А он еще продолжал вглядываться в меня ищущим, колючим взглядом.

Сдерживая волнение, я произнес старый пароль:

— Бардзо проше понюшку табачку. Мне показала к вам дорогу святая Барбара...

Люциан Янович принялся тереть лоб так, словно решил раз и навсегда разгладить все морщины.

Но вот глаза, спрятанные за насупленными бровями, молодо сверкнули, и он произнес дрогнувшим голосом:

— Вшистко в пожондку... Дорога верная!

И Люциан Янович, он же пан Стась, засунул руку в карман и достал оттуда щепотку табаку. Словно это был тот самый нюхательный табак и он пролежал у него в кармане все годы!

И мне было трудно узнать пана Стася, а ему меня — еще труднее. Мимо него прошла тогда в темноте шахты вереница узников, равно похожих на скелеты, вывалянные в угольной пыли.

Мы долго жали руки, тискали друг друга в объятиях и вглядывались в лица.

— Я же вас искал! У многих спрашивал. И никто не знал машиниста насоса Станислава...

— Какого Станислава?

— Но ведь Стась — имя уменьшительное?

Люциан Янович снисходительно посмотрел на меня.

— То не имя. Подпольная кличка. Однако конспиратор ты похуже, чем инженер, пан Тадеуш! Разве живой Станислав стал бы прятаться под кличкой «Стась»?! И потом никто не помнит, что я дежурил когда-то у насоса. Все равно, если бы я ходил вчера по шахте и спрашивал: «Никто не видел, куда ушел пан арестант?!»

Ну, а раз мы такие старые знакомые, то Люциан Янович может мне доверительно сказать, что есть все-таки у комбайна «Донбасс» великий недостаток, и нужно сказать об этом конструкторам! Угольный комбайн можно использовать только в угольной шахте и больше нигде. А вот, например, у русской стиральной машины есть вторая специальность: заможные крестьяне охотно покупают эти машины и сбивают в них масло...

Но Люциан Янович рассмешил лишь себя самого.

Перед тем как расстаться, Сабина, подобно своей матери, произнесла слова молитвы за путешествующих. Насколько я понял, она хотела избавить меня от бурь, голода и всяческих напастей и дала мне в спутники каких-то ангелов-телохранителей, которым поручила довести меня до родного дома.

На прощание Сабина горячо поцеловала меня. Я прочел в ее потемневших глазах благодарность. А вот почувствовала ли Сабина, как я благодарен ей за то, что она живет на белом свете?

И я пожелал ей такого счастья в жизни, о каком сам только мечтал...

25 лет оваций

Ольга ЛЕПЕШИНСКАЯ,
народная артистка СССР

Когда заходит речь о Государственном ансамбле народного танца СССР и его талантливом руководителе Игоре Моисееве, мне вспоминается далекий вечер. Огромный зал Большого театра. Замечательный балет «Красный мак». И мы, маленькие ученицы хореографической школы, с упоением следящие за точными, легкими движениями артистов.

Вот в голубоватом полумраке начинается танец фениксов, снящихся Тао-Хоа. Я не могу оторвать глаз от одного из них. Его танец привлекает отточенностью классической формы.

— Кто это? — спрашиваю я у подруги.

— Игорь Моисеев,— шепчет она мне.

Так впервые я услыхала имя, с которым сегодня связано балетное искусство.

После того вечера прошло немного лет. Я окончила училище. И вдруг получила роль девочки Суок в балете «Три толстяка», который ставил Игорь Моисеев. Трудно сейчас передать волнение, с которым я шла на первую репетицию. Что скрывать, я просто боялась! Боялась, что работать с таким требовательным балетмейстером будет очень трудно.

И действительно, было трудно! Я еще и сейчас, глядя на великолепную технику моисеевцев, вспоминаю те давние репетиции... Выражение «работать до седьмого пота» к Моисееву не подходило: он работал гораздо больше, работал сам и заставлял работать других. И уже тогда чувствовалось, какое огромное значение он придает массовым сценам, ансамблям. Ничто не ускользало от его взгляда, ни одно неточное движение (даже в последней линии кордебалета) не оставалось незамеченным.

Моисеев создавал стройные массовые сцены, но актер никогда в них не подавлялся. Каждый вступал в танец со своим, глубоко индивидуальным характером.

Один за другим Моисеев поставил на сцене Большого театра балеты «Футболист», «Саламбо», «Три толстяка». В них Моисеев все шире и смелее обогащал балетную классику традициями народного танцевального искусства. Это было необычно. Многим из нас в ту пору народные танцы еще казались чем-то стоящим на несколько ступенек ниже подлинного искусства. И поэтому, когда Игорь Моисеев решил в 1937 году — после проводившегося в Москве фестиваля народного танца — покинуть Большой театр и заняться народным танцевальным искусством, мы были в недоумении: как может молодой талантливый балетмейстер изменить классическому балету, в котором он достиг таких успехов?

Конечно, я не могла не пойти на первый концерт молодого ансамбля, мне интересно было: чего же достиг Моисеев? Ради чего расстался он с театром?

Моисееву тогда исполнился только тридцать один год, а многие артисты едва достигли совершеннолетия. Эти сорок пять энтузиастов решили целиком посвятить себя совершенно новому для того времени виду хореографии.

В театр Эрмитаж я шла с какой-то тяжестью на душе. Мне не верилось, что предстоящий вечер может быть интересным. Почему-то вспоминался танец фениксов в «Красном маке» и Моисеев... Феникс — сгорающий, возрождающийся... А сегодня?.. Может быть, феникс сгорит, но возродится ли?

Сейчас я пишу об этом столь откровенно потому, что уж очень приятно было мне ошибиться в тот вечер!.. Это была, пожалуй, одна из самых приятных для меня ошибок в искусстве.

И вот открылся занавес... Опомнилась я только тогда, когда вдруг увидела себя стоящей в толпе зрителей, аплодирующей и кричащей: — Браво! Браво!

То, что показали моисеевцы, перевернуло все мои прежние представления о народном танце.

— А феникс-то возродился! — с каким-то радостным злорадством сказала я сама себе, ибо еще несколько часов назад сомневалась и не верила. Мы окружили Моисеева... Он стоял взволнованный, смущенный, радостный... Это было двадцать пять лет назад.

Сейчас я спрашиваю себя: было ли рождение ансамбля счастливой случайностью в то время? Да нет, конечно! Ансамбль просто не мог не родиться в годы, когда на сцены страны один за другим выходили танцоры-непрофессионалы. В талантливых, своеобразных коллективах художественной самодеятельности были яркие исполнители, со своим оригинальным репертуаром, но им не хватало того самого «чуть-чуть», за которым начинается подлинное искусство. Это были алмазы, которые ждали мастера-гранильщика для того, чтобы заиграть во всем своем блеске.

Я вспоминаю, с каким энтузиазмом моисеевцы пошли «в народ». Их интересовало все: танцы, песни, обычаи, костюмы... Это было начало пути, это была школа. Трудно сейчас назвать такой уголок нашей страны, где бы не побывали они за четверть века, показывая свое искусство и собирая искусство народное.

На досуге моисеевцы подсчитали: примерно восемь лет из двадцати пяти они провели в дороге. В поездах, самолетах, автомашинах, на лошадях и даже верблюдах ансамбль отмерил расстояние большее, чем от Земли до Луны...

Как-то я вместе с известной узбекской танцовщицей Мукаррам Тургунбаевой смотрела выступление моисеевцев. На сцене исполнялся узбекский народный танец. И хотя я прекрасно знала, что народный танец, принятый на вооружение ансамблем, шлифуется, обогащается, развивается, я все-таки спросила свою соседку:

— Ну как? Похоже это на то, как танцуют у вас?

И Мукаррам, артистка с большим вкусом, ответила:

— Да, только то, что я вижу, тоньше, глубже, богаче.

Интересна история белорусского танца «Бульба». Сейчас она уже не кажется необычной, но я была очень удивлена, узнав, что на сценах сельских клубов, а то и просто на земляных «кругах», выбитых каблуками лихих деревенских танцоров, люди пляшут «Бульбу», которая создана моисеевцами! Этот танец поставлен Игорем Моисеевым по мелодии чудесной народной песни, которая так и называется — «Бульба», а пляски такой раньше не было,— она вошла в жизнь и быт народа только теперь.

До двухсот хореографических произведений насчитывается в репертуаре ансамбля. И каждый народный танец, проходя сквозь призму творческого дарования Игоря Моисеева, сквозь веселый энтузиазм моисеевцев, обретает законченность и красоту подлинного произведения искусства. И каких мастеров народного танца вырастил за эти годы Моисеев! Тамара Зейферт, Лидия Скрябина, Ирина Конева, Лев Голованов, Анатолий Федоров, Нина Кузнецова, Василий Савин, Сергей Цветков!.. Да разве всех перечислишь!

На смену «старичкам» все время идет молодежь. И с каждым пришедшим из училища работать приходится немало. Вот, например, веселая, способная поднять настроение даже самого угрюмого человека «Полька-красотка с фигурами и комплиментами». Отчаянно топочет простоватый купчик, с достоинством вышагивает бравый солдафон, легко порхает официант, галантен учитель. А барышни! Они и жеманны, и кокетливы, и не так уж просты, как думают их кавалеры!

Зрители смотрят — и веселятся! И никому из них невдомек, сколько раз и на скольких репетициях слышался твердый голос Моисеева: «Стоп! Все сначала! Да не смущайтесь! Получится! Обязательно получится!» И получается: молодые артисты входят в роль!

Искусство Моисеева уже давно перешагнуло границы нашей страны.

Мне вспоминается одна недавняя встреча. Самолет летел из Парижа в Москву. Рядом со мною сидел один известный французский продюсер и жаловался:

— Наши парижане — избалованный народ. Их нужно знать. Они не удивляются теперь даже новейшим формам абстрактного искусства и совершенно не терпят пропаганды!

Он помолчал и добавил:

— В последние годы мне приходится трудно. Впрочем, стоит мне пригласить в Париж ансамбль Моисеева — и дела мои поправятся. Ведь я предприниматель, мне нужны хорошие сборы!

Я улыбнулась: мой собеседник противоречил сам себе. Уже с 1942 года — поездка в Монголию — моисеевцы ведут «пропаганду» за рубежом. Но эта пропаганда особого рода.

...Тайком собираются рабочие на маевку. Со стороны посмотришь — обычная семейная гулянка в складчину: один принес пироги, другой расстарался «чекушкой». Но полиция знает: слишком часто такие «гулянки» заканчиваются чтением листовок. Надо держать ухо востро! И шпикам опять же платят деньги немалые! Это картинка прошлого.

И другой Первомай — радостный, звонкий, плещущий алыми стягами, гремящий трубами оркестров! Счастливые люди, завоевавшие себе право на этот праздник!

Так рассказывают моисеевцы о двух Первомаях — дореволюционном и сегодняшнем. Они рассказывают о нашей сегодняшней жизни, бурной, прекрасной. В этом сила искусства ансамбля. И «избалованные» парижане прекрасно понимают это. А может быть, они вовсе уж и не такие, какими их хочется видеть продюсерам?

Около тридцати стран посетил ансамбль за четверть века. Его искусству аплодировали жители примерно двухсот пятидесяти зарубежных городов.

Но моисеевцы не только показывали, но и смотрели. Они старались везде отыскать что-нибудь такое, что бы сделало их палитру еще ярче, еще богаче. Во время первой поездки по США буквально во втором или третьем концерте они ошеломили американцев народным танцем. «Вир-

Русский хороводный танец «Вензеля». ▶

Фото Е. УМНОВА.

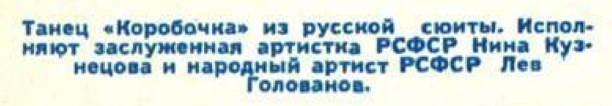

Русский танец «Лето».

«Пахта» (хлопок) — сюита из узбекских танцев.

Гопак из украинской сюиты «Веснянки». Солист Ан

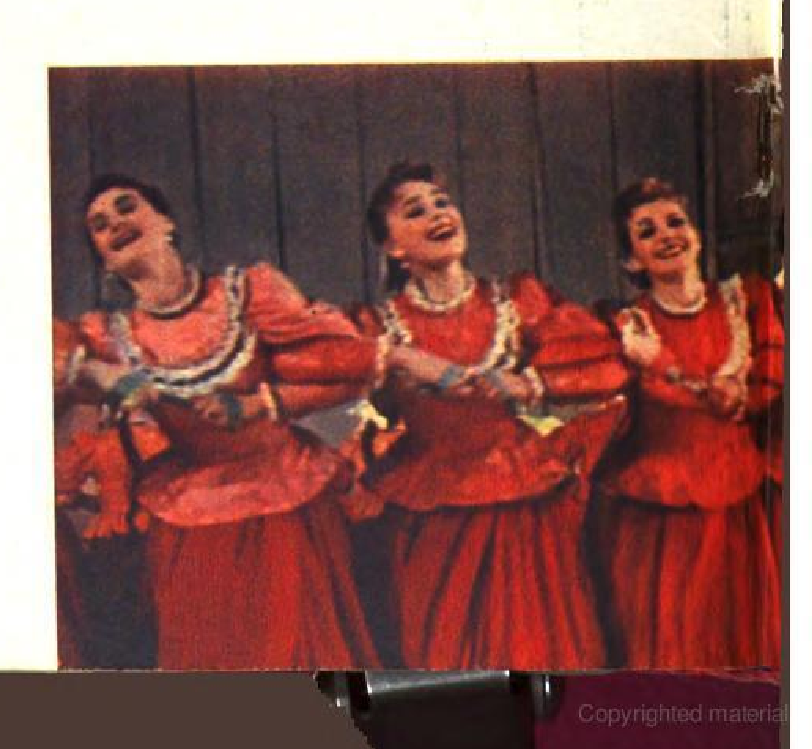

Танец «Коробочка» из русской сюиты. Исполняют заслуженная артистка РСФСР Нина Кузнецова и народный артист РСФСР Лев Голованов.

Эстонский танец «Полька через ножку». Исполняют народная артистка РСФСР Тамара Зейферт и Борис Березин.

толий Борзов.

Сюита «Времена года».

Хореографическая сцена «На катке». Исполняют Алла Манкевич и Равиль Хусаинов.

Сюита из молдавских танцев «Хитрый Макану».

Фрагмент из хореографической сказки-фантазии «Метелица».

гинский хоровод». Это танец народных празднеств. Его танцуют на площадях и в скверах, он прост и весел. Мне рассказывали, что он был настолько удачно «подсмотрен», настолько точно понят и передан, что публика просто ревела от восторга.

Не обошлось без сюрприза и во время другой поездки по США. В конце вечерней программы неожиданно для зрителей моисеевцы исполнили острую пародию на любителей рок-н-ролла.

Я видела этот танец уже после возвращения моисеевцев из-за рубежа.

— Русские умеют шутить! — восхищались хохочущие американцы. — Хотя нам больше по душе танец виргинцев!

Печать сыпала комплиментами. За двадцать пять лет газетных и журнальных отзывов накопилось уже до сотни томов.

Как-то мне попал в руки номер «Нью-Йорк таймс», где видный музыкальный критик Джон Мартин писал:

«Игорь Моисеев, этот чуткий художник, обратился в своем творчестве к самому элементарному средству социального самовыражения, которое мы называем народным танцем, и на этой основе построил сложное, вдохновенное искусство.

Он принял за основу все богатство человеческих движений, которые естественно возникают под действием ярких душевных переживаний, в моменты высшего эмоционального напряжения. С невероятным мастерством он превратил эти движения в элементы искусства, наделил их способностью еще более ярко выражать породившие их высшие человеческие чувства, насытил их глубоким содержанием».

У моисеевцев очень много друзей. И, побывав в какой-нибудь стране, артисты стараются сохранить об этом память: танец, а то и два и три привозят они из каждой поездки. Не случайно в 1945 году в репертуаре моисеевцев появилась большая программа, посвященная хореографии славян, а в 1952 году в программу «Мир и дружба» оказались включенными танцы народов одиннадцати стран! Я уже говорила, что хореография всех советских республик нашла свое место в репертуаре ансамбля. Это и украинская «Метелица», и грузинский «Картули», танец нежной и чистой любви, и воинственный, грозный «Хоруми» абхазцев, и поэтичный танец девушек-узбечек «Гульсара».

Однажды в одном из польских городов я встретилась с артистами ансамбля «Шленск». Разговор шел о народном искусстве, о его сложности и выразительности. Заговорили о Моисееве, о его последних работах.

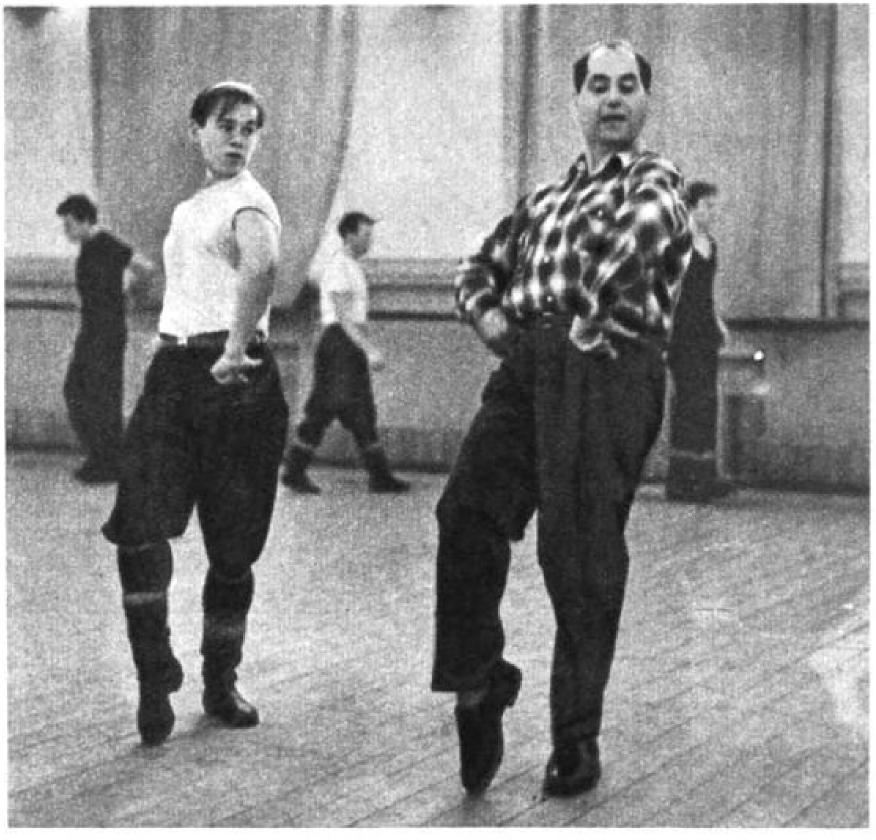
И вот руководитель ансамбля «Шленск», восхищаясь моисеевцами, сказал мне буквально следующее:

— Моисеев помог нам понять и оценить наше собственное народное танцевальное богатство. Да, да! И мы постарались наверстать упущенное. Сейчас приходится только жалеть, что мы не были знакомы с ансамблем Моисеева раньше.

Если попытаться развернуть экспозицию подарков и сувениров, полученных артистами ансамбля от друзей с всего мира, понадобилось бы просить у Моссовета специальное здание для нового музея. Но есть в ансамбле реликвия, которой артисты гордятся больше всего: это знамя свободной Кубы, врученное ансамблю по поручению кубинского революционного правительства Раулем Кастро.

— Мы, к сожалению, еще бедны и не можем наградить вас ценными подарками, которых вы заслуживаете, — сказал он тогда, — но, вручая вам это знамя, мы обещаем вам, что за его честь и свою свободу мы будем бороться до последней капли крови...

О, моисеевцы знают, что такое кровь, горе, разрушения! Они давали концерты, сборы которых шли на восстановление героической Варшавы и свободолюбивого Порт-Саида.

Игорь Моисеев на репетиции.

Одним из первых откликнулся ансамбль и на создание советского фонда мира.

В то время часть ансамбля находилась на гастролях в США. И артисты, остававшиеся в Москве, быстро подготовили концертную программу, сборы с которой полностью пошли в фонд мира.

Некоторым буржуазным искусствоведам может показаться, что это не имеет к искусству никакого отношения. Но мы-то понимаем, что иначе быть не могло. Людям, несущим в своем творчестве столько жизнерадостной энергии, нельзя стоять в стороне, когда по воле злобствующих безумцев мир может превратиться в дымящиеся руины.

* * *

Ансамблю исполняется двадцать пять лет. Всего лишь четверть века, срок вроде не такой уж и большой, а попробуйте зачеркнуть его — наше хореографическое искусство оказалось бы сразу обедненным, лишенным одного из своих своеобразных и ярких проявлений.

Ансамбль Моисеева рожден народным искусством; Моисеев много взял у народа. Но в сто раз больше вернул ему... Мы говорим сегодня о признании. Народ признал искусство моисеевцев своим. А это — самое большое признание.

Звездные сонеты

Леонид ВЫШЕСЛАВСКИЙ

ПЕРВЕНЕЦ ВСЕЛЕННОЙ

Ему — просторы всех земных путей!..
Ему букеты по̀д ноги бросают,
его к груди народы прижимают,
и нет любви на свете горячей.

Его простое имя люди знают
и Юриями на планете всей
своих новорожденных сыновей
в честь первенца Вселенной называют.

А в равнодушном небе, где-то там,
бегут планеты по своим путям,
они пока все так же мглой одеты,

но космонавт — грядущих дней гонец —
уже проник на многие планеты —
планеты человеческих сердец.

СОЛДАТ

В военной форме. Скромный. Свойский. Наш.
Таких на фронте видел я повсюду.
Делил с такими все: шинель, посуду —
и табачком обкуривал блиндаж.

С такими шел в грязи и верил чуду,
пил из жестянок, как из царских чаш,
и крепко знал: победа не мираж,
она — за мной, и я ее добуду.

Все беды мы в огне перемогли,
в огне свою победу обрели,
она теперь, как крылья за плечами.

Она теперь — иных побед исток, —
летит солдат на корабле «Восток»,
с ним вместе мы — его однополчане!

НОВАЯ ИНДИЙСКАЯ ЛЕГЕНДА

Есть где-то в Индии полузабытый храм,
в нем купол-шар подобен стратостату,
в нем сотни звезд, вознесенных к небесам,
из камня высечены в виде статуй.

Когда-то люди поклонялись им.
Звездопоклонники, простертые во прахе,
молились в муках идолам своим,
за них сложили головы на плахе.

Стояли боги в душной тишине,
светясь, моргали звезды в вышине
и незаметно век свой проморгали.

Не человек пред ними пал в пыли, —
они пред ним склонились до земли,
когда в их древний храм вошел Гагарин.

ЗАСНЕЖЕННОЕ ОКНО

Знакомый край. Синеет снег лохматый.
Селенье спит. Земля белым-бела.
Заборы, крыши, памятные даты
метельная запорошила мгла.

Звездой окна бревенчатая хата
передо мной встает из-за угла.
Я подхожу к окошку. Здесь когда-то
моя любовь и молодость жила.

Стучу. И вот в мерцании окна —
лицо. Она! Конечно же, она!
Живой портрет в заиндевевшей раме.

Вот имя я любимое назвал.
В стекле исчез ее лица овал.
— Тебя там кто-то спрашивает, мама!

„Превосходная маленькая война"

В. ВЛАДИМИРОВ

Так назвал государственный секретарь США Джон Хэй испано-американскую войну из-за Кубы в 1898 году.

В Латинской Америке говорят: «Из змеиных яиц цыплята не вылупятся».

«Змеиные яйца» и сегодня откладываются Пентагоном во всех латиноамериканских странах. Особенно активно инкубатор Центрального разведывательного управления работает против Кубы. Еще бы, эта маленькая страна осмелилась сбросить со своих плеч иго доллара. И вот плетется против Кубы грязная паутина интриг и провокаций.

Посмотрим, как готовились такие провокации в 1898 году. В качестве свидетелей привлечем двух офицеров русского генерального штаба, посланных в те дни военными наблюдателями к обеим воюющим сторонам: полковника Жилинского, посланного к испанцам, и полковника Ермолова, направленного к американцам.

Ни для кого (в том числе и для полковников русского генштаба) не было секретом, что война эта представляет собой серию тайных маневров США, направленных к захвату Кубы, а не к ее освобождению.

«Главная причина испано-американской войны,— пишет полковник Жилинский,— кроется в давнишнем стремлении Северо-Американских Соединенных Штатов приобрести острова Куба и Порто-Рико, с которыми их связывают важные торговые интересы. Желание это... впервые открыто высказано было еще 50 лет тому назад, а в последние годы усилилось еще вследствие политических соображений: стремления обеспечить за собой господство над Караибским морем и будущими каналами Панамским и Никарагуа, к коим Антильские острова служат ключом».

Как известно, война началась с провокации крупного калибра. В начале 1898 года американский броненосец «Мэйн» вошел в Гавану и направил свои орудия на город. Вечером 15 февраля могучий взрыв потряс Гавану. В порту полыхнул ослепительный столб огня: «Мэйн» взлетел на воздух.

«Уничтожение броненосца «Мэйн» — дело рук врага!» — кричала херстовская газета «Нью-Йорк джорнэл».— Пятьдесят тысяч долларов вознаграждения тому, кто найдет виновника гибели 258 американских матросов!»

«Моряки-специалисты доказывают,— пишет Жилинский,— что такой взрыв, как на «Мэйне», не мог произойти от мины, которая делает на судне только пробоину в подводной части и не может повернуть всей кормовой части килем кверху, как это случилось с «Мэйном». Такой взрыв мог быть произведен только воспламенением сильных взрывчатых веществ внутри судна».

Слова Жилинского впоследствии подтвердились. В 1911 году, после извлечения со дна моря обломков «Мэйна», было высказано предположение, что гибель 258 американских матросов — дело рук не испанцев, а... Но тут морское ведомство США приказало газетам молчать.

27 апреля 1898 года, через два дня после начала испано-американской войны, американский сенатор Беверидж ясно выразил ее цель: «Судьба предначертала нашу политику... Если это потребуется, чтобы звездно-полосатый флаг развевался... над Кубой и южными морями... то давайте встретим это требование с величайшей радостью!»

«Если потребуется...» В том-то и дело, что Кубе это вовсе не требовалось! Кроме «предначертаний судьбы», означавшей для США войны и захват чужих территорий, был еще революционный кубинский народ, который уже тридцать лет боролся с Испанией за свою независимость.

Еще в то время было ясно, что если бы не аппетит американских компаний, то война между США и Испанией не разразилась бы, а кубинский народ очень скоро сбросил бы навсегда чужеземное иго. Но это не соответствовало намерениям США.

Когда началась война, испанское владычество на Кубе было сильно расшатано ударами кубинских партизан. Существовало правительство независимой Кубы, была создана кубинская армия.

Войну на Кубе США предполагали закончить в самый кратчайший срок—за 15—20 дней. Но война затянулась на 113 дней! Полковник Ермолов, находившийся в штабе американских войск, в своем отчете замечает: «Нельзя признать, что американцы выиграли эту странную войну: они ее только не проиграли».

Поход сухопутного экспедиционного корпуса США под командой воинственного, но бездарного генерала Шафтера, по оценкам полковников Жилинского и Ермолова,— это цепь ошибок и злоключений. Армия США к моменту «победы» находилась почти при последнем издыхании. Ермолов сообщает о так называемом «круглом Робине». Это было письмо американских руководящих офицеров Шафтеру, где подписи, чтобы никто не понес особой ответственности, были расположены по кругу. Они писали, что армию нужно немедленно увести с Кубы, а если это не будет сделано, то погибнет «цвет американских вооруженных сил». Такое же письмо послал Шафтеру и командир добровольческого отряда «Диких всадников» полков-

На границе жизни

Сравнительно недавно в печати появилось интересное сообщение. Вернувшийся из экспедиции профессор П. В. Каптерев сообщал, что ему удалось оживить водоросли, споры грибков, яйца рачков типа дафний, пролежавшие в слое вечной мерзлоты, по некоторым предположениям, от тысячи и до трех тысяч лет.

Оказывается, водоросли и споры были в анабиозе — состоянии, когда жизненные процессы сведены до ничтожного минимума. Анабиоз может наступить только при низкой температуре и отсутствии в окружающей среде влаги.

Ученые открыли у некоторых микробов «счастливую» способность при неблагоприятных условиях переходить в споровое состояние, а при благоприятных — возвращаться к жизни. Это является выражением удивительной приспособляемости микробов к вредным внешним влияниям. Например, споры отдельных бацилл выдерживают шестичасовое кипячение, легко переносят любое естественное высушивание, достаточно стойки к воздействию различных химических веществ.

«А нельзя ли направить эту способность микробов на пользу человека?» — задумались ученые. Они попытались вызвать анабиоз у неспоровых форм микробов искусственно.

И вот что выяснилось. Если даже самых нестойких, быстро погибающих микробов высушить при холоде и поместить в ампулы, из которых удален воздух, то срок их выживания удлиняется до нескольких месяцев и даже лет.

Это важное открытие позволило сохранять и транспортировать на далекое расстояние вакцины против различных болезней, не боясь их порчи.

Более того, было установлено, что не только бактерии, но и вирусы, клетки опухолей, мелкие животные (например, коловратки) поддаются аналогичному высушиванию, переносят температуру, близкую к абсолютному нулю (— 273 градуса), и оживают через длительное время.

А нельзя ли ввести в анабиоз более сложные, многоклеточные организмы?

И в этом вопросе биологи располагают некоторыми наблюдениями и опытами. Известно, что отдельные простейшие водные животные (например, моллюски), вмерзшие в лед, весной с его таянием оживают.

Правда, попытки вызвать замораживанием анабиоз у позвоночных животных до сих пор еще не увенчались успехом. Дело оказалось в том, что при определенной, критической температуре (от нуля до — 40 градусов) наступает кристаллизация внутриклеточной воды, что и является причиной смерти клетки.

Недавно это непреодолимое препятствие в создании анабиоза удалось частично преодолеть. Выяснилось, что при сверхбыстром охлаждении живых тканей ниже их критической температуры наступает не кристаллизация, а витрификация — остекленение внутриклеточной воды.

И действительно, если тонкие пленки белков, сахаров и других компонентов клетки сверхбыстро охладить до — 150, — 196 градусов, то они превращаются в прозрачные «стекла», «тающие» при сверхбыстром отогревании. Было также установлено, что и частичное обезвоживание клеток способствует наступлению витрификации.

Советские ученые Л. К. Лозинский и Э. Я. Граевский приводили в состояние остекленения различных насекомых и других мелких животных. После «оттаивания» животные оживали и развивались нормально. Другой советский ученый, И. В. Смирнов, охладил до — 78, — 183 градусов, а затем отогрел сперматозоиды кролика. Этими сперматозоидами удалось искусственно осеменить самку кролика. Через определенное время на свет появились здоровые крольчата!

А можно ли использовать явление анабиоза для высокоразвитых организмов и для человека? Пока нет. Между анабиозом микроскопических живых существ и человека лежит целая бездна.

Но незначительное понижение температуры тела человека уже применяется в медицине. Оно сделало возможным операции на сердце. Сердце в этих условиях резко снижает свою чувствительность к травме и не останавливается.

Это, конечно, нельзя назвать даже «частичным анабиозом». Нет сомнения, область анабиоза применительно к высокоразвитым существам еще далеко не изучена. И здесь исследователям предстоит большая работа.

Профессор М. ЗЕМСКОВ

Дерево удивительной судьбы

Есть в Ленинградском ботаническом саду интересное дерево—метасеквоя. Осенью на нем опадают целые тонкие веточки. Взрослая метасеквоя достигает пятидесяти метров. Дерево это считалось давно вымершим.

Но несколько лет тому назад в девственном лесу Юго-Восточного Китая удалось найти около сотни метасеквой. По-видимому, только там они и уцелели от вымирания.

Так появилась заманчивая возможность вернуть метасеквое ее былые владения: высеять в подходящих местах семена этого красивого, напоминающего лиственницу дерева, обладающего хорошей древесиной.

Опыт нескольких советских ботанических садов, где молодые метасеквои уже не первый год растут под открытым небом, показывает, что это вполне осуществимо.

О. КАРЫШЕВ

ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ МОЗГ ГАЗОПРОВОДА

...На столе инженеров конструкторского бюро «Газприборавтоматика» стоит небольшой ящик с множеством ручек и сигнальных лампочек.

— Это газопровод, вернее, его электрическая модель,— говорит Александр Васильевич Иванов.— При помощи радиотехнических и электротехнических устройств нам удалось воссоздать всю сложную картину взаимодействия многочисленных сооружений газопровода.

Что даст такая модель? Очень много. Во-первых, она поможет проектировщикам новых газовых магистралей. С ее помощью можно определить, какой нужно взять для данного газопровода диаметр труб, на каком расстоянии расположить компрессорные станции.

«Электрический газопровод» поможет не только в проектировании новых, но и в реконструкции существующих магистралей голубого огня.

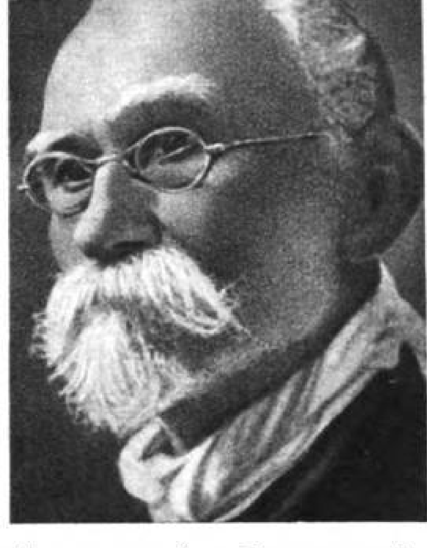
А если заглянуть немного вперед, то ЭМАГ — так назвали конструкторы А. В. Иванов, И. В. Старков и Г. М. Кильберг свое детище — станет своеобразным мозгом целой системы газопроводов и будет самостоятельно управлять их работой.

Н. ПЕТРОВ

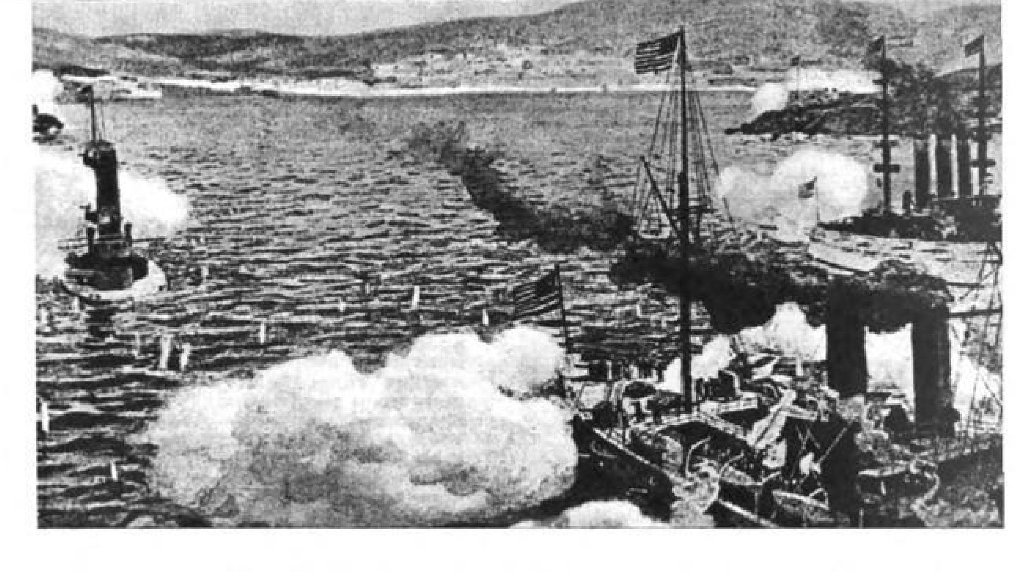
ИСПАНО-АМЕРИКАНСКАЯ
ВОЙНА.

ОТЧЕТЪ

Обложка отчета полковника Жилинского.

Командующий кубинскими войсками Масимо Гомес.

Бомбардировка кубинского порта Матансас американским флотом.

ник Теодор Рузвельт, который через три года стал президентом США.

Кубинскими войсками в 1898 году командовал старый военный Масимо Гомес. С самого начала войны все внутренние районы острова находились под контролем кубинцев. Пятидесятитысячная армия восставшей Кубы несла все основные тяготы войны. Она всегда была на передовой линии огня.

Воины революционной Кубы, сражавшиеся за подлинную свободу, а не за капиталы сахарных компаний, наносили большой урон испанцам.

Полковник Жилинский особо отмечает ту роль, которую сыграли повстанческие части при высадке американских войск в Сибоней и Дайкири: «...Инсургенты (повстанцы.— В.В.) оказали американцам чрезвычайно важную услугу: исключительно благодаря их наступлению в тыл испанского отряда американцам удалось без всяких потерь совершить трудную операцию высадки десанта».

Но воинственные господа из Вашингтона считали, что кубинские «цветные» и даже «белые» — люди низшего разряда. Американский генерал Янг объявил, что «повстанцы... способны к самоуправлению не больше, чем африканские дикари».

Шафтер приказал удалить кубинские войска из района Сантьяго после того, как испанцы капитулировали. Кубинский генерал Гарсия протестовал, но Шафтер ответил, что «не может обсуждать политику правительства США». В чем заключалась эта политика, стало понятно несколько лет спустя: именно в районе Сантьяго была построена американская военная база Гуантанамо.

«Положение хода и смысла этих событий,— писал полковник Ермолов,— ясно показало, что военных успехов в настоящем смысле этого слова американцы не имели».

Еще в 1870 году высланный Наполеоном III из Франции Виктор Гюго писал, обращаясь к женщинам Кубы: «Не сомневайтесь: ваша героическая родина будет вознаграждена за свою скорбь, столько крови не будет пролито напрасно,— настанет день, когда прекрасная Куба, свободная и независимая, займет место среди своих благородных сестер, республик Америки. Что до меня, поскольку вы спрашиваете моего мнения, отвечаю вам — я в этом убежден...

Куба достигла совершеннолетия.

Куба принадлежит только Кубе».

Сложное положение на Кубе не укрылось от глаз русских военных специалистов. Полковник Ермолов констатирует, что с «кубинскими инсургентами американцы перессорились очень скоро». «Партия, желающая полного присоединения острова к Соединенным Штатам, невелика,— пишет полковник Жилинский,— и состоит преимущественно из крупных коммерсантов и фабрикантов — американцев или других наций, но не кубинцев. Громадное большинство этих последних (кубинцев.— В. В.) стремилось к образованию независимой Кубинской Республики; к ним принадлежат и вожди инсургенции».

Интервенцией 1898 года Соединенным Штатам не удалось покорить Кубу. Последующие годы — это цепь восстаний.

Американцы не смогли преодолеть сопротивление героического народа ни силой оружия, ни с помощью подставных диктаторов. В конце концов народ сбросил их и взял власть в свои руки.

Свободная Куба строит сегодня новую, прекрасную жизнь. Ей, возмужавшей, охваченной энтузиазмом борьбы и созидания, не страшны теперь змееныши контрреволюции, высиживаемые Пентагоном.

ГЕТЕ БЫЛ ПРАВ

В старинном немецком городке Веймаре есть усыпальница. Центральное место в ней занимают два надгробия. На одном из них готическими буквами высечено имя Гете, на другом — Шиллера. Оба великих немецких поэта, которых связывала долголетняя дружба, жили и творили в Веймаре.

До недавнего времени было неизвестно, действительно ли прах Шиллера находится под надгробием с его именем. Сомнения в этом зародились еще более сотни лет назад. Дело в том, что великий немецкий поэт Фридрих Шиллер, умерший в 1805 году, был похоронен в веймарском городском склепе в общей могиле.

Соотечественники Шиллера слишком поздно осознали величие своего поэта, и лишь через двадцать лет после его смерти его другу юности Андреусу Штрейхеру удалось добиться того, чтобы прах Шиллера был найден и перенесен в отдельную усыпальницу. Задача оказалась нелегкой, останки Шиллера затерялись на старом Веймарском кладбище. Но Гете опознал череп своего друга, и Шиллер был похоронен с соответствующими почестями.

В 1883 году утверждение Гете было опротестовано анатомом Велькером, который заявил, что череп принадлежит вовсе не Шиллеру, ибо он не соразмерен посмертной маске поэта. Началась многолетняя дискуссия, осложнившаяся тем, что в 1911 году был обнаружен еще один череп. Предполагалось, что он принадлежит Шиллеру.

Спор немецких ученых продолжался до наших дней. И лишь совсем недавно его разрешил советский антрополог М. М. Герасимов, воссоздавший в свое время облик адмирала Ушакова, князя Андрея Боголюбского и многих других исторических деятелей. По приглашению Академии наук ГДР он приехал в Веймар и приступил к воссозданию облика Шиллера. Опознанный Гете череп действительно принадлежал поэту. Советский ученый создал скульптурный портрет Шиллера и доказал, что спор возник из-за того, что посмертная маска была снята небрежно. Второй череп, представленный в 1911 году, оказался женским.

Д. ЖУКОВ

АВТОМОБИЛЬ НА ПОДВОДНЫХ КРЫЛЬЯХ

Таежная дорога приводит легковой почтово-пассажирский автомобиль к реке. Дальше путь обрывается...

Словно не замечая опасности, водитель направляет автомобиль в воду. Здесь уже глубоко... Однако пассажиры не волнуются, ведь автомобиль-амфибия ни для кого не редкость. Но что это? Отплыв от берега, машина вдруг подскакивает вверх и со скоростью 60 километров в час... летит над гладью воды, послушно следуя руслу реки.

...Такой машины пока еще не создано. Однако ее изобретатели Н. Янсуфин, Б. Глазнов и А. Аксенов уже разработали основные идеи ее проекта — автомобиля с выдвижными подводными крыльями. В этом проекте имеется много остроумных предложений. Вот одно из них. Выдвижение подводных крыльев происходит не сразу, а только после достижения некоторой пороговой скорости порядка 30 километров. Если крылья выдвинуть раньше, то их тормозная реакция при ограниченной мощности мотора не позволит развить необходимую пороговую скорость. В этом случае потребовалось бы увеличить мощность мотора на 20 процентов.

При весе полностью загруженного автомобиля типа «Волга» в 1 700 килограммов, площади крыльев 0,7 $м^2$ и мощности двигателя 70 лошадиных сил расчетная скорость полета над водой равняется 58 километрам в час.

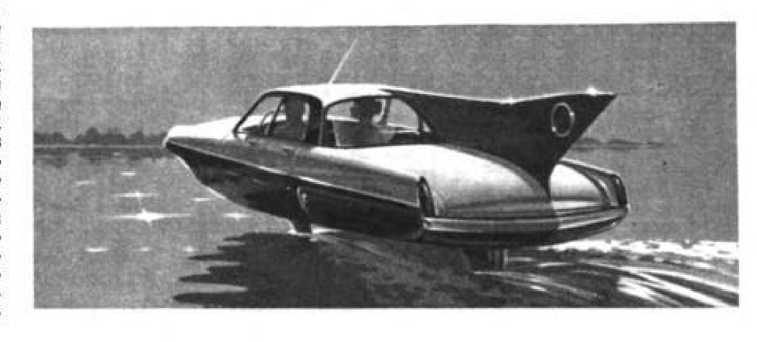
Этот проект получил одобрение техсовета ЦКБ по судам на подводных крыльях, где были подтверждены все расчетные возможности автомобиля нового типа.

«Сочетание движения на суше и на воде с высокой скоростью,— написал в оценке изобретения главный конструктор судов на подводных крыльях Р. Е. Алексеев,— может решить вопрос круглогодичной эксплуатации этих автомобилей на руслах рек, особенно в условиях Сибири, где реки зимой используются как трассы автомобильных дорог». Действительно, такой чудесный автомобиль будет способен заглянуть в разбросанные за сотни километров геологические партии, таежные прииски, охотничьи поселки.

Но вот загвоздка! Комитет по делам изобретений, не признавая такой проект якобы из-за отсутствия промышленной полезности и... новизны (?), отказал в выдаче авторского свидетельства изобретателям оригинального автомобиля-амфибии.

А между тем наземно-речной быстроходный транспорт намного бы ускорил освоение богатейших кладов Сибири. Нужды народного хозяйства требуют неотложного претворения этого проекта.

Инженер В. СИБИРЦЕВ

...ЕСЛИ для сушки початков кукурузы использовать новый метод, предложенный сотрудниками Научно-исследовательского и проектного института Госплана Украинской ССР, то и время сушки и ее стоимость по сравнению с обычным способом сократятся почти в 5 раз.

Идея нового способа состоит в том, чтобы приспособить для сушки початков кукурузы реактивные двигатели, которые в авиации уже отработали свой век и теперь сняты с самолетов.

...ЕСЛИ на заводах для обработки кремния, германия и других дорогих полупроводниковых материалов использовать ультразвук, то операцию можно будет проводить почти в 10 раз быстрее и с меньшими затратами, чем сейчас.

Такой прибор создан в Экспериментальном научно-исследовательском институте металлорежущих станков. Серийное производство этих автоматов налажено на Троицком станкостроительном заводе Челябинского совнархоза.

...ЕСЛИ в уже электрифицированных хозяйствах страны в зимнее время года ввести облучение сельскохозяйственных животных ультрафиолетовыми лучами, то только в этой семилетке можно дополнительно получить мяса, молока и куриных яиц на 540 миллионов рублей.

Эта цифра приводилась на недавнем совещании по использованию ультрафиолетового облучения для повышения продуктивности животноводства и птицеводства.

Тасия Глезу и маленький Никос.

Фото С. Халкиаса.

ПУСТЬ 1962 ГОД ПРИНЕСЕТ СВОБОДУ ГЛЕЗОСУ!

Говорит жена героя

По просьбе «Огонька» советский журналист Н. Брагин посетил на днях в Афинах Тасию Глезу, жену национального героя Греции Манолиса Глезоса, томящегося в тюрьме, и взял у нее интервью.

КАК В ГРЕЦИИ ОЦЕНИВАЮТ ИЗБРАНИЕ МАНОЛИСА ГЛЕЗОСА ДЕПУТАТОМ ПАРЛАМЕНТА?

Народ Греции оказал огромное доверие и поддержку Манолису Глезосу, избрав его 29 октября прошлого года депутатом парламента. За избрание Глезоса в парламент голосовали не только левые, но и многие люди, придерживающиеся других политических убеждений. Они поступили так потому, что не хотят мириться с тюремным заточением человека, отдавшего все свои силы борьбе за национальные интересы Греции и жизненные права ее народа, с гонением на демократов и борцов за мир в нашей стране. Я вспоминаю, как накануне выборов ко мне пришла незнакомая женщина и с болью в голосе заявила, что ее совесть протестует против нынешнего положения в нашей стране, против массовых репрессий, полицейских преследований и нарушения законности. «Я далека от политики, — сказала она, — никогда не верила пропаганде левых, но в день выборов вместе с другими моими соседями я буду голосовать за вашего мужа, к которому мы питаем искренние симпатии и доверие. Поверьте мне, когда я приняла решение голосовать за Манолиса Глезоса, я думала, что только одна из нашего квартала решилась на такой шаг. Но вот я пошла по домам, стала беседовать с людьми и убедилась, что таких греков, как я, сейчас очень много».

Когда объявили результаты голосования, говорит Тасия Глезу, стало очевидно, что число борцов за свободу Манолиса за последнее время возросло. Глезос оказался одним из первых депутатов от Афин по количеству собранных голосов. Может ли быть более яркое и убедительное разоблачение всей фальши и несостоятельности обвинений в «шпионаже», предъявленных ему три года назад военным трибуналом, на основании которых его бросили за тюремную решетку!

Народ Греции считает, что место Манолиса Глезоса — в парламенте, а не в мрачной камере средневековой тюрьмы на острове Эгина.

В КАКИХ УСЛОВИЯХ СОДЕРЖИТСЯ МАНОЛИС ГЛЕЗОС И КАК ОН ЧУВСТВУЕТ СЕБЯ?

Четвертый год Манолис разлучен с семьей, с домом, со своими товарищами по борьбе, с народом. На его долю, как и на долю двух тысяч других демократов, томящихся в тюрьмах, выпали тяжелые испытания. Всему миру известны нечеловеческие условия, созданные в греческих тюрьмах и концлагерях. Манолис заточен в небольшую камеру вместе с пятнадцатью другими демократами. В камерах не топят, и зимой там холодно и сыро; в жаркие летние дни — несносная духота. Лишь несколько часов в день заключенным разрешают провести на тюремном дворе.

Все это губительно сказывается на здоровье Манолиса и его товарищей. Когда мне изредка удается свидеться с ним в тюремной камере свиданий, разделенной на две части стальными прутьями, Манолис избегает говорить о своем здоровье. Но его бледное лицо, поседевшая голова без слов говорят об этом. Несмотря на всю тяжесть тюремной жизни, Манолис всегда бодр и улыбается. При встрече со мной старается успокоить меня и смягчить тревогу моего изболевшегося сердца. Таким он был и во время моего последнего посещения тюрьмы в новогодние дни. Манолис подробно расспрашивал меня о нашем шестилетнем сыне Никосе, который теперь уже ходит в школу, горячо интересовался делами на воле, делился своими планами на будущее.

Надо было видеть, как ярко вспыхивали его глаза, когда я говорила о том, что Никос живет мыслями и надеждами на скорое возвращение отца домой. Мальчик часто спрашивает меня: «Мама, в газетах сейчас пишут: «Глезоса в парламент!» А когда папа будет в парламенте, он ведь, наверное, придет и домой?» После этого Никос садится за стол и пишет письма отцу. Каждое такое письмо для Манолиса — источник огромной радости.

Едва ли есть необходимость говорить о том, какие чувства испытывает Глезос в связи с высоким доверием, оказанным ему народом на последних парламентских выборах.

«Я, — сказал он мне в короткие минуты свидания, — готов отдать все свои силы тому, чтобы оправдать это доверие и выполнить свой долг депутата в борьбе за лучшее будущее народа моей Греции».

Но Манолиса снова, как это было в 1951 году, когда он, находясь в тюрьме, был избран депутатом, хотят лишить депутатского мандата. Единственно, чего не в состоянии сделать организаторы гонений на Глезоса, — это лишить его доверия и любви народа.

КАК РАЗВЕРТЫВАЕТСЯ БОРЬБА ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ ГЛЕЗОСА?

Избрание Манолиса в парламент ярче всяких слов продемонстрировало решимость греческого народа вырвать Глезоса из-за тюремных решеток. Сейчас почти ежедневно в адрес короля, парламента и правительства Греции со всех концов нашей страны, а также из различных государств Европы, Азии, Африки и Америки идут и идут письма, петиции и телеграммы с призывом освободить Манолиса и других демократов, положить конец современной трагедии в Греции.

Я думаю, что в новом году это движение разорвет в конце концов цепи несправедливости и насилия над Глезосом и его товарищами.

Когда я мечтаю о радостном и счастливом дне возвращения Манолиса из тюрьмы, то я от всего сердца хочу, чтобы это был день возвращения на свободу и тысяч других политических заключенных, чьи жены, матери и дети вот уже в течение 17 лет переносят те же лишения и страдания, что я и мой сын Никос. Пусть же 1962 год будет годом освобождения всех политических заключенных Греции — участников движения Сопротивления, профсоюзных деятелей, борцов за мир и дружбу между народами, за лучшую жизнь народа моей многострадальной родины.

Я пользуюсь случаем, чтобы передать читателям «Огонька», народу Советского Союза мои сердечные пожелания новых успехов и достижений в строительстве новой жизни, в борьбе за мир и счастье всех народов.

Агния БАРТО

КОЛ

В зеркале

Не смотрюсь я в зеркала:
Поважнее есть дела!

Я не красавец, не урод —
Обыкновенный парень.
Обычный нос, обычный рот,
Глаза какие? Карие.

Не смотрюсь я в зеркала:
Поважнее есть дела!
Но вдруг одна история
Со мной произошла.

В хоккей играл я во дворе,
Столкнулся со старушкой,
Ну что ж, случается в игре,
Ее задели клюшкой!

Взялась ругать старушка
Все наше поколенье,
Я спорил со старушкой
До белого каленья.

Она — словцо, и я — словцо,
Война у нас в разгаре,
Вдруг вижу в зеркале лицо —
Губастый, злющий парень!

Несли к соседям зеркало,
И вот средь бела дня
Оно так исковеркало
Меня!
Обычной нос, обычный рот,
Но, оказалось, я урод!

Стал в зеркало посматривать
Я вечером и днем,
И каждый раз по-разному
Себя я вижу в нем.

Хромую кошку приласкал
Случайно на бульваре,
Иду домой мимо зеркал —
Смотрю: красивый парень!

Меняюсь десять раз на дню.
С сестренкой начал я возню
И мячик отнял силой —
Смотрю: я некрасивый!

Обычный нос, обычный рот,
То я пригож, то я урод!

Нет, отражают зеркала
Не только наши лица:
И наши мысли и дела
В них могут отразиться.

Шуточка про Шурочку

Листопад, листопад,
Все звено примчалось в сад,
Прибежала Шурочка.
Листья (слышите?) шуршат:
Шурочка, Шурочка,
Шурочка, Шурочка!

Ливень листьев кружевной
Шелестит о ней одной,
Шурочка, Шурочка,
Шурочка, Шурочка!

Три листочка подмела,
Подошла к учителю:
— Хорошо идут дела!
(Я тружусь, учтите, мол,
Похвалите Шурочку,
Шурочку, Шурочку.)

Как работает звено,
Это Шуре все равно,
Только бы отметили,
В классе ли, в газете ли,
Шурочку, Шурочку,
Шурочку, Шурочку.

Листопад, листопад,
Утопает в листьях сад,
Листья грустно шелестят:
Шурочка, Шурочка...

ЮЧИЕ СТИХИ

Рисунки А. КАНЕВСКОГО.

Андрей не верит людям

Андрей не верит людям,
Конечно, он неправ!
Решили мы: обсудим
Его колючий нрав.

Нам стало ясно после:
Осел всему виной.
Стоял в витрине ослик,
Ушастый, заводной.

Лет шесть было Андрюшке,
Соседка к ним пришла.
— Ах, мальчик! Ах, игрушки!
Купить тебе осла?

Сегодня слишком жарко,
Боюсь попасть в грозу,
А завтра жди подарка,
Из ГУМа привезу.

Андрюше ослик снится,
Во сне стучат копытца,
Он заводной, он может
По комнате носиться...

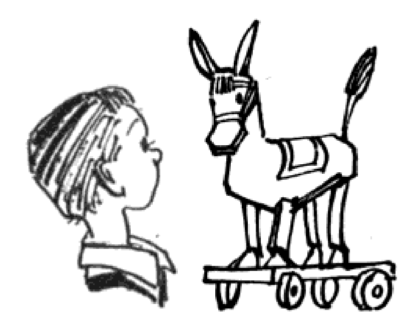
Твердит соседка снова:
— Смешного, заводного
Куплю тебе осла.
Но не сдержала слова —
С утра в кино ушла.

Андрюшке ослик снится,
Стучат, стучат копытца...

Твердит соседка снова:
— Вот после выходного
Смешного, заводного
Куплю тебе осла.
Так вся зима прошла.

Андрей не верит людям,
Конечно, он неправ,
Но обсуждать не будем
Его колючий нрав.

Купить осла Андрюшке
Придумал пятый класс,
Он вырос из игрушки,
Но пусть он верит в нас.

Подруга

Не бойтесь, что докладчица
Расстроится, расплачется.

Нет, даже слишком бойко
Перечисляет Зойка:
— У Казакова двойка,
У Каблукова двойка...
Щеглов ушел со стройки,
Чернов забыл тетрадь...

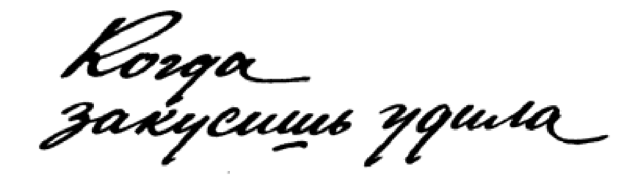
Совсем не грустно Зойке
Чужие эти двойки
При всех перебирать.

О нет, сияет Зойка,
Как утренняя зорька,
Сияет в ореоле
Пятерок и похвал.
«Я виновата, что ли,
Что Казаков отстал,
Что у Щеглова двойка
И у Чернова двойка?»

Чужие эти двойки
Прибавят славы Зойке
(Звезда на небе темном
Особенно ярка).
Садится Зойка скромно,
Сказав: — Ну, всё пока.

Выбрали!

— Ребята, я считаю так,—
Сказал мальчишка русый,—
Сергей — тюфяк! Да, он тюфяк!
Но в этом есть и плюсы.

Он человек неволевой —
Он подходящий звеньевой!

Не станет он в воскресный день
Устраивать экскурсий,
Ему возиться будет лень,
Он скажет: — Я не в курсе!..

Сергею будет все равно,
Что не собрали лома,
Что не пошло в поход звено,
Гоняет возле дома.

Он не потащит нас в музей,
Он даст свободу людям:
В кинотеатре «Колизей»
С утра толкаться будем!

И вот Сережа — звеньевой!
За что же выбрали его,
Вам не понять никак?
За то, что он тюфяк.

Когда закусишь удила

Он вспыльчивый!
Он вспыльчивый!
Он неразумный мальчик,
Он чересчур запальчив!

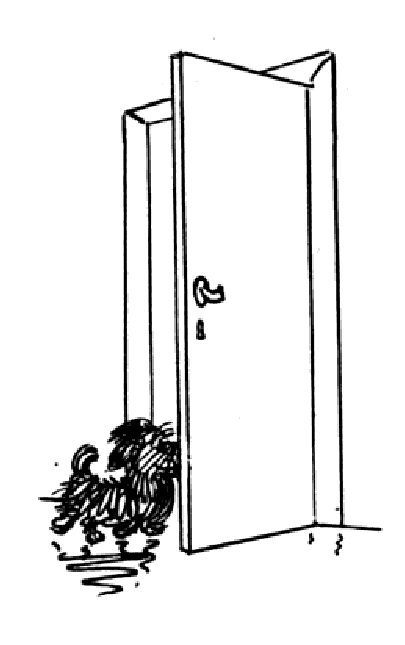
Так обо мне твердит молва.
Я вспыльчивый! Я пылкий!
Хочу молчать — летят слова,
Как пробка из бутылки.

Я сам хотел бы, может быть,
Спокойным быть, разумным быть,
Невозмутимым, кротким...
Начнет ругать меня родня,
А я молчу, хоть жарь меня
С утра на сковородке.

Совет недавно мне дала
Одна девчонка в школе:
— Когда закусишь удила,
Вспылишь помимо воли,
Чтоб поскорей в себя прийти,
Считай в уме до тридцати.

Я рассердился на щенка,
Хотел я дать ему пинка,
Но стал считать до тридцати,
И этот тип успел уйти.

Попал я в дедушку мячом
И закричал: — А я при чем? —
Но, досчитав до тридцати,
Сказал: — Ну, дедушка, прости!

Мой друг назвал меня балдой,
И дело б кончилось бедой...
Чтоб не намять ему бока,
Пришлось считать до сорока.

Разумным хочешь ты расти?
Считай в уме до тридцати.

В редакцию журнала «Огонек» пришло письмо от радиотехника с прииска имени Артема, Бодайбинского района, Иркутской области, рабкора местной газеты коммуниста М. Скоробогатько, в котором он сообщал о фактах хищения золота на прииске.

«Желательно, чтобы в свое время, когда закончится это дело, «Огонек» опубликовал разоблачительный материал о расхитителях золота», — так заканчивалось письмо.

Выполняя эту просьбу, мы публикуем очерк нашего специального корреспондента, побывавшего в Бодайбинском районе.

РАС

Руд. БЕРШАДСКИЙ

Прилетев в Бодайбо, я почти достиг цели. Отсюда оставалось только семьдесят километров до Артемовского прииска.

Наверное, читатель решит, что сейчас начнется детективная повесть: с таинственным упрятыванием золота в самые невообразимые места, со втиранием золотого песка в кожу, в волосы и под ногти (старые, известные способы!), со вставными полыми фарфоровыми зубами и т. д. Но детектива не будет. Не будет отрезов бархата, которыми разгулявшийся золотоискатель, когда к нему пришел «фарт», мостит дорогу от одного кабака до другого: кабаков в Бодайбо нет.

Рассказ мой — о тех расхитителях золота, которых разоблачили в Бодайбинском районе сегодня, а не сто лет назад, и которые с одинаковым успехом способны расхищать любые государственные и народные ценности.

Цена золота

С Михаилом Андреевичем Лукинским, управляющим трестом «Лензолото», я познакомился в кабинете первого секретаря Бодайбинского райкома партии Верещагина. Я пришел к секретарю райкома с просьбой помочь мне разобраться в ценах на золото. Ведь на приисках, с одной стороны, существует цена так называемая вольноприносительская. Цена эта вроде бы низка, но вольноприносительское золото — случайно найденные самородки. Труда на то, чтобы их добыть, не было затрачено никакого: увидел человек в отвалах породы из давно уже выработанной шахты блеснувшую ярко-желтую крупинку, наклонился к ней, царапнул камешек, а он, гляди, самородок! Просто счастье. Недаром старое золотоискательское слово «фарт» и ведет свое происхождение от счастья — от «фортуны».

Другое дело — цена, которую выплачивают за намытый металл старателям. Она много выше: в два, три и даже в четыре раза больше вольноприносительской. Если старательской бригаде отвели участок, по определению геологов, богатый золотом, то за каждый добытый грамм будут платить меньше. Если же участок был отведен скудный, уплатят больше. Тот, кто думает (все еще по Мамину-Сибиряку и Джеку Лондону), что старатель трудится, где ему вздумается, тот заблуждается. Государству выгоднее, чтобы золота было добыто как можно больше. Поэтому же выгоднее и обеспечить старателя самыми богатыми объектами работы. Разве он самостоятельно в силах выбрать себе объект для добычи с таким же успехом, как это сделает для него государство — с тысячами геологов на службе, с совершеннейшими инструментами разведки! Да никогда!

Старатель — такой же труженик, как человек любой другой специальности. Только работает он на специфических участках: на таких мелких объектах, на которых ставить государственную добычу золота нерентабельно. Например, на отвалах выработанных шахт. Если золото в этих шахтах добывали в свое время недостаточно совершенными методами — а это так и было,— то из отвалов можно и сегодня намыть немало золота.

С точки зрения капиталиста, то, что сделали с ценами на золото мы, — нонсенс, сумасшествие. Ибо, с его точки зрения, любой покупаемый товар имеет только одну цену — ту, по которой товар выгодно купить, чтобы затем, перепродав, получить барыш. Какая разница скупщику, где добыл свое золото Джек или Джордж и сколько сил на добычу его он потратил? Плевать на это скупщику: скупщик не благотворитель.

А для нас всегда существует разница, сколько вложено в вещь труда, грамм ли это золота, центнер ли кукурузы, концертная скрипка или горшок для варки каши.

Беседа с Лукинским

Вот обо всем этом, начав с цен на золото, мы и толковали с секретарем райкома, когда в кабинет вошел Михаил Андреевич Лукинский. Это был грузный, высокий мужчина.

Он не спеша разделся, не спеша повесил пальто на хорошо знакомую ему вешалку хозяина кабинета, обстоятельно причесал редеющие волосы и лишь затем произнес первое слово:

— Здравствуй, Владимир Федорович!

Это относилось к секретарю райкома. Тот поднялся навстречу.

Лукинский, внимательно посмотрев, кого ему представили, протянул мне руку.

Мы поздоровались.

— Садитесь, садитесь, — пригласил он меня, сам усаживаясь напротив и не дожидаясь приглашения хозяина кабинета. — Приехали наше хозяйство описывать? Полезно, полезно. Есть что посмотреть! — Голос его был глух, речь неразборчива. Это была речь человека, привыкшего к тому, чтобы в нее вслушивались, как бы он ни говорил.

Посмотреть в Бодайбо действительно было что — это стало мне понятно с первого же момента. И то, что трест «Лензолото» — хозяйство громадное, тоже стало понятно сразу. Едва отойдя от аэродрома, я оказался у станции железной дороги, вывеска на которой гласила: «Станция Бодайбо Бодайбинской железной дороги треста «Лензолото». На путях гудел паровоз, тащивший состав пассажирских вагонов, рядом стоял товарный состав, виднелось депо. У треста была собственная семидесятикилометровая железная дорога, связывающая Бодайбо с приисками. Продовольственные магазины в городе тоже оказались принадлежащими «Лензолоту» — отделу продовольственного снабжения треста. И единственной городской баней владело «Лензолото». И парикмахерская подчинялась тресту. И гостиница. И Дворец культуры.

Я коротко рассказал о цели своего приезда.

— Ах, вот вы по какому делу!.. Да, к сожалению, было. Но, по-моему, у нас тут есть дела куда более интересные для читателя. Вы, кстати, осведомлены, что наш трест награжден орденом Ленина за перевыполнение планов? А о расхитителях что ж размазывать! — Презрение слышалось в голосе Лукинского. — Мерзавцы и мерзавцы! Преступники! Когда они только переведутся на нашей земле!

Я понимал, что Михаилу Андреевичу, конечно, значительно приятнее поделиться со свежим человеком трудовыми достижениями «Лензолота», чем говорить о преступлении. Но раз преступление совершилось, то прежде всего необходимо было разобраться, почему оно оказалось возможным.

Знакомясь со следственным делом, я встретил там свидетельское показание Лукинского по одному небольшому эпизоду. И не совсем понял мотивы его поведения. Хотелось прояснить для себя этот вопрос.

— Пожалуйста. Слушаю вас,— сказал Лукинский.

— Был такой случай. В начале лета шестидесятого года, когда вы как раз находились на Артемовском прииске, мальчик Коля Невидимов принес в приисковое управление полукилограммовый самородок золота, точнее, 568,5 грамма, который он нашел в отвалах выработанной шахты. Сын пенсионера Петра Семеновича Невидимова.

— Ну как же! — оживленно подхватил Лукинский. — И мальчика отлично помню и самородок. Самородок — мы это сразу проверили — оказался действительно с той самой шахты, которую он назвал.

— А как это можно определить? — удивился я. — Разве золото не везде одинаковое?

В ответ на мой вопрос улыбнулись сразу и Лукинский и Верещагин, тоже старейший работник золотой промышленности. Они объяснили, что опытный человек по виду самородка способен назвать не только шахту, откуда добыт самородок, но иной раз даже, из какого забоя его извлекли.

— Славный такой паренек, — продолжал Лукинский.— Я его еще спросил: как, мол, думаешь израсходовать деньги, что мы тебе дадим? Тебе же много причитается! А он мне ответил: «Хочу купить себе велосипед. И сестренке купил бы в подарок велосипед».

— Ему, значит, много причиталось?

— Считайте: за пятьсот с лишним граммов.

— Вот это, собственно, и смущает: как считать? Если как за находку, за вольноприносительское, то и тогда получается сумма довольно большая. Хватит не только на два велосипеда. Но ему уплатили намного больше. Посчитали как старательское. Хотя ясно, какой же он старатель, просто повезло пареньку!

— Не понимаю,— удивился Лукинский.— Не понимаю: что же вам в этом эпизоде не ясно?

— Только одно, Михаил Андреевич: почему мальчику уплатили за шальную находку, как платят старателям за тяжкий труд?

— А это я распорядился, вы же читали мое показание. Мальчик честный, хороший.

— И что из этого? Разве закон не один для всех без различия? Или этот закон допускает отклонения в зависимости от того, кем он осуществляется?

— Ну, знаете ли, закон не в состоянии предусмотреть все случаи, с которыми нас сталкивает жизнь!

— А что из ряда вон выходящего в этом случае? И разве уплатить вольноприносительскую цену за находку мало?

— А я, как видите, посчитал, что все-таки мало! Государство дало мне право премировать людей. Я надеюсь, вы не оспариваете это мое право? И я увидел, что имею дело с хорошим, скромным пареньком.

— И что из этого?.. Вы директор орденоносного треста, депутат районного и областного Советов, член бюро райкома партии и

ХИТИТЕЛИ ЗОЛОТА

член обкома... И так легко нарушаете закон. Мне думается, что разницу вам бы все-таки стоило вернуть государству. Ведь из материалов следственного дела видно, что Ремизов ссылается на этот ваш поступок, когда пытается оправдать свои явно преступные распоряжения: чтобы неведомо откуда взявшееся у приносителей золото принимали по старательской цене!

— Ну, нет уж, такую цепочку тянуть нельзя! Может быть, я и виноват, больше того: да, наверное, виноват! Но Ремизову на меня ссылаться нечего! Он распорядился оплатить Михайловой ее золото до того, как мальчик Невидимов нашел самородок,— до, попрошу заметить, а не после!

— Но разве нельзя, ссылаясь на то, что ваша санкция на оплату самородка по старательской цене все же имела место, предположить, что Ремизов мог не сомневаться в ваших взглядах на этот вопрос? Не сомневался, что вы и его аналогичное распоряжение не сочтете нарушающим закон?

На это Лукинский не ответил ничего.

А история с Ремизовым тем не менее требовала ответа.

«Хозяин»

В обвинительном заключении вина Ремизова Александра Михайловича, сорока пяти лет от роду, ранее не судимого, начальника Артемовского приискового управления, а в последнее время заместителя управляющего трестом «Лензолото», сформулирована так: «Злоупотребляя своим служебным положением... разрешил лоточникам-старателям массовое лоточное старание на отвалах шахт совершенно бесконтрольно, без выдачи нарядов-бирок, и прием золота от этих лиц без проверки наличия нарядов-бирок».

И не только разрешил, но и «санкционировал [эту систему] своими **действиями**».

Чем, однако, отличается распоряжение Ремизова о принятии «в центральную золотоприемную кассу прииска от гр-на Богова 216,1 грамма золота неизвестного происхождения» (я продолжаю цитировать обвинительное заключение, которое справедливо ставит в вину Ремизову то, что это золото было оплачено как старательское), «хотя Богов и не является старателем и бирки-наряда на старание не имел»,— чем отличается это распоряжение Ремизова от распоряжения управляющего трестом Лукинского об оплате мальчику Невидимову его самородка по старательской цене?

Пожалуй, только одним: распоряжению Ремизова сопутствовали еще и другие подобные действия...

Он считал себя единственным хозяином на прииске, а свое толкование законов — решением последней инстанции. Захотел уплатить Богову по повышенным расценкам — уплатил. Захотел разрешить одиночкам старательскую добычу золота, не соблюдая никаких установленных для этого государством правил контроля, — и разрешил. Захотел отменить порядок приема золота от старателей по соответствующим документам — и отменил.

А установленный порядок расплаты со старателями за добытое ими золото был разумный и проверенный. Порядок был такой. Каждой старательской бригаде выдавался наряд (на приисках его называют биркой), где заранее указывалось, кто входит в бригаду, где она проводит свои старательские работы, каков намеченный ей план. По окончании рабочего дня государственный контролер в присутствии бригады ссыпал намытое за день золото в специальную банку, которую тут же и опечатывал, затем бригадир относил ее в кассу прииска; здесь кассир в присутствии другого государственного контролера распечатывал банку, взвешивал золото и выписывал в бухгалтерию квитанцию на оплату его по установленной для этой бригады расценке.

Ремизов «упростил» порядок. Бирок у приносителей разрешил не спрашивать, паспортов — тоже, деньги за золото — выплачивать непосредственно в кассе,— к чему там еще «волокита»: бухгалтерия, квитанции! Принес золотишко? Ну и получай за него тут же!

Правда, оставалось неясным: все же сколько же платить?

Ремизов решил и этот вопрос. Низшую из допустимых цен исключил из обихода вовсе: старательский сектор не имел права выплачивать людям такую цену, он должен был выплачивать непременно высшую. Ну, а сколько точно в каждом отдельном случае — это Ремизов доверил устанавливать заведующему старательским сектором Стукальскому. И устанавливать совершенно произвольно.

Так одним росчерком пера были уничтожены все государственные установления. Правда, прямого распоряжения Стукальскому: «Бесчинствуй! Вытворяй, что хочешь!» — Ремизов, конечно, не давал, но зато **сделал** все, чтобы Стукальский понял: начальство санкционирует любые его решения...

А Стукальскому только это и нужно было! Недаром о нем ходили по поселку слухи как о человеке, нечистом на руку. В поселке видели все: и то, что он живет не по средствам, и то, что компанию всегда водит не бескорыстно. Поселок не Москва, где можно прожить с соседом десятки лет на одной лестничной площадке и не знать его имени и фамилии. Тут все друг друга очень хорошо знают.

В первых числах апреля шестидесятого года Ремизов лично привез на своей служебной машине в кассу старательского сектора свою знакомую, некую Михайлову,— та извлекла из хозяйственной сумки заржавленную консервную банку, а из банки — чулок, набитый золотом,— и распорядился:

— Это золото примете как старательское.

А Михайлова была никакой не старательницей. Она заведовала начальной школой в соседнем поселке и просто состояла в давнем знакомстве с Ремизовым, еще по совместной работе на прииске Джугджур, в Якутии. И золото, доставленное Михайловой,— Стукальский увидел это наметанным глазом сразу и тут же подмигнул кассирше Сипеевой, оформлявшей приемку его,— было тоже не здешнее, а джугджурского происхождения...

Михайлова сочинила такую историю: она, мол, нашла эти тысячу триста граммов у себя на огороде. Однако когда Сипеева спросила ее грубовато и откровенно, а на какую все же фамилию лучше выписывать ей деньги, ответила «механически» (как она потом показывала на следствии): «Напишите — Васильева». И так и расписалась в получении денег своим профессиональным каллиграфическим почерком учительницы: «Васильева»...

Ее спрашивают:

— Михайлова, вы вначале показывали, что, найдя золото, решили сдать его в милицию и вообще не рассчитывали на получение какихнибудь денег за него. Почему вы не осуществили своего намерения?

— Я не нашла милиции.

— Но она же в трехстах метрах от управления, вы же бывали около нее десятки раз!

Михайлова молчит. Тупое запирательство — тоже метод защиты. Простейших. Одноклеточных.

...Но вернемся к Ремизову и Стукальскому. Разрешение Ремизова принимать любое золото по цене старательского, которое он воочию продемонстрировал в случае с Михайловой, было для Стукальского и Сипеевой дороже сотни его письменных распоряжений, даже если бы он их и отдал. Тем более, что Ремизов недельки за две до этого также дал понять одним своим поступком, что он во всех случаях не станет придираться, откуда поступает золото в кассу старательского сектора, лишь бы оно поступало бесперебойно. Ведь оно входило в цифру выполнения плана шахтой.

Поступок был такой.

«Лензолото» не раз указывало Ремизову на то, что на Артемовском прииске, которым он руководил, слабо поставлено «старание» (так называют в золотопромышленных районах старательские работы). Трест требовал укрупнять старательские бригады, усилить техническое руководство ими. Все это, конечно, в интересах выполнения плана.

Но, потребовав обеспечить техническое руководство бригад инженерами, трест не проверял, сделано ли это, зато сразу сокращал штат техников — горных мастеров. (И появлялась великолепная возможность рапортовать об экономии фондов заработной платы!) Требуя усиления контроля за старательскими работами, трест не проверял, как налажен контроль на прииске, зато сокращал штат государственных контролеров (тоже в целях «экономии средств»!).

Ремизов всюду надрывался: «План давайте! План, план!» Он слыл опытным хозяйственником, умеющим «выжимать» этот план, как гиревик штангу, он ведал крупнейшим приисковым управлением «Лензолота», и что ни говори, а лестно красоваться на той же доске почета, где известные всей стране строители Братской ГЭС: ведь что Братская ГЭС, что «Лензолото» — в одной и той же Иркутской области!

Да, за план он боролся. А о тех, кто этот план выполнять должен, ему думать было некогда.

Приходили люди к нему в кабинет, скажем, жаловаться начальнику приискового управления, что вот завербовался я к вам на «Лензолото» из Бреста, сам я шахтер, только что демобилизованный солдат, завербовался на под-

земные работы, а меня направляют на строительные. Я их не знаю, да и не на то договор подписывал!

Начальник управления на человека не смотрел, садиться не приглашал, листал в это время какие-то ведомости и делал в них пометки: очень занят был! Потом все же подымал глаза.

— Ну?

— Что, товарищ начальник, «ну»?

— Ну, чего ты хочешь?

— Я уже сказал вам.

— Что ты сказал? Что работать не желаешь? Что план сюда приехал срывать? — Голос его взвивался до самых высоких нот.— Не желаешь выходить на строительные работы, так можешь возвращаться обратно к себе в Брест, дорога не заказана!

Легко сказать: не заказана! А билет только до Иркутска стоит шестьсот рублей.

Крепкий хозяйственник был Ремизов! В марте шестидесятого года, когда приблизился сезон старания, Ремизов распорядился всюду развесить плакаты о том, что приисковое управление разрешает старание практически всем. И ни слова, что следует заключить для этого договор с управлением, получать соответствующие наряды,— нет, все проще: старание разрешается всем, а деньги за золото — получать в кассе старательского сектора.

«Сонька Золотая ручка»

Как только были развешаны эти плакаты, кассир старательского сектора Сипеева немедленно сделала первый преступный шаг: приняла без всякого наряда заведомо ворованное золото. Вместо положенной квитанции на него, которую должна была сдать в бухгалтерию, где проверили бы и все остальные обязательные документы сдатчика, выписала филькину грамоту — реестр, в который без всяких документов записала, от кого принято золото, и по которому сама же могла выплатить деньги. И понесла его на подпись Стукальскому.

Стукальский — тертый калач! — хотя сам же подсказал Сипеевой, что приемку золота ей лучше оформлять реестрами, наотрез отказался скреплять первый реестр собственной подписью.

— Что ты, голубушка! Как можно! Не-ет, этот реестрик у нас с тобой должен остаться завизированным товарищем Кожевиным, товарищем Ремизовым. А мы что, мы люди маленькие... Поняла? Вот и сходи, милая, к Ивану Даниловичу. И к Александру Михайловичу не поленись...— Стукальский светло, золотозубо улыбнулся Сипеевой.

Ну, а Сипеевой не надо было дважды объяснять, что к чему. Недаром Софью Тимофеевну называли за глаза «Сонька Золотая ручка». И недаром у «Соньки Золотой ручки» — кассира, чья зарплата была много меньше, чем заработок тех, кому она выдавала деньги, в долгу находились чуть ли не десятки людей. Одного она выручала трешкой, другого — четвертным, третьего — сотней. Она снабжала деньгами охотно, стоило только обратиться к ней. Давала на то, чтобы выпить с горя и с радости и опохмелиться. В получку же ей, конечно, не только возвращали долг, но в благодарность и ручку золотили: кто полсотней, кто сотней, а кто несколькими сотнями. Незаменимый была человек Сонька, душа человек!

Что надо «принимать во внимание», а что и не надо бы

И Сипеева с ясными глазами отправилась к Кожевину — главному бухгалтеру прииска.

Однако ясные глаза не помогли. Опытный бухгалтер посмотрел в реестр мимо них и увидел, что ему подсовывают «липу».

— Нет,— сказал он категорически и брезгливо отодвинул реестр.

— Хорошо,— покорно ответила Сипеева. Забрала реестр с кожевинского стола и отнесла его Ремизову.

Вечером того же дня Ремизов между прочими делами, о которых всегда в конце работы беседовал с главбухом, сказал невзначай:

— Да, Иван Данилович, надо тебе вот этот реестрик подписать.

И Кожевин второй раз за день увидел перед собой филькину грамоту из старательского сектора, но теперь уже подписанную решительной росписью Ремизова.

«Неужели Ремизов,— подумал Кожевин,— не понимает, что это — вопиющее нарушение финансовой дисциплины?» Вслух, впрочем, он этого не сказал: не захотел, вероятно, портить отношения с начальником.

И все-таки... Ах, какое трудное положение у главбуха! Кожевин обмакнул перо в чернильницу, но нет, не с легким сердцем занес ручку над реестром. В последнюю секунду не выдержал и опять отложил ее.

— Александр Михайлович, а может... того... не надо? А?

Ремизов встал из-за стола и, стоя, так посмотрел сверху вниз на своего бухгалтера, что Кожевин торопливо расписался и протянул ему реестр за двумя подписями. В конце концов начальник-то — Александр Михайлович. Раз он так хочет, пусть и отвечает!

...В следственном деле есть документ прокуратуры: постановление об отказе в возбуждении уголовного дела против главного бухгалтера Артемовского приискового управления Кожевина И. Д. В этом постановлении сказано, что да, Кожевин И. Д. «не надлежаще исполнял свои служебные обязанности»; что да, «выполняя незаконное указание нач. прииска, подписал реестр на прием 228 гр. лоточного золота в старательском секторе... при этом не проверил, кем это золото сдано, является ли [упомянутый в реестре] «Иванов» старателем, имеет ли наряд-бирку на право старания, вследствие чего не был разоблачен расхититель этого золота Ковалев и кассир Сипеева...»

Вывод из этого делается вполне справедливый: «Кожевин за ненадлежащее выполнение своих служебных обязанностей подлежит привлечению к уголовной ответственности» (за халатное отношение к служебным обязанностям).

Но дальше в постановлении сказано следующее:

«Принимая во внимание, что у Кожевина большой объем работы [и что] поэтому [он] не мог проследить тщательно за работой Милашевского (бухгалтер старательского сектора, который тоже сидит на скамье подсудимых за халатное отношение к служебным обязанностям), что он реестр... подписал под нажимом нач. прииска, вина его незначительна...»

С этим уже трудно согласиться. То есть как это «незначительна»? Бухгалтер — это полномочный представитель государства, для того и назначенный, чтобы следить за соблюдением всех до единого требований финансовой дисциплины.

Больше того. Прямой нажим начальника, требовавшего завизировать явно незаконный финансовый документ, был очень тревожным и недвусмысленным сигналом: значит, в старательском секторе что-то неблагополучно, если приходится разрешать скупку золота по таким подозрительным бумажкам.

Кожевин, как говорит постановление, «в течение четырнадцати месяцев надлежаще не контролировал работу бухгалтерии старательского сектора, вследствие чего стал возможным прием золота кассиром, минуя бухгалтерский контроль...» Иными словами, вся эта афера могла быть вскрыта на четырнадцать месяцев раньше, если бы главбух не угодничал перед начальством, а честно выполнял свои обязанности.

И вина его, несмотря на все это, «незначительна»?!

Нет, не согласен я с прокуратурой Иркутской области, которая «на основании изложенного» постановила: «1. В возбуждении уголовного дела в отношении Кожевина И. Д. отказать; 2. Внести представление управлению трестом «Лензолото» о привлечении Кожевина к дисциплинарной ответственности». Думается мне, это неправильно. Надо было все-таки привлечь Кожевина к ответственности, потому что он, доверенное лицо государства, поставил чинопочитание и свое личное спокойствие выше доверия, оказанного ему! И пусть выйдет пред лицо народа в зале заседаний суда и пусть посмотрит в глаза сотен людей.

— Чувствуй, Иван Данилович, что ты натворил, смотри на людей, которых ты всех обманул! Пусть мы тебя не сажаем: мы думаем, с тебя достаточно такого показательного урока, но знай: второй раз мы тебе не простим!

И пусть уйдет из зала, опустив голову, а не так уйдет, как из прокуратуры, чтобы никто не мог и догадаться, что ему сказал следователь в кабинете: надел пальто в гардеробе — и до свидания!

Зачем пренебрегать таким мощнейшим средством воздействия (и воспитания!), как гласность? Уж если преступление все-таки совершилось, то надо публичным разбором его — именно публичным, именно перед народом! — хоть предотвратить повторение подобных преступлений.

Доверенное лицо «хозяина»

На следствии Стукальский отрицал все, что только можно было отрицать. Но круг улик неумолимо сжимался, и теперь, когда следствие закончилось, Стукальский понял, что совершил крупнейшую ошибку: ни одно обвинение опровергнуть не сумел, а свою участь только отягчил беспрерывной упорной ложью на следствии.

Вот он сидит передо мной в кабинете начальника бодайбинской тюрьмы, теперь уже — весь готовность ответить на любой вопрос, весь самоосуждение.

— Вы обязательно, гражданин корреспондент, напишите, что я, Стукальский, преступник, взяточник, расхититель, говорю всем: ни за что не становитесь на тот путь, на который встал я!

— Хорошо, напишу. Но вы объясните: чего ради вы воровали? Зарабатывали до восьми-девяти тысяч в месяц,— был у вас и дом свой и автомобиль... Чего вам не хватало?

— Да нет, всего, конечно, хватало. Но думал: сойдет... Ведь возможности, что называется, сами в руки лезли. И какие!

Это крик души, это — неожиданно вырвавшееся признание. Стукальский даже головой качает, будто от нестерпимой боли.

Но тут же спохватывается, и вновь на лице его стойкое раскаяние.

— Вам сколько лет, Зигмунд Александрович? — спрашиваю я.

У Стукальского хотя и полное, но свежее лицо, круглое, масленое. Как блин. Легкая походка, хорошо развитый торс. Он подтянут, чисто выбрит. И насторожен. Как зверь!

— Сорок шесть. А что?

— Ничего. Хорошо сохранились.

— Что вы! — возражает он. В первый раз я вижу, как он по-настоящему мрачнеет. — И сердце уже никуда и нервы... Срока мне не выдержать!..

Я не собираюсь его утешать. Он не только нажился сам, но еще подбивал на преступления всех, кого мог. Он знал, на что шел.

Он глубоко вздыхает и вынимает из кармана какое-то письмо без конверта. Протягивает его мне.

— Слава богу, хоть детей не испортил, дети у меня хорошие. Это письмо от сына. Мне давали свидание с женой, она передала...

— А сын почему не пришел?

— Его тут нет, он учится в другом городе.

Я читаю разбегающиеся в разные стороны строчки: трудно было парню заставить свою руку не дрожать. Как наплевал ему в душу отец!

«Что же ты наделал? Я просто не могу поверить! Тебя уважали, тебя ценили, с тобой советовались, а ты... Ты вдруг оказался совсем другим... Как я верил в тебя! Я даже старался быть похожим на тебя...»

Зачем Стукальский показывает мне это письмо? Торгует им?

...Подходящего человека подобрал себе Ремизов в ближайшие помощники! Ремизов — Стукальского, Стукальский — Сипееву, Королева. Веревочка вьется, вьется...

Жизнь — копейка

Королев производит впечатление дряхлого старика. Сутулый, все лицо в морщинах, дряблая шея.

Неужели этому деду-грибу всего пятьдесят три года?

Но Стукальский не ошибся, завербовав его

А. Жмуйдзинавичюс (Каунас). ПОКОИ.

Д. Беляев (Ленинград). СЫН.

Т. Грасис (Рига). В ПОМОЩЬ СОСЕДЯМ.

Я. Ромас (Москва). ПЛАН ВЫПОЛНЕН.

в число своих «поставщиков» одним из первых. С другими заведующий старательским сектором начинал издалека: с разговоров о плане, о том, что вот-де как же его выполнишь, если не намывают и не намывают старатели золотишка, совсем оно вроде исчезать стало. Хоть свое в кассу сдавай,— тут Зигмунд Александрович широко улыбался,— да ведь где ж оно, свое, откуда?

Разговоры были деликатные, дипломатичные. Хочешь — понимай их как шутку; хочешь — спрашивай после этого всерьез: «Ну, а если, Зигмунд Александрович, например, и принести золотишко, то как, примете?»

Аккуратный заведующий был Зигмунд Александрович. Лишнего и полслова не вымолвит, даром что разговорчивый, зато если по делу скажет, то этого мимо ушей уже не пропускай.

Впрочем, все это с другими. А с Королевым попросту:

— На выпивку, старик, хватает? Или маловато? А то неси золотишка побольше. Спрашивать откуда, не будем.

Что с ним стесняться: свой человек!

...Смотрю я на Королева, и грустно мне. Вряд ли уже, конечно, он изменится до конца своей жизни. По статье, которая ему предъявлена — хищение государственных ценностей в особо крупных размерах,— ему, вероятно, дадут максимальный срок наказания: пятнадцать лет.

На что ушла жизнь этого человека?

Старательскую свою профессию — а он отдал ей и юность и зрелые годы — он называет, как обзывает: «Я золотарь». Да и золото, за которым всю жизнь гонялся, называет так же: «Золотина». Нет, не согрело оно ему жизни.

Семья? Ее у него не было никогда. Он говорит о ней, как и обо всем, о чем говорит, кратко и насмешливо:

— Молодой был, девки и так липли. А теперь и я им без надобности и они мне.

Что же у него все-таки было в жизни? Или так-таки ничего?

Он усмехается щербатым ртом.

— Как это ничего?! А водка?!

Он ерничает, но что ему еще остается? Да, водка — единственное, что он может вспомнить в жизни!

Вот его «дело». В 1935 году первый приговор: пять лет лишения свободы за хулиганство в пьяном виде и нанесение тяжелых увечий какому-то незнакомому человеку без всякой причины. В 1953 году—еще пять лет, и опять по той же статье (и опять был пьян!).

— А в этот раз вы кого изувечили?

— В этот раз,— отвечает Королев степенно,— я в дружка угодил.

— Как это: «угодил»?

— А дело в лесу случилось, у костра. Сидели мы, значит, компанией, выпили, конечно. Полез я тут на одного через костер. А друг стал меня останавливать. Я его и не желал даже поранить, я на другого лез. Просто отмахнулся от него. Но только вот позабыл, что в руке ножичек. А ножичек-то и угодил в него. В почку, что ли...

Нет, не ошибся Стукальский, остановив свой выбор на Королеве. Он за бутылку и отца родного утопит! А тут тем более никого и топить не надо было: только уговорить одного-другого дружка-собутыльника вынести золотишко с шахты да в государственную кассу, Зигмунду Александровичу, и сдать. А чтоб Зигмунд Александрович завалился,— этого от него никто не ждал. Уж такой головой считали!

...Похитил Королев, втянув в это дело также других людей, три тысячи девятьсот семьдесят граммов золота из государственных шахт.

Лагутин

Вначале, когда я ознакомился лишь с обвинительным заключением, все обвиняемые сливались передо мною в одно лицо и отличались один от другого только количеством украденного золота. Один — тысячу шестьсот граммов, другой — две тысячи девятьсот девяносто один. К одним этим подлым цифрам, как к единому знаменателю, и свелась вся жизнь людей... И лишь постепенно, как на негативе в проявителе, начали проступать и другие черты, другие линии. Сперва пятнами, потом все яснее, яснее...

Против фамилии Лагутина цифра стояла самая большая — восемь тысяч триста тридцать семь граммов. Больше полпуда золота украл Лагутин!

— По вашему вызову, гражданин начальник, заключенный Лагутин явился!

В дверях кабинета, где я ждал его, стоял плотного сложения мужчина лет сорока, с прямым, решительным взглядом светлых глаз, с крепкими, большими рабочими руками — они сразу привлекали к себе внимание, потому что очень уж вылезали из рукавов коротковатой черной телогрейки. Ни тени заискивания, с которым переступил этот порог Стукальский, ни намека на «Эх, пропади все пропадом!», с чем явился Королев.

Мне трудно было разговаривать с этим человеком. Готовясь к беседе с ним, я прочел в следственном деле не только мотивировку обвинения: «Будучи государственным контролером, похитил восемь тысяч триста тридцать семь граммов золота»,— но еще увидел и то, что во время войны Лагутин был четырежды ранен, что за отчаянно смелые разведки был награжден четырьмя орденами. После войны он споткнулся: дико, по пьянке нахулиганил, за что и был осужден. Однако, отсидев положенное, взял себя в руки. Он не хотел ставить крест на своей судьбе! Женился, стал счастливым отцом трех детей, поступил в техникум и одновременно работал, сделался мастером своего дела.

«Тов. Лагутин Василий Герасимович»,— читал под своим портретом на доске почета в центре поселка, и ему было приятно читать это, и нельзя было ему проходить пьяным мимо такой доски..

Действительно, стал и выпивать меньше: только по праздникам и только по-семейному, дома, с друзьями.

Как же снова фамилия его перебралась с доски почета вот сюда, в обвинительное заключение? И стала против нее та же статья, что стояла против имен расстрелянных выродков — Рокотова и Файбишенко, этих московских валютчиков?

— Нет,— восклицает Лагутин, когда я упоминаю их фамилии,— нет, меня с ними равнять нечего! Я эту слизь сам бы с лица земли стер! Они в шпионы рады были наняться, они, сволочи, Родину продавали!

— А вы лучше их?

В кабинете тишина. Папиросу Лагутин давно уже выкурил до конца, уже дымит картон мундштука в ней, но Лагутин не замечает.

Я откладываю авторучку в сторону. Он наконец почувствовал, что тлеет мундштук, и торопливо гасит окурок. Растер. Придавил большим пальцем с толстым желтым ногтем. Ответил медленно, глухо:

— Выходит, не лучше...

Что его привело в тюрьму?

— Стукальский...— начинает он и тут же обрывает сам себя: — Нет, нечего с других начинать!.. Это произошло вот как. Послали меня в январе шестидесятого года на курорт, радикулит у меня разыгрался. Болезнь профессиональная, что поделаешь. Шахты у нас старые, последние годы доживают, вода в них, сырость. И сказали мне врачи: «Хватит, Василий Герасимович. Больше вам шахтером работать не годится». И отправили на курорт. Подремонтировали там меня как следует. Но по приезде меня опять с катушек сбили. Не врачи, нет. У меня образование не ахти. Среднее техническое не закончено: с техникумом я только два года управлялся, потом бросил. Сами понимаете, хоть это, конечно, не оправдание, но трудно было: смену под землей, а потом еще семья. В общем, не хватило упорства. И, значит, инженерскую должность мне предоставить не смогли, а под землей я сам уже больше не мог. Пришел я к товарищу Ремизову: как, мол, быть мне? А он отвечает: «Раз так, то увольняйся или иди в государственные контролеры». А государственный контролер — только название громкое, зарплата же у него в два раза меньше, чем я вырабатывал. Но даже не в зарплате дело было. Я ведь слово ожидал услышать. (Он чуть не выкрикнул это: «Слово!») Я же не по своей вине свою работу оставлял! А услыхал вот что...— Он угрюмо сводит челюсти.

— Но почему вы никуда не пошли жаловаться, если считали, что он не прав? Что, у нас на Ремизове свет клином сошелся? Или, кроме Ремизова, Советской власти не было?

— В том-то и дело, гражданин корреспондент, что я засомневался: не то есть Советская власть, не то всюду Ремизов. Он ведь не только начальник прииска был, он и член райсовета, и член партийного комитета, и член райкома партии... А я против него кто? Бывший заключенный, бывший судимый — нуль без палочки, а то еще хуже!

— Но вы же видите, что и на Ремизова есть управа!

— Так это теперь...

— Неправда! И в шестидесятом году так было.

— Может быть. Но я-то этого не понимал...

— Лагутин, а сколько вы зарабатывали на прежней должности?

— Когда как. В среднем тысячи четыре, четыре с лишним в месяц.

— А когда стали государственным контролером,— сколько?

— Вдвое меньше. С северной надбавкой и с процентами за выслугу примерно две тысячи.

— Это тоже сумма немалая!

— Конечно. Хотя по нашим условиям и не такая большая: у нас дороже продукты. Но дело даже не в том, а в другом: за многие годы я просто привык к большой зарплате. А еще правильней сказать, даже не в этом. Самое главное, обидно мне стало, невтерпеж! А тут еще в апреле доктора снова осмотрели меня и снова приказали немедленно отправляться на курорт. Второй раз. И чтоб сразу. Тут же и путевку выписали. Но в наших местах путевка — полдела. Основное — дорога. Она раза в два дороже путевки обходится, а то и в три. А второй раз за год дорогу не оплачивают. Ехать мне было не на что...

— Ну, а в профсоюз почему вы не пошли: просить в виде исключения, чтобы вам оплатили дорогу и второй раз за год, если врачебная комиссия не догадалась этого сделать?

— А что я, нищий, с протянутой рукой ходить? Сроду Лагутин ничего не просил! И не буду просить.

— Понятно. И тогда, значит, начали воровать?

— Да, гражданин корреспондент, после этого.

— Ну, а как это фактически произошло?

— Фактически это было так. Встретил меня на улице Стукальский, увидел, что я аж черный от заботы. Ну и говорит: «Ох, и туго что-то с планом у меня, Василий Герасимович!» Щупает меня, одним словом. А я не мальчик, чтобы не понять, чего он вокруг меня заюлил. Он же знал, что я государственный контролер, а не старатель, откуда у меня может быть честное золото? Я ему так и сказал: «Вы, Зигмунд Александрович, комедию со мной не ломайте. Говорите прямо: интересуетесь, чтобы я металл принес? Ну, хорошо, а если принесу, примете?» Так мы с ним и стакнулись. Так оно и началось...

— Как вы выносили золото из шахты? Ведь существует контроль, проверка, осмотр.

— А кто ж пойдет через контроль! Мы иначе делали. Были у меня ключи от перемычек, которые ведут в другую шахту, уже выработанную, за нею больше надзора нет. Была и печать доверена, чтобы эти перемычки после проверки опечатывать. Чего еще надо! Наберешь самородков, вынесешь их через перемычку, а потом вернешься и опять перемычку опечатаешь. Просто!

Да, чего уж проще...

— Может, ко мне теперь и высшую меру применят. Ничего не скажу: народ во всем будет прав...

Пот катится у него по лицу, он не вытирает... Если бы он мог изменить то, что сделал вчера! Поздно!

И все-таки даже после того, как Лагутин уже сговорился со Стукальским, был один человек, который мог бы еще удержать его от падения: Белоусов. Мог бы. Должен бы! Но...

Окончание следует.

Анри АЛЛЕГ

МАЛЬЧУГАН ИЗ ПОНТШАЙЮ

Сквозь решетку окна палаты в тюремной больнице видны сады. А еще дальше, по ту сторону стены,— деревня и огромный кусок неба. Уже много лет я не видел столько зелени и столько небесной сини. Часами сидел я у окна, и моя неподвижная сосредоточенность внушала подозрение надзирателю, следившему за мной. Я глядел вдаль на высокую траву в поле, клонившуюся от малейшего дуновения до самой земли. Казалось, что это тысячи зеленых карликов согнулись над работой. Я смотрел на чинные ряды грушевых деревьев, листья которых, позолоченные сентябрем, не переставали трепетать на ветру. Сколько раз брался я за книгу! Ничего не получалось: я не мог читать. Видения и мечты уносили меня далеко по ту сторону решетки — в листву деревьев, пробуравленную насквозь солнечными бликами, к кронам, пенившимся у самых облаков, к лугам, откуда тянуло запахом омытой дождями земли. Непривычное для осенних дней солнце придавало этому великолепию нежную окраску. Я знал, что все казалось таким необыкновенным лишь мне одному. Для всех, кроме узника, это было обычным зрелищем. Разве дорог стакан воды тому, кто не испытывает жажды? Но я пришел из пустыни!

Более четырех лет, куда бы я ни взглянул, мои глаза наталкивались на один только камень, такой твердый и несокрушимый, что подчас, когда страдания были невыносимо мучительны, нам самим хотелось обратиться в камень, ибо мы завидовали его бесчувственности. О, если бы душные стены Барберуссы и других колониальных застенков могли донести хоть эхо стонов наших братьев!

Хилая травинка, пробившаяся меж камней, засушенный цветок, найденный в письме, лист, сорванный с дерева, переброшенный через крепостную стену,— все это казалось нам светом иного мира, случайно проникшим к нам. И вдруг нежданно, как глашатай свободы, за которую я сражался, приветил меня этот сад, подобный океану зелени. Взволнованный, я мог без устали целыми днями оставаться здесь, до боли ощущая шелест каждого листка, переливы красок неба, тончайшие ароматы, проникавшие в мою палату, словно все это было моим первым знакомством с величием и красотой вселенной. Я страдал только оттого, что не в силах был разделить это наслаждение с моими товарищами, оставшимися там, в тюрьме.

И еще одна радость жизни: перед моей решеткой проходят люди, обыкновенные люди, не заключенные, не стражники, не полицейские. Это садовник, он пришел полить овощи, собрать морковь и репу или выполоть сорную траву. Это служащие больницы, всегда спешащие куда-то, больные, к которым в дни свиданий приходили родственники, или же обитатели дома для престарелых, находившегося по соседству с тюремной больницей. Одни ежедневно утром и вечером выходили на прогулку. Санитары называли их «старички и старушки из Понтшайю». Сгорбленные, измятые и все какие-то серые в своих жалких отрепьях, они выбрасывали перед собой палку и, шумно сопя и кашляя, торопливо шли, словно их ждала неотложная работа. Другие, медленно вышагивая, искали глазами брошенные на дороге окурки. Иногда кто-нибудь из них, оглядываясь по сторонам и убедившись, что никто не видит, приближался к фруктовым деревьям, быстро совал в сумку несколько груш и с невинным видом продолжал свой путь тем же мелким, трясущимся шагом. Одни здоровались со мной быстрым кивком головы, другие делали вид, что не замечают меня.

Появлялись под окном и дети. Они жили по соседству, в приюте, содержавшемся каким-то благотворительным обществом. Звук колокола, возвещавший часы еды и занятий, доносился до моего слуха, во время перемен слышались голоса детей. Несколько раз я видел, как стайка в семь-восемь ребятишек глядела издали на мое окно. Все были бедно одеты—старые вязанки, поношенные штанишки. В этой группе я различил трех или четырех мальчуганов лет десяти. Самому старшему из приютских ребят было не больше пятнадцати. Я жаждал поговорить с детьми, послушать их и посмеяться вместе с ними. Но я не решался подать им знак. Они, как и все здесь, знали, что я заключенный, и видели, проходя по другой стороне корпуса, полицейского, охранявшего меня. Им, вероятно, было известно, что всех, кто вступит со мною в беседу, ждут серьезные неприятности. В первые дни ребята держались на расстоянии. Сгорая от любопытства, они не решались приблизиться к моей решетке, но постепенно так осмелели, что стали ходить вокруг моего корпуса. Я улыбался им. Среди них был совсем маленький мальчишка, смуглый и худенький, с лукавым и вместе с тем нежным взглядом, обращенным ко мне и тогда, когда ребята уже удалялись от моего окна. Наконец однажды вечером ребята остановились возле меня. Я бросил взгляд на стеклянную дверь — мой стражник сидел ко мне спиной и читал газету. Ребята, вероятно, хорошенько все проверили, прежде чем рискнули остановиться под моим окном.

— Здравствуйте,—сказал я им,— как дела?

— Привет!.. Привет!..

Они ответили все разом, но на их худеньких лицах не было улыбки. Самый маленький спросил от имени всех:

— Правда, что ты убил семь человек и тебя за это посадили в тюрьму? — Он смотрел мне прямо в глаза.

— Убил семь человек? Кто это вам сказал?

Так, оказывается, говорили в больнице. Полицейские не могли придумать ничего лучшего, чтобы отпугнуть желающих заговорить со мной. Теперь мне стали понятны злые взгляды некоторых «старичков», ходивших мимо моей решетки.

— И вы этому верите? Разве я похож на убийцу?

На сей раз они ответили на мою улыбку. Нет, я и в самом деле не походил на убийцу. Ребята этому больше не верят.

— Тогда почему же тебя засадили? — спросил другой.

Я постарался им объяснить как можно понятней. Они знали, что в Алжире шла война; у одного из ребят там сражался двоюродный брат. Они еще хорошо знали, что такое Сопротивление — «против немцев, за свободу Франции». Они знали, что сделали во время войны гитлеровцы в Бретани, где было много коммунистов и других патриотов. Я объяснил им, что теперь алжирцы сражаются за свободу, что они теперь бойцы Сопротивления, а французы делают в Алжире то, что немцы делали во Франции. Они убивают, сбрасывают бомбы, терзают людей.

— А ты? Ты алжирский сопротивленец?

— Да.

— Но у тебя такой же вид, как у нас...

Я рассказал им, что есть алжирцы — сыновья европейцев, и что есть много алжирцев внешне таких же, как французы.

— Значит, тебя посадили в тюрьму, потому что ты сопротивленец и хочешь свободы?

— Да. В тюрьмах томятся тысячи и тысячи алжирских патриотов.

— И сколько тебе дали?

— Десять лет.

Я взглянул на лица ребятишек. Десять лет! Им это ничего не говорило. Особенно младшим, которые еще не прожили столько лет. Десять лет! Всю жизнь, что ли!

— Вот гады,— сказал самый маленький.

С этой минуты мы стали друзьями. Дольше задерживаться они уже не могли из-за полицейского, но, прощаясь со мною, ребята приветствовали меня не сухим и коротким «привет», а совсем по-иному: «Мы опять придем!», «До свидания!», «Приятного аппетита!», «Не обращай на них внимания!»

Я радовался, что нашел в этих детях друзей, и мне казалось, будто сегодня какой-то праздник. Я все еще продолжал улыбаться, сидя в темноте, когда внезапно вошел полицейский. Он подозрительно оглядел меня:

— Почему не зажигаете свет?

— Так приятней для глаз.

— Нельзя, пора зажигать. Приказ.

Он включил свет. Теперь это не имело значения: ребята уже ушли.

Они приходили еще много раз по вечерам и оставались столько, сколько позволяла бдительность полицейского. Иногда это были другие ребятишки, но мой черненький приятель был всегда среди них и объяснял им:

— Он коммунист. Они его засадили в тюрьму, потому что он в алжирском Сопротивлении. У него такой сын, как я. Он здесь, потому что болен, но потом его опять переведут в тюрьму. Вот гады!

Мальчуган, в свою очередь, рассказывал мне, как живут в приюте. Есть там ребята, у которых никого на всем белом свете. А есть такие, как он, у которых только мать. Его мама приходит к нему раз в месяц. Есть хорошие воспитатели, но есть и злые. Некоторые ребята постарше работают в городе на фабриках или в магазинах. Вечером они возвращаются в приют. А некоторых пристраивают на фермах. Лучше всего летом, потому что приют имеет свою колонию в Оверни, и там ребятам хорошо. Ему хотелось бы быть колбасником, потому что у его дяди колбасная лавка.

Мы стали с ним большими приятелями. Как-то вечером он украдкой подошел к дереву, сорвал грушу и протянул ее мне через решетку.

— Возьми! Съешь! Ну, как? Вкусная? — Он смотрел на меня.

Чтобы доставить ему удовольствие, я надкусил. Груша была такая жесткая, словно ее заморозили. Но я все же прожевал ее.

— Потрясающе хороша!

— Хочешь еще?

— Нет, нет, спасибо. Ты же знаешь, что это запрещено и тебе попадет. Не стоит.

Мой урок морали не произвел никакого впечатления.

Он продолжал просовывать сквозь решетку зеленые груши, и я должен был делать вид, что ем их. Однажды вечером один из по-

лицейских заметил ребят у моего окна. Был нагоняй. Высокомерным тоном полицейский приступил к допросу самого старшего, остальные удрали. Мне, как обычно, было угрожающе сказано:

— Вам это может дорого обойтись. Прекратите!

Но происшествие нисколько не огорчило меня. Я беспокоился только об одном: придут ли еще ко мне ребята. И они пришли. Я просил их быть очень осторожными.

— Сегодня не тот шпик,— говорит мой приятель. Он пожимает плечами и порывисто задает мне совершенно неожиданный вопрос: — Почему ты не попытаешься бежать?

Я онемел. Вот уже несколько дней я готовлюсь к побегу. Сохранение в тайне этого нелегкого дела — залог успеха. Может быть, мальчик о чем-то догадывается — меня это очень обеспокоило — и что-то хочет у меня выпытать? Но взгляд его чистых глаз заставляет меня устыдиться этой низкой мысли. Как я мог заподозрить в чем-то моего маленького друга? Не задумываясь, я ответил ему:

— Ты думаешь, что бежать отсюда так же просто, как в кино? Уверяю тебя, что это совершенно невозможно.

— Нет, это просто,— говорит он.— Смотри! Нужно только снять отсюда винты. А потом выставляется решетка — и ты на воле. У стены ты найдешь проволоку. По ней очень легко вскарабкаться. А идти нужно в ту сторону.— Он указал мне на деревню.— И спрятаться в зарослях.

Я избегал таких разговоров. Каждую минуту мог войти полицейский, услышать, что говорят ребята, и все это мне бы очень повредило.

— Не говори со мной об этом, я не хочу бежать. Я жду, когда кончится война. Тогда двери сами откроются.

Позже, когда паренек опять пришел под мое окно и рассказывал обо мне своему товарищу, я почувствовал некоторое презрение в его тоне: «Не хочет бежать... Предпочитает оставаться здесь».

Он был разочарован до крайности.

* * *

После побега я часто вспоминал с волнением сирот из Понтшайю. К этим воспоминаниям примешивалось какое-то совсем ребяческое чувство удовлетворения: я оправдал представление моих маленьких друзей об алжирском патриоте. Недавно я снова вспомнил их, когда пражские ребята встретили меня в своей школе словами: «Свободу Алжиру!» Их глаза искрились радостью жизни. Это были дети, взлелеянные в семье и любимые всеми, и ту же доброту, ту же симпатию, что и в глазах моего маленького бретонского приятеля, сироты из Ренна, я прочел и в их взгляде. Та же грусть в глазах пражских школьников, когда я рассказал им о страданиях детей Алжира, муках их отцов и матерей за колючей проволокой, нужде и голоде, тот же праведный гнев против повинных в этом «гадов». Хрустально звонкий и взволнованный хор ребячьих голосов, приветствовавших Алжир, звучал как клятва будущему, как клятва миру, дружбе и счастью детей всего земного шара.

Перевод с французского
А. и Э. ЛАЗЕБНИКОВЫХ.

Размышления в начале года

Виктор ПАНКОВ

Подготовка январских журнальных номеров всегда ведется в редакциях с особым чувством, на особом подъеме. Первый номер в году хочется сделать праздничным и «основополагающим» на целый двенадцатимесячный период. Чем мы открываем новый год? — обычный вопрос в редакциях, за которым стоит очень многое: раздумья о направлении и лице журнала, о его активном участии в современном литературном процессе. А сейчас к первым книгам периодики испытываешь повышенный интерес и потому, что знаменателен сам нынешний год. Начался он после XXII съезда КПСС. В наших руках и в наших сердцах новая Программа — программа строительства коммунизма.

Произведения, которые мы узнаем сегодня, естественней всего рассматривать в связи с общим развитием литературы. Конечно, журнальные номера только одного месяца не могут полностью выразить все ее стороны и особенности. Но и в отдельном, безусловно, сказывается характерное.

Чтение новых журнальных книг хорошо начинать со стихов: они дают эмоциональную зарядку. Обратили ли вы, читатель, внимание на то, что за последние годы журнальные номера часто открывались стихами Николая Асеева? Ему всегда свойственна молодость чувств. И сегодня, когда поэту уже за семьдесят, он по-прежнему молод, на все отзывчив, можно сказать, все по-новому и по-новому талантлив. Его поэтическая активность завидна и поучительна. Недаром книга Н. Асеева «Лад» по праву выдвинута сейчас на Ленинскую премию. Сам он весьма часто негодует на скороспелые газетные вирши. Но многие его собственные стихи «слетелись» под обложку книги с газетных страниц. Не скрою, этим напоминанием я хочу и защитить настоящие стихи в газетах и подчеркнуть политическую актуальность поэзии.

Новые стихи Н. Асеева напечатаны в «Знамени» и «Октябре». Это стихи об ответственности всех людей за мир на земле, о гордости своей страной и своими современниками. Это воинственные, политические по духовной насыщенности стихотворения. Одно из лучших среди них — «Хемингуэй» («Знамя»): в нем скорбь по поводу гибели большого художника и точное объяснение того, что его убило — образ хищника-тигра символизирует джунгли банкиров и дельцов.

Вообще интересно и знаменательно, что поэты старшего поколения выступают со стихами пафосными, публицистическими и философскими, которые являются как бы разговором с лирической трибуны. Таковы циклы «По дорогам Двадцатого века» Л. Мартынова и «Болгарская рапсодия» П. Антокольского в «Знамени» и «Октябре», три стихотворения М. Светлова в «Юности».

Выделяется и стихотворение Л. Татьяничевой в «Знамени», которое просто хочется процитировать:

Как влюбленные имя любимой
Повторяют впопад,
Невпопад,
Без конца восхищенно твердим
мы:
— Космодром,
— Звездолет,
— Космонавт.
Пусть восторженны мы не в меру,
Это, право же, грех небольшой.
Кто сказал, что в Звездную Эру
Люди входят с тусклой душой?!

Весьма широко и разнообразно поэзия в январских номерах представлена именами молодых. Наиболее щедро страницы для стихов отдают молодежные журналы «Юность» и «Молодая гвардия». Причем у каждого из них своеобразные формы публикации. «Юность» дает возможность известным и начинающим поэтам выступить с циклами стихов. «Молодая гвардия» регулярно устраивает переклички поэтов. В первом номере интересна новогодняя перекличка — интересна и своим содержанием и «географией». Я бы отличил в ней стихи с раздумьями о современности, с настойчивым утверждением идей мира и гуманизма — «В полете» Вл. Гордейчева (Воронеж), «Памятник герою» И. Грудева, «Люди на улицах» С. Куняева, «Я жизнь люблю...» Р. Рождественского (Москва), «Старый город» Ю. Панкратова (Алма-Ата), «Северное сияние» А. Поперечного (Ленинград), «Век атома, стали, взрывчатки» П. Халова (Хабаровск)... В этой перекличке могли бы участвовать и стихи А. Жигулина (Воронеж), В. Пальчикова (Омская область) в «Новом мире», Г. Флорова, А. Передреева, Н. Доризо, Ю. Левитанского в «Юности».

Конечно, перекличка — только форма подачи стихов, своеобразная, привлекательная, вполне оправдавшая себя на страницах «Молодой гвардии». Важней же всего понять, какие процессы происходят сегодня в молодой поэзии. Характерной чертой мне кажется возмужание лирических героев, недавно вступивших в литературу, утверждающих идеал человека высокого долга, духовного богатства, говорящих об ответственности своего поколения за жизнь. Разумеется, это самая общая черта, которая своеобразно выявляется в каждой поэтической судьбе. Но преимущественная нацеленность на серьезные, главные дела времени придает большой вес и смысл горячим молодым исканиям.

Сегодня уже нет спора о том, что современность должна занимать ведущее место в искусстве. Литераторы горячо выступают с публицистическими статьями о путях реализации решений XXII съезда партии. Такие статьи А. Караваевой, К. Яшена, А. Суркова, Г. Сеидбейли, А. Прокофьева, А. Михалевича напечатаны в «Знамени», «Вопросах литературы», «Звезде», «Октябре».

Современности посвящено большинство прозаических произведений. Правда, в обсуждение некоторых из них, например, романов «Татьяна Тарханова» Мих. Жестева («Звезда»), «Совесть» Д. Павловой («Москва»), «Тропы Алтая» С. Залыгина («Новый мир»), вступать еще рано, поскольку публикация их только начата и будет продолжена в следующих номерах. К тому же надо уточнить, что современность—не только календарная близость к нам тех или иных фактов и событий, но и актуальность тем, проблематики, авторского видения действительности. Одна из лучших книг 30-х годов, роман Л. Соболева «Капитальный ремонт», как известно, завершалась драматической сценой — арестом матроса Тюльманкова. Сейчас в «Знамени» начата публикация новых глав, завершающих первый том эпопеи. Историко-революционная тема в романе о судьбах России и русского флота накануне и в начале первой мировой войны звучит современно, потому что проблема социально-политического преобразования страны имеет непреходящее значение. Л. Соболев снова предстает перед нами как художник глубокого мышления и тонкой психологии.

В качестве романиста в «Октябре» выступает журналист-международник Д. Краминов. В начале его романа «Пасынки Альбиона»

вместе с молодым Егоршиным, сотрудником агентства по культурным связям, читатель попадает на улицы английской столицы. Первые заботы Егоршина — найти себе квартиру, что оказывается делом трудным. Перед нами проходят картины Лондона, встречи советского человека с англичанами. Как читатель, побывавший недавно в Англии, я чувствую хорошее знание и достоверность того, о чем рассказывает Д. Краминов.

Законченные прозаические произведения, о которых можно говорить подробнее,— рассказы. Их много. Не так давно редакции «добывали» рассказы с большим трудом. Видимо, сейчас мы преодолеваем кризис этого жанра, по крайней мере количественный кризис.

Общее в опубликованных рассказах — преобладание морально-нравственной проблематики. В этом смысле можно говорить о все более широком и разнообразном освещении внутреннего мира простых людей, течения «обычной жизни». А все это одухотворяется борьбой за человечность отношений, за качества светлые и благородные, за утверждение их и примером положительным и обнажением зла. Активный гуманизм отвечает духу нашего времени.

Серия маленьких новелл Н. Соколовой «Тысяча счастливых шагов» («Знамя») опирается на простые случаи, повседневные наблюдения. Казалось бы, это лишь эпизоды (с контролером ОТК, с девочкой, не замечающей, как в ее сознании рождается новая сказка; с влюбленными; с супругами, у которых вся биография «стала общей»), но в них не осколки жизни; новеллы объединены — и это становится главным—добрым, любовным отношением к человеку. Рассказ Г. Семенова «Сорок четыре ночи» («Знамя») — лирическое раздумье о сложной жизни, о значительности пути, пройденного простым железнодорожным ревизором.

В рассказе «Почем фунт лиха» («Знамя») Г. Бакланов снова пишет о войне, но воспоминание о последних днях ее прямо обращено против нынешнего боннского реваншизма.

Если заняться определением возраста героев прозы в январских номерах, то легко заметить: большинство из них — молодые люди. Разумеется, это не значит, что лишь они заняли все места в книгах, но, несомненно, интерес к молодым героям современности очень велик. Всегда ли, однако, открываются они теми сторонами дел и душ, которые полней, глубже объясняют духовный мир молодежи? В журнале «Юность» напечатан рассказ начинающего писателя Я. Длуголенского «Возчик первого класса Ленька Саблин». Я не хотел бы порицать этот рассказ сам по себе: написан он автором способным, наблюдательным; приятна в рассказе авторская симпатия к рабочим людям. Творческая заявка стоит внимания. Но вот несколько замечаний по поводу самой истории. Это еще один побег школьника, семиклассника, на стройку, где он обучается запрягать лошадь, возить воду, сваривать металл, затем через месяц возвращается под родительский досмотр. Могут сказать: разве не свойственна подросткам такая романтика побегов? Дескать, не куда-нибудь, не на солнечные пляжи, как в «Звездном билете», а на стройку рвется Ленька Саблин, рабочим хочет стать! Да, свойственна.

Но как часто «молодежная тема» вертится в кругу подобных побегов, экстравагантных поступков-проступков! При этом далеко не всегда учитывается, что даже при самых возвышенных побуждениях побег — серьезная драма, горе и страдание для родителей. Такое приобщение к жизни не всегда является истинно романтичным. Сюжетные штампы отвлекают и мешают со всей глубиной раскрывать духовное формирование юношей и девушек.

А в литературу настойчиво стучатся новые и более важные молодежные темы. Об одной из них в том же номере «Юности» правильно размышляет герой повести Евгения Шатько «Пятеро на леднике»: «Мне всегда, сколько я себя помню, чудилось, что я упускаю настоящую жизнь, что она не здесь, где я сейчас, а где-то далеко, и я должен рваться туда». Понять настоящую жизнь именно там, где находишься, очень важно для молодых, этому пониманию литература должна учить юношество.

Вот история другого рода, более сложная и тем более поучительная. Имя прозаика Анатолия Ткаченко я встречаю впервые. Его рассказ «На отшибе» («Октябрь») заглавием указывает, что речь пойдет о людях явно не передовых, о том же говорит название сахалинского местечка Заброшенки, где происходит действие. Но кто сказал, что хорошее и доброе проявляется всегда легко и без препятствий?! Заброшенки — хутор, на котором осталось всего несколько семей после переселения колхозников в другое село. О гнетущей, а то и преступной жизни сектантов мы читали немало в последние годы. И вот еще один рассказ о темных душах, мрачных проповедниках прелестей загробного мира. Но, нет, это не еще один рассказ о загубленном подростке, это рассказ о человеке, стремящемся вырваться из Заброшенок, о стремлении к свету, большому миру, к человеческому счастью.

«Заброшенки» могут существовать и в иных сферах человеческих отношений, особенно там, где проявляются индивидуализм, равнодушие, черствость. Против этого направлен рассказ Л. Уваровой «Фуга Баха» («Москва»). Драматично изобразила Л. Уварова отношения любящего отца и забывшей его дочери, показала, как губителен и отвратителен мещанский эгоизм.

Усиление роли нравственных начал в нашем обществе, о чем говорится в Программе КПСС, мы все более чувствуем по наступательному духу современной литературы. Война против стяжательства, тунеядства, нечестности, очковтирательства социально и морально педагогична.

Против отрицательных явлений обращена юмористическая повесть Т. Есениной «Женя — чудо XX века» («Новый мир»). Перед нами еще один новый автор — писательница из Ташкента. Она соединяет юмор и сатиру с фантастикой. Интересна примененная здесь условность: искусственно создан некий человек будущего, который живет сейчас, наказывает чинуш, взяточников, подхалимов, трусов. Условность, закономерная в искусстве, легко разгадывается — речь идет о таком поведении, каким должен отличаться новый человек. Не следует забывать, что повесть юмористическая, с затейливой выдумкой, а раскрывается в ней борьба с невыдуманными пороками. И актуальность содержания, и авторский поиск, и знакомство с новым писателем — все это интересно. Жаль, однако, что Т. Есенина переоценила значение избранного ею условного приема. Во-первых, воображенный автором «далекий человек» кажется беднее тех новых людей, которых мы знаем сегодня. Во-вторых, на «оправдание» приема затрачивается так много средств, что отрицательные персонажи часто не попадают на мушку, как бы уходят из-под прицела. В повести говорится: «...Многословие — это, на мой взгляд, такой недостаток, с которым надо бороться с пеленок». К сожалению, автор не преодолел многословия в своей книге.

...В нашей литературе происходит сейчас интересный процесс, который я называю все бо́льшим проникновением в глубины обыкновенного. Это связано и с расширением географии литературы и с раскрытием разнообразных человеческих характеров. Герои многих книг находятся сегодня в глубинах обычной жизни.

В центральных журналах отражается жизнь всей нашей многонациональной страны. Большую работу по связи национальных культур осуществляет журнал «Дружба народов». В первом его номере читатель может как бы совершить путешествие в киргизскую поэзию — дана обширная подборка стихов в переводах русских поэтов. Нам кажется верным сам принцип «массированной публикации» стихотворных произведений.

Теперь все очевидней становится, как насущно необходимо еще полнее, глубже отражать все новые процессы взаимообогащения наций в братской семье народов.

Развитие нового в искусстве нельзя представлять как обособленное движение прозы, поэзии, драматургии без участия литературной критики. Она стала активней, теперь в ней больше творческих раздумий. Можно сказать, редакции стали теплее относиться к критике, щедрее предоставлять ей место. В январских номерах много статей и рецензий, дискуссий о книгах. И это правильно, потому что литературная критика вместе с другими жанрами также является живой историей современности. Правда, время от времени раздаются некоторые писательские голоса о критике как «служебном», «объяснительном» жанре. Но такой она не является, быть не может. А если сойдет на этот путь, то превратится в бесстрастную библиографию, устраненную от актуальных общественных проблем эпохи.

Не имея возможности рассмотреть здесь отдельные рецензии на книги, остановлюсь прежде всего на статьях, посвященных современным проблемам литературного развития. Поэт Я. Смеляков в статье «Труд — источник вдохновения» («Молодая гвардия») вдумчиво оценил нынешнюю молодую поэзию. Как всегда, много литературно-критических материалов на страницах «Москвы», «Звезды». Первый номер «Октября» в значительной мере является литературно-критическим по своему содержанию: пять разделов отведены в нем размышлениям о книгах. Дм. Молдавский интересно обрисовал творческий путь Ильи Сельвинского. Статья В. Дементьева «Человек на войне» не просто воспоминание о поэзии, рождавшейся в горниле битв с фашизмом, не только справедливое напоминание о лучших стихах С. Наровчатова, С. Гудзенко, А. Недогонова и других поэтов, которые «честно засвидетельствовали свое восхищение мужеством, героизмом советских солдат и офицеров», но и теоретическое выяснение принципов изображения героики.

В литературной критике часто разгораются различные дискуссии. Одна из них, на мой взгляд, важная для понимания идейных и методологических проблем, связана с вопросом о субъективных и объективных началах в искусстве. В статье «За отображение богатства действительности!» («Вопросы литературы») В. Щербина пишет о новых целях, новых масштабах, о главном пути искусства и убедительно показывает органическую слитность субъективных и объективных начал.

Очень сложная дискуссия развернулась вокруг романа В. Кочетова «Секретарь обкома». В этой связи нельзя пройти мимо статьи А. Марьямова «Снаряжение в походе», помещенной в «Новом мире». Статья, на наш взгляд, необъективно разбирает этот роман. При всей остроте полемики не следует забывать о необходимости внимательно относиться к произведениям на актуальные современные темы, к чему призывает нас партия.

Когда говорится о прозе или поэзии, широко принято обращаться к опыту видных писателей далекого или близкого прошлого. Так, в «Знамени» Н. Тихонов умно, зримо воссоздает черты творческого облика П. Павленко и В. Луговского. У критиков круг предшественников сводят обычно к нескольким именам прошлого века. Слов нет, это гордые, прекрасные имена! Но нельзя забывать и тот опыт, который накопила критика за советские годы. Поэтому с интересом и удовольствием читаются воспоминания Н. Луначарской-Розенель («Новый мир») об А. В. Луначарском.

Будем надеяться, что щедрость, проявленная редакциями к литературной критике в начале года, будет не меньшей, а большей в последующие месяцы. Естественно, это надо сочетать с ответственностью критиков за свою работу, с живым, объективным исследованием литературного процесса во имя повышения роли литературы и искусства в утверждении коммунистических отношений.

Наступивший литературный год рождает надежды на новые успехи искусства и литературы. Программа КПСС вооружила художественную интеллигенцию идеями, которые зовут усиливать партийность, народность, мастерство искусства социалистического реализма, делать его источником радости и вдохновения для миллионов людей.

Дни текущие одухотворены для нас перспективами коммунистического будущего. Само это одухотворение — большая моральная сила, ибо человеку всегда важно знать цель и смысл своей жизни!

ДЗЮ-ДО-САМБО

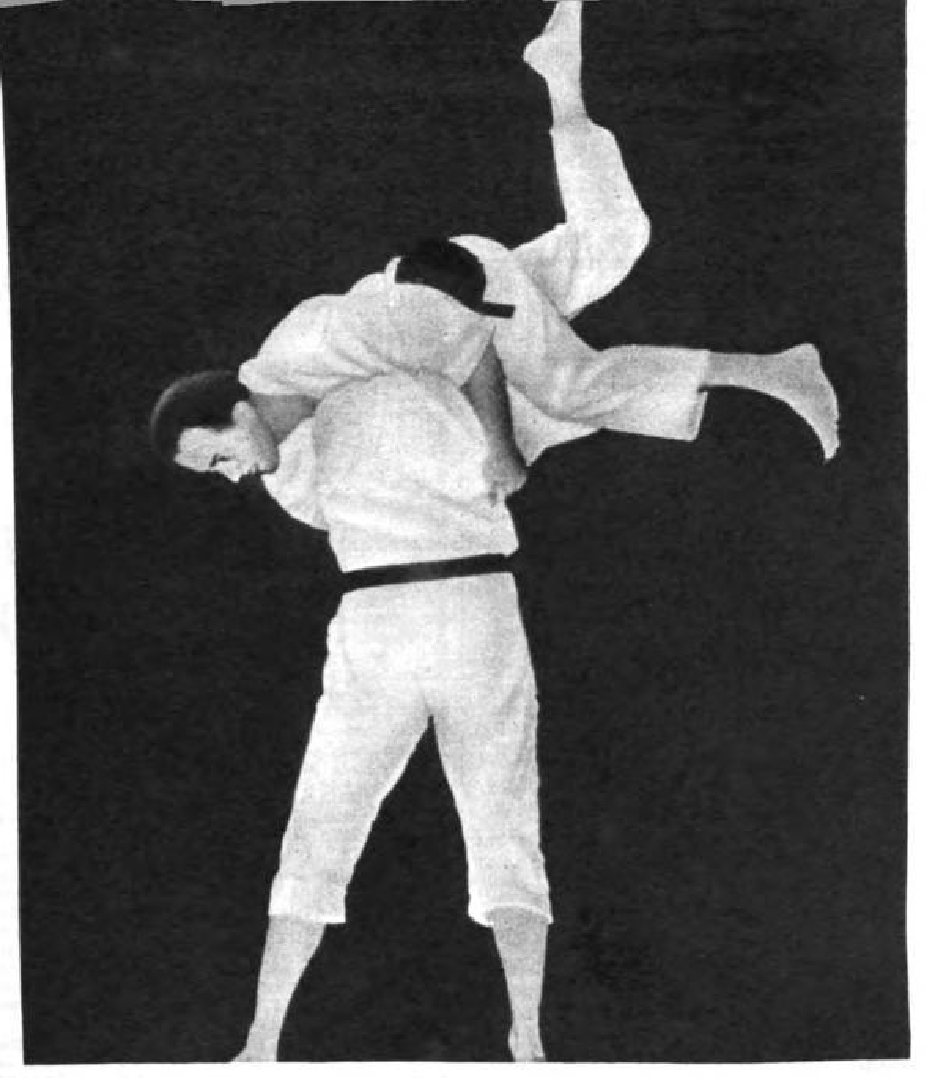
Александр **КУЛЕШОВ**

Несколько лет тому назад в Париже, в зале имени Кубертена, мне довелось присутствовать на встрече по дзю-до между командами США и Франции. В зал трудно было попасть, вход охраняла конная полиция: столько было желающих.

Помню, тогда соревнование оставило меня равнодушным. Выходили люди в белых штанах чуть пониже колен, в белых подпоясанных куртках, топтались некоторое время на месте, а потом один из противников перелетал через голову другого, трибуны аплодировали, появлялась новая пара.

В прошлом году в составе одной из советских делегаций я побывал в Японии, родине дзю-до.

...В маленьком зале на маленькой улице идут состязания двух клубных команд. Японцы — довольно сдержанные и дисциплинированные зрители. Но какой крик, какой стон стоял в зале, когда один из противников проводил ловкий прием или, наоборот, избегал, казалось бы, неминуемого падения! Быстрые, крепкие, гибкие, движутся по ковру дзюдоисты.

Еще мгновение — и противник окажется на полу. Жан де Герд, восьмикратный чемпион Франции, демонстрирует приемы дзю-до в зале имени Кубертена.

Мелькают белые костюмы, смуглые руки и ноги, блестят настороженные глаза. В зале тишина. И вдруг молниеносное движение и глухой стук падающего на ковер тела. А за этим рев и рукоплескания трибун. Зрители аплодируют; они не дилетанты, они понимают толк в этих делах. Каждый второй из них сам дзюдоист — может быть, и не такой искусный, как те, на ковре, но все же дзюдоист.

В Японии мы видели пятилетних малышей. Они резвились, играя на траве, бегали, как все дети, прыгали, как все дети, боролись. Только вот боролись они не как все дети. Быть может, еще и не очень уверенно, но они применяли приемы дзю-до, подножки, броски.

А однажды я видел в Токио демонстрацию дзю-до высшего класса, и демонстратором был семидесятилетний старик.

В Японии дзю-до преподают в школах и университетах, ею занимаются в клубах, изучают в полиции, армии, мальчики и девочки, мужчины и женщины.

Так что же такое дзю-до? И почему этот вид спорта не распространен в СССР?

Во тьме веков скрыта история возникновения джиу-джитсу — «невидимого оружия». Много есть легенд о том, как родилось это «оружие». То ли несли его по свету древние индийские массажисты, то ли завезли в Японию беглые китайские монахи, то ли вывез с материка японский врач Акаяма Широбеи, изучив в одной из тайных сект небесной империи. Трудно сказать.

Наиболее известна романтическая легенда о том, как однажды, гуляя в раздумье в своем саду, Акаяма Широбеи заметил, что под тяжестью снега толстые ветви вишневого дерева обламываются, а тонкая, но гибкая еловая ветка, пригибаясь, дает снегу соскользнуть, а затем вновь выпрямляется.

«Сначала поддаться, чтобы потом победить!» — воскликнул Акаяма.

Три года, запершись в одиночестве, изобретал он приемы, после чего заявил, что может победить любого врага. Так ли было дело или не так, но джиу-джитсу, система многих остроумных приемов, при помощи которых человек мог бросить на землю, задушить, искалечить, обезвредить

Если верить рекламе «профессоров», любая женщина, владеющая приемами дзю-до, легко справится с самым сильным мужчиной.

В токийской школе дзю-до. К семидесятилетнему профессору Мифуне пришел пятилетний ученик.

противника, все шире и шире распространялась по Японии. Приемы эти из поколения в поколение передавали самураи, ревниво оберегая свои тайны от народа.

Когда в конце XIX века в Японию все больше стала проникать европейская культура, национальная джиу-джитсу отодвинулась на второй план. Возродить джиу-джитсу, сделать ее общедоступной решил учитель из Микаге Дзигаро Кано. Он стал устраивать демонстрации джиу-джитсу, однажды даже перед правительством. Однако джиу-джитсу со своими смертельными приемами не могла стать спортивной борьбой, а следовательно, получить широкое распространение. И, исключив из нее все опасное для жизни, все удары, Дзигаро Кано создал собственный метод, который назвал дзю-до. Джиу-джитсу, строго засекреченная, осталась на вооружении самураев, полиции, армии.

В 1882 году Кано основал Кадокан — школу дзю-до. Сейчас эта школа, которой руководит Рисеи Кано (сын Дзигаро), мало напоминает относительно скромное заведение, основанное его отцом. В одном из лучших районов Токио, в спортивном парке Коракуен, невдалеке от бейсбольного поля и скетинг-ринга, высится Кадокан — громадное серое шестиэтажное здание.

В семи залах этого здания, в том числе «женском», «для иностранцев» и других, ежедневно с утра до вечера идут занятия. Двадцать преподавателей высшей квалификации обучают здесь искусству дзю-до более полутора тысяч человек, причем в главном зале занятия идут на 500 матах одновременно.

Словно глухой звук литавр, словно шествие слонов, беспрерывно сотрясают здание падения сотен тел. Сложный церемониал поклона, пауза перед схваткой и... прием. Один из противников на земле. Он поднимается на ноги и... снова прием. И опять. Десять, двадцать, пятьдесят, сто раз. Дети, женщины, мужчины... «Фабрика неуязвимых» работает безостановочно.

Теперь дзю-до занимаются в мире многие миллионы людей. Существует международная федерация дзю-до, президентом которой является, кстати сказать, Рисеи Кано. Проводятся первенства мира, Европы и т. д. А теперь дзю-до включена в программу токийских Олимпийских игр 1964 года как национальный вид спорта страны — организатора игр. Так этот вид спорта получил олимпийское признание.

Правила дзю-до в общих чертах таковы. Схватка длится от 3 до 20 минут. Противники одеты в белые штаны, не доходящие до щиколоток, белую куртку-кимоно и подпоясаны поясом цвета, соответствующего их разряду.

Первоначальное положение противников неизменно: правая рука держит партнера за отворот кимоно, левая — за рукав у локтя. Одержать победу можно тремя способами: бросив противника на спину, удержав его в партере в неподвижном положении 30 секунд, заставив его сдаться вследствие болевого приема или удушающего захвата. Удары запрещены. Борются босиком.

Дзюдоисты подразделяются на разряды — «пояса»: белый, желтый, оранжевый, зеленый, синий, коричневый, черный.

До черного пояса разряды присваиваются преподавателями (которые сами должны иметь не ниже «черного пояса»). «Черный пояс» присваивает специальная комиссия. И он, в свою очередь, делится на разряды — даны. Их десять. В Европе нет дзюдоистов выше шестого дана. Седьмой дан имеют в мире менее 500 человек, девятый дан — 20, десятый — 5, включая семидесятилетнего Мифуне.

Говоря о дзю-до, нельзя не упомянуть, что этот вид спорта служит на западе подчас ширмой для беззастенчивых шарлатанов-«профессоров». Используя стремление многих молодых людей научиться обороняться, «стать неуязвимыми», не прилагая при этом никаких физических усилий, окружая джиу-джитсу и дзю-до ореолом таинственности, а порой и мистики, занимаясь трескучей и нахальной рекламой, эти «профессора» вербуют в свои школы толпы простофиль. Почти никакой физической подготовки ученики не получают. Они «изучают» лишь приемы. Вряд ли окончившие такую школу в состоянии оказать сколько-нибудь серьезное сопротивление в случае нападения. Зато они могут хвастаться перед знакомыми девушками поясами, которые присваивают им «профессора». Последние тоже довольны: пока ученик получит очередной пояс, он немало денег оставит в кармане «профессора».

Надо заметить, что даже мастера «черного пояса» в Европе (а это высококвалифицированные спортсмены) в какой-то степени находятся под влиянием мысли о том, что сила и вес в дзю-до не имеют значения, главное — искусство.

Усиленно проповедуя эту мысль, японские теоретики дзю-до в основном «экспортируют» ее. В самой же Японии к дзю-до относятся исключительно серьезно. Там ее окружают сенсационностью лишь для иностранцев. Японские дзюдоисты очень много тренируются и уделяют физической подготовке огромное внимание. Да и в первенствах мира, где весовых категорий до сих пор не было, участвуют в основном люди большого веса и физической силы.

Почему в нашей стране не культивируют дзю-до? Ведь до 1938 года этот вид спорта был известен и у нас.

Дело в том, что советские тренеры и спортсмены не ограничились застывшими рамками японской борьбы. В результате опыта, накопленного советским спортом, изучения бесчисленных видов национальной борьбы народов СССР родилась борьба самбо — САМозащита Без Оружия — стройная система приемов и вместе с тем прекрасный вид спорта. Большую заслугу в создании его имеет ныне покойный заслуженный тренер СССР А. Харлампиев и другие энтузиасты, приложившие много труда и отдавшие десятки лет изучению, совершенствованию и популяризации самбо.

В чем существенные отличия самбо от дзю-до?

Дзю-до замкнулось, застыло в своей исторически сложившейся форме, оно косно и консервативно. Приемы, созданные предками, не могут быть изменены, они обоснованы подчас чисто религиозными, а порой мистическими положениями.

«Мой учитель дзю-до,— пишет чемпионка Франции Сюзанна Агиссон в своих воспоминаниях,— постоянно приводил философские примеры и истины, чтобы лучше разъяснить мне глубокий смысл дзю-до... Дзю-до более чем искусство. Это философия, вмешивающаяся в жизнь».

А самбо зиждется на научных основах. Это спорт динамичный и живой. Он в постоянном развитии, постоянно обогащается за счет национальных видов борьбы народов нашей Родины и других стран, (между прочим, того же дзю-до).

Самбо — интернациональная борьба, дзю-до — национальная. Самбо безгранична в своем совершенствовании, дзю-до застыла в своих вековых формах.

Таким образом, по богатству приемов, техники, тактических комбинаций самбо намного выше дзю-до, что, кстати говоря, признают и очень многие специалисты дзю-до.

В дзю-до, чтобы получить победу, достаточно бросить противника на спину, хоть бы ты и сам полетел вслед за ним, что явно нежизненно. В самбо чистая победа дается лишь за бросок, при котором ты сам остался на ногах. Другие же броски оцениваются в зависимости от качества броска (ведь одно дело — свалить нападающего на спину, другое — на бок и т. д.). К тому же в дзю-до при броске надо обязательно оторвать ноги противника от ковра, что в самбо (как и в практической жизни, в условиях схватки) не обязательно. При удержании в партере в дзю-до достаточно парализовать противника на 30 секунд. В самбо тот, кто 20 секунд удержит противника в партере, получит очки, но схватка продолжается.

В дзю-до разрешаются удушающие приемы. Самбисты считают, что, не говоря уже о неприглядности подобных приемов с точки зрения зрелищной, они вообще не спортивны, и поэтому в самбо таких приемов нет.

Есть и ряд других отличий: в дзю-до борются босиком, в самбо — в борцовках, в дзю-до пояс болтается, в самбо он пришит к куртке, в дзю-до противники одеты в штаны, в самбо — в трусах и т. д. Есть и еще одно весьма существенное отличие. Самбисты делятся на весовые категории, что весьма расширяет соревновательный диапазон самбо. Высокая физическая подготовка рассматривается в самбо как главнейшая основа мастерства.

Преимущество самбо над дзю-до доказывает такой простой пример: в 1957 году советские самбисты и дзюдоисты Венгрии провели состязания по компромиссным правилам. Счет был 47:0 в пользу советских спортсменов. А между тем победители, согласившись, чтобы их противники применяли удушающие захваты, сами от таковых воздерживались. С большим преимуществом закончились и встречи наших самбистов с дзюдоистами Германской Демократической Республики в 1959 году.

В 1964 году на токийский олимпийский ковер выйдут лучшие мастера дзю-до земного шара, и прежде всего японцы. Не приходится сомневаться в том, что, если команда советских спортсменов-самбистов примет участие в этих состязаниях и за оставшееся время серьезно подготовится к ним, она сможет принести нашей олимпийской делегации не одно очко.

Господин Теннгертос

НУРЧАХЬЯ

(Индонезия)

Джоньякарта — колыбель индонезийской революции — привлекает к себе много иностранцев.

Из общей массы интуристов американский делец мистер Хапп выделялся своим пренебрежением к экзотике, равнодушием к архитектуре дворца джоньякартского султана и грациозным явайским танцам, но больше всего — болезненным интересом ко всему, что связано с движимой и недвижимой собственностью.

Заказав номер в отеле «Мердека», мистер Хапп отправился осматривать Джоньякарту. Проходя по центральной улице, он обратил внимание на изящное здание своеобразной архитектуры, заметно выделявшееся среди прочих. Прикидывая мысленно, во сколько долларов можно было бы оценить это здание, он по-английски обратился к проходившему мимо юноше с вопросом:

— Сэр, не скажете ли мне, кто владелец этого прекрасного здания?

Однако юноша, чьи тщательно причесанные волосы и торопливая походка не оставляли сомнения в том, что он спешит на свидание, не остановился и лишь коротко бросил через плечо одно слово, что-то вроде «Теннгертос».

Садясь на следующий день в душноватый вагон семарангского поезда, Хапп по привычке снова поинтересовался у дежурного, кому принадлежит железная дорога, по которой ему придется ехать. Каково же было его удивление, когда он услышал уже знакомый

МЫ НЕ

Обидели, оскорбили старого человека!..

Можно ли остаться безучастным, пройти мимо? Нет, не таковы наши люди. Гневно выступают они против обидчиков, поднимают голос в защиту обиженного. И тем возмущенней голоса, что обидчики — дети, презревшие свой долг по отношению к матери.

Мать! Самое святое, самое дорогое! Можно ли терпеть, оставаться равнодушным, когда обижают мать, лишают ее помощи, поддержки?

Кровно заинтересованными в судьбе старого человека, матери, обиженной дочерьми, проявили себя читатели «Огонька». Многочисленными письмами отозвались они на опубликованный в журнале материал «Дело Евдокии Гусаченко» (№ 50, 10 декабря 1961 года).

Письма подтверждают, как высоко чтят у нас право матери на почет, заботу, уважение.

«Мне 22-й год,— пишет Иван Криган из села Тарасовцы (Новоселицкий район, Черновицкая область),— давно читаю ваш журнал, но до сих пор и не думал вам писать, а после «Дела Гусаченко» молчать не могу. Страшно поверить, что есть такие дочери, как Мазур и Ткачева, избивавшие

ответ: «Теннгертос». В размышлениях о таинственном Теннгертосе время прошло быстро. К моменту приезда в Семаранг Хапп твердо решил разыскать Теннгертоса и от имени своей фирмы установить с ним деловые связи. Настроение Хаппа заметно улучшилось. Ему было приятно, что и в Индонезии процветает бизнес, есть солидные люди, способные, по-видимому, вести крупные дела с Западом. Он даже почувствовал что-то вроде симпатии к этой стране, жителей которой он прежде считал анархистами и бунтовщиками, которые невесть за что отобрали всю собственность у голландских компаний и уже подбираются к рокфеллеровским нефтепромыслам на Суматре и Калимантане.

Приехав в Семаранг, мистер Хапп, влекомый своим бизнесменским чутьем, вскоре оказался в порту. Его внимание привлек большой пароход под красно-белым флагом Республики Индонезии. Пароход заканчивал погрузку товаров, предназначавшихся, видимо, для отправки за границу. Хапп тут же спросил одного из грузчиков насчет владельца корабля и, как ни странно, почти не удивился, услышав имя своего будущего клиента: «Теннгертос».

В тот же вечер мистер Хапп спешно отбыл обратно в Джокьякарту. Там он решил найти человека, хорошо владеющего английским языком, и узнать у него адрес мистера Теннгертоса. Выйдя на вокзальную площадь, Хапп стал искать такси и увидел медленно двигавшуюся пышную похоронную процессию. Ее пышность внушила Хаппу почтение, и он, обратившись к стоявшим у тротуара людям, полюбопытствовал: «Кого хоронят?» Ответ был неожиданный: «Теннгертос!»

Пораженный, Хапп побрел по улице, пытаясь собраться с мыслями. После длительного и тяжелого раздумья он решил: нужно найти наследника покойного джентльмена и установить с ним деловые связи. Взбодрившийся Хапп резко прибавил скорость и наткнулся на индонезийца с портфелем в руке, по виду похожего на преподавателя университета. Буркнув «извините», Хапп хотел было проскочить мимо, однако, услышав в ответ короткую, но выразительную английскую фразу, мигом остановился и, не обратив внимания на язвительность реплики незнакомца, схватил его за рукав, принявшись излагать свои приключения.

Индонезиец вежливо высвободил рукав и проговорил по-английски с мягким яванским акцентом:

— Должен огорчить вас, сэр. И то здание в Джокьякарте, и корабли в Семаранге, и железная дорога — все давно нами национализировано. А «ботен нгертос» по-явански значит «не понимаю».

Перевел В. ПЕЧКУРОВ.

Не сгибайтесь пополам

Вместо рецензии

О. ПЧЕЛКИН

Коллекция печатно размножаемых правил хорошего тона пополнилась новым шедевром. Он издан тиражом в 4 тысячи экземпляров в городе Щекине, Тульской области.

Вот, познакомьтесь с книжечкой, носящей название «Хорошие манеры в живых примерах». В ней шесть разделов. Каждому предпослан эпиграф. Первый эпиграф — из В. Г. Белинского: «Внешняя красота и изящество должны быть выражением внутренней чистоты и красоты». А под эпиграфом крупными буквами заголовок: «Здравствуйте! Садитесь, пожалуйста!..»

О том, как понимать «красоту и изящество», трактуется в следующих категорических выражениях: «При рукопожатии неприлично сильно пожимать руку».

Отныне крепкие рукопожатия отменяются. А как быть, если хочется поздравить друга с чем-нибудь хорошим и не только пожать ему руку, а обнять и хлопнуть покрепче ладонью по спине?

«Если к вам кто-нибудь пришел, предложите раздеться (женщине помогите снять верхнюю одежду), проводите в комнату и пригласите сесть».

Ну, а как быть, если вам не хочется приглашать в комнату этого «кого-нибудь»? Бросьте, уважаемый читатель, привередничать. Щекинский устав велит приглашать — значит, раздевайте и приглашайте.

«Младший по возрасту и званию представляется первым».

Как понять это «по званию»? У нас звания существуют разве лишь в армии, в научном мире и в мире работников искусств. Что же надобно иметь в виду, если речь идет о шахтерах, сталеварах, колхозниках, инженерах, строителях?

«Кланяясь, наклоните только голову, а не сгибайтесь пополам и не размахивайте руками».

Интересно, где это составители устава видели у нас людей, складывающихся наподобие перочинного ножа? Может быть, в спектаклях из купеческого быта?

В разделе «Будьте любезны» есть такие пункты:

«За услугу или внимание, проявленные к вам, благодарите.

Причинив человеку неудобство или неприятность, нужно сразу извиниться».

Теперь все стало ясно: значит, за услугу не надо ругать человека. Уже легче... А неприятности можно причинять сколько угодно, важно лишь после этого извиниться.

А вот отменно тонкое правило: «Идя с дамой, нельзя останавливаться для разговора с кем-либо или уходить от нее хотя бы на короткое время. Исключение можно сделать для другой дамы по ее просьбе и с разрешения вашей спутницы».

Чувствуете, как это тонко и пикантно звучит: «дама»? И представьте себе картину: идет по улице дама — скажем, студентка первого курса Аня; при ней — кто же может быть при даме? — конечно, господин такой-то — скажем, ученик токаря Петя. Встречают другую даму — студентку Нину. Вторая дама просит господина пойти с нею. Господин галантно просит разрешения у первой дамы, все трое кланяются друг другу (не складываясь пополам), и господин бросает первую даму и убегает со второй. Как благородно все и красиво!

Разделу «Рядом с вами собеседник» предпослана в качестве эпиграфа арабская пословица: «Когда ты говоришь, слова твои должны быть лучше молчания». В числе прочих здесь имеется очень глубокий совет:

«...совсем не говорите о своих болезнях, если вы не на приеме у врача».

Стало быть, на приеме у врача все-таки можно сказать про болезни? Спасибо. Но как же в таком случае насчет «лучше молчания»? Грипп, ангина и даже маленький нарывчик на пальце значительно хуже молчания, не говоря уж об аппендиците.

Правила раздела «В театре и клубе» исходят почему-то из одного-единственного предположения, что вам обязательно будет скучно. Вот они:

«Сдерживайте зевоту; чихать и пользоваться носовым платком нужно без шума.

Не ешьте во время действия, потерпите до антракта.

С непонравившегося спектакля или концерта уйти можно только в антракте.

Не вставайте с места до окончания действия».

И, наконец, заключительный раздел. Как говорится, апофеоз. Называется он «По одеже встречают»... Именно по одеже, а не по одежке, как в известной пословице. Почему так, мы сообразили, прочитав эпиграф к разделу. Просто составители устава старались крепче привязать заголовок к мысли, высказанной в эпиграфе. А там говорится устами В. Маяковского:

Нет на свете
прекрасней одежи,
чем бронза мускулов
и свежесть кожи.

Мы вздрогнули, прочитав сразу после этих строчек первые слова первого пункта: «Не одевайтесь...». У нас потемнело в глазах, а когда мрак рассеялся, удалось прочесть следующие два слова: «...слишком крикливо».

Не вздрагивайте, читатель, прочитав и следующее: «Занимайтесь личным туалетом только дома, никогда не делайте этого в общественном месте, на улице, в гостях».

Однако хватит. Перечислять все пошлости, выдаваемые за откровения и прикрываемые цитатами из классиков, нет нужды. И так все ясно.

Вероятно, составители щекинского устава выпустили книжечку в расчете на молодежь. Идея была хорошая: молодых людей нужно учить правильно вести себя в обществе. Но не надо на четвертом году семилетки вытаскивать из пыльных сундуков кодексы давно почивших купецких сынков и дочек.

СМОГЛИ ПРОМОЛЧАТЬ...

ОБЗОР ПИСЕМ

мать, выгнавшие ее на улицу... Простите меня, я очень волнуюсь и не могу словами передать свое возмущение...»

Гнев, обида за попранное право матери заставили взяться за перо молодых воинов Горохова, Сафронова и других.

Из Небит-Дага пишет комсомолец Петр Примаков: «Живу и работаю в песках Туркменистана. Хороший обычай есть в этой стране. Если кто обидит отца или мать, то все от него с презрением отворачиваются, никто с ним не хочет иметь дела... И это верно! Не человек тот, кто забыл, чем он обязан матери...»

Петру Примакову как будто бы отвечает С. В. Никитина из Петропавловска-на-Камчатке: «Я сама уже мать, мне 28 лет, но я еще дочь и внучка. И, думая о своей матери, отце и старенькой бабушке, не просто не могу представить, что существуют такие «элементы», как Мазур и Ткачева. Да-да, «элементы», потому что людьми их назвать нельзя...»

«Мазур и Ткачева наплевали в душу матери, оскорбили, ранили материнское сердце, сердце, которое все готово вытерпеть ради детей...» Эти строки из письма жительницы Баку А. Гудковой нашли подтверждение в коллективном послании целинников Кокчетавской области. «Мне хочется рассказать о матери моей жены,— говорит один из авторов этого письма, В. С. Квятковский.— Она в 1942 году, когда фашисты ворвались в дом, своим телом прикрыла мою жену, тогда еще ребенка, и сама погибла под пулями. Так поступают матери!»

«Мать, Родина, да ведь это одно и то же. Тот, кто предаст мать, предаст и Родину»,— пишут читатели из Запорожья Шилина, Похиленко, Дзюбенко, Тарасенко.

«Мазур и Ткачевой мне нечего сказать: это же не люди, они хуже зверей. Я обращаюсь к зятю Гусаченко — Ткачеву и к ее внуку — Борису Мазур...» — так начинается письмо Г. Е. Орловой из Симферополя, письмо, которое невозможно не привести целиком: «У меня тоже жива мать, и ей тоже 81 год. Но у меня есть еще и брат — З. Орлов, вернувшийся с фронта без глаз. Государство обеспечило брата пенсией, но и ему и матери нужны внимательный уход, повседневное попечение. У меня тяжелое сердечное заболевание, одной мне это не по силам. И вот в течение уже семнадцати лет эту заботу осуществляет мой муж — Илья Яковлевич Кучеренко. Никогда за все эти годы никто не слышал от него, что он «зять» и это его «не касается». А ведь он работает, и у него самого здоровье неважное. Но не успевает он прийти домой, и уже спрашивает, а что нужно маме и брату... И дочь заботится о дяде и бабушке. Как она ни занята, всегда готова для них все сделать. Вот почему кажутся нам такими дикими ваши поступки, «зять» Ткачев и «внук» Мазур!»

Поднимая голос в защиту матери, авторы писем с истинно гражданской ответственностью порицают бездействие сочинских судебных и общественных организаций. «Почему те, от кого это зависело, не защитили мать, не наказали преступных дочерей?» — спрашивают читатели.

Справедливые, от души идущие слова. Их повторяют работники Госгортехнадзора РСФСР тт. Глазунова, Золкина, Ромадинов, Моисеев, Родионов.

«Хочется через редакцию спросить у прокурора РСФСР и у городского Совета депутатов трудящихся г. Сочи, можно ли позволить так бюрократически бездушно выполнять свои обязанности судьям Гавриловой, Соленому, секретарю суда Тарасенко и другим?» — говорит читатель В. В. Ярославцев из Баку.

Этот же вопрос от имени жителей села Посад-Покровское, Белозерского района, Херсонской области, задают депутат Покровского сельсовета тов. К. Н. Дорохова, К. И. Егоров из Челябинска, персональный пенсионер И. Ф. Грибанов из г. Резины, Молдавской ССР.

М. Е. Виноградова из Ленинграда просит редакцию не ограничиваться опубликованием материала о «деле» Гусаченко, а обязательно добиться того, чтобы все виновные получили по «заслугам».

Многие читатели просят сообщить на страницах «Огонька» о дальнейшей судьбе Евдокии Свиридовны Гусаченко».

И тут, к сожалению, приходится признаться, что сказать об этом что-либо новое мы пока не можем.

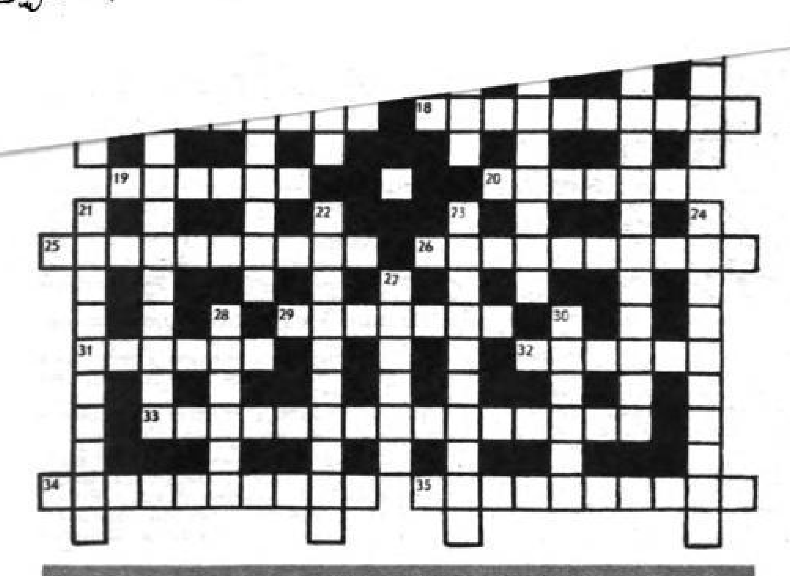
Гневные отклики на «Дело Евдокии Гусаченко» приходят отовсюду: из Якутии и Сухуми, Сахалина и Узбекистана, Елабуги и Крыма...

Сочинские общественные организации, как говорится, «хранят молчание».

противника, все шире и шире рас- пространялась по Японии. Приемы эти из поколен...

До черного пояса разряды при- сваиваются...

...ЧЕРНИКОВА.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Автор оперы «Чародейка». 7. Электрический переключатель. 10. Сельскохозяйственная машина. 12. Приятный запах. 13. Советский художник-график. 14. Аппарат для прыжков с высоты. 17. Растение, дающее сырье для производства резины. 18. Разновидность мотоцикла. 19. Персонаж пьесы А. П. Чехова «Дядя Ваня». 20. Город в Швейцарии. 25. Предпосевная обработка семян. 26. Песня И. Дунаевского из кинофильма «Волга-Волга». 29. Западнославянский народ. 31. Южная зона арктического пояса. 32. Твердая горная порода. 33. Способ сохранения продуктов. 34. Вязь из нескольких букв. 35. Выразительное чтение.

По вертикали:

1. Остров в Индийском океане. 2. Изобретатель отечественного фарфора. 3. Русский литературный критик и публицист. 4. Плавучая пристань. 6. Гора с кратером. 8. Работник водного транспорта. 9. Лист бумаги, соединяющий крышку переплета с книгой. 10. Земляк. 11. Наука об управлении судном. 15. Кондитерское изделие. 16. Залив Атлантического океана у берегов Ирландии. 21. Зодчий. 22. Часть единицы измерения веса. 23. Военачальник. 24. Дистанция. 27. Бурные рукоплескания. 28. Специалист, готовящий спортсменов к соревнованиям. 30. Оттиск типографского набора.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 5

По горизонтали:

4. «Нахлебник». 7. Шасси. 8. «Набоб». 9. Душанбе. 12. Мантисса. 15. Жидкость. 17. Австрия. 18. Коломбина. 19. Инспектор. 21. Кислица. 23. Эспадрон. 25. Аренский. 27. Веселье. 28. Суфле. 29. Офсет. 30. Герасимов.

По вертикали:

1. Калидаса. 2. Перламутр. 3. «Пионерия». 5. Набат. 6. Сопло. 10. Гармонист. 11. Сторонник. 13. Изумруд. 14. Авентин. 15. Житница. 16. Каренин. 20. Планерист. 21. Конвейер. 22. Археолог. 24. «Алеут». 26. Сюжет.

На первой странице обложки: Колхозный техник-оленевод комсомолец Александр Котчинин, самый молодой участник команды Корякского национального округа по национальным видам спорта. Хороших показателей добился Александр на работе и в спортивных соревнованиях.

Фото Г. Копосова.

На последней странице обложки: В Домбайской поляне.

Фото М. Альперта.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24.
Рукописи не возвращаются. Оформление Л. Шумана.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники—Д 3-38-08; Юмора—Д 3-32-13; Спорта—Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00413. Подписано к печати 31/I 1962 г.
Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Тираж 1 850 000. Изд. № 186. Заказ № 172.

Ордена Ленина типография газеты «Правда».
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Стеклянный Галчонок

Раскрыл Стеклянный Галчонок рот и ждет, когда ему либо карандаш, либо ручку в рот сунут. А тут подошел Мальчик и насыпал Галчонку в рот гречневой каши с творогом.

Галчонок обиделся:

— Не знаешь, чем кормить, так не берись! Всего опакостил! Я настоящий стеклянный Галчонок, а не поддельный, живой!

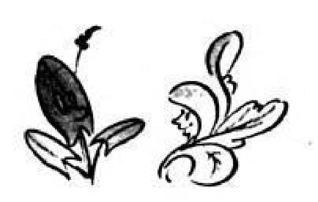
Щавель и Шпинат

— Вот уж кислятина! — говорит Шпинат.— Как же тебя есть?

— А так! — отвечает Щавель.— Возьми да ешь! Хочешь — сырым, хочешь — вареным!

— А разве можно быть полезным, не проходя термической обработки? — удивился Шпинат.

— Еще какая польза!

— А если и меня есть сырым?

— Ну кто же ест Шпинат сырым? Свиньи разве?

— А разве свиньи не люди?

— Ты с ума сошел, Шпинат! Если ты будешь считать свиней за людей, то как же ты отнесешься к людям, которые действительно свиньи?

Чиж и Петух

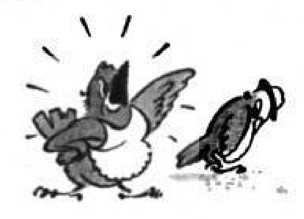
Изменил Чижихе Чиж. Чижиха грозит гнездо разметать.

Изменил Курице Петух.

— Куда? Куда?

— Скоро верну-у-усь!

И никакой неприятности.

Как Медведь привык к критике

Критиковали Медведя. Сперва не сильно, потом сильнее, а потом совсем сильно.

Сегодня критикуют, завтра критикуют — привык Медведь!

Теперь как хочешь критикуй, все равно таким же останется!

Крыса-атеистка

Крыса стала атеисткой, а бегала есть церковные свечи.

— Что поделаешь? — оправдывалась Крыса.— Пересечение религии с бытом!

Умная Соловьиха

Соловьиха хотела снести яйцо в мировом масштабе.

Ей посоветовали снести яйцо в масштабе собственного гнезда.

Она послушалась. Снесла такое яйцо. Высидела Соловья и воспитала его.

Соловей известен в мировом масштабе.

Тараканье расписание

Таракан составил расписание для тараканят.

В понедельник его тараканята кушают, во вторник пьют чай, в среду слушают радио, в четверг гуляют на воздухе, в пятницу ходят на горшочек, в субботу ложатся спать, в воскресенье отдыхают.

Надо сказать, что у Таракана из этого расписания ничего хорошего не получилось. Через неделю все тараканята подохли. И Таракан так бы и не знал истинной причины гибели своих тараканят, если бы не Паук.

Это Паук ему объяснил, что расписание дня нельзя растягивать на неделю.

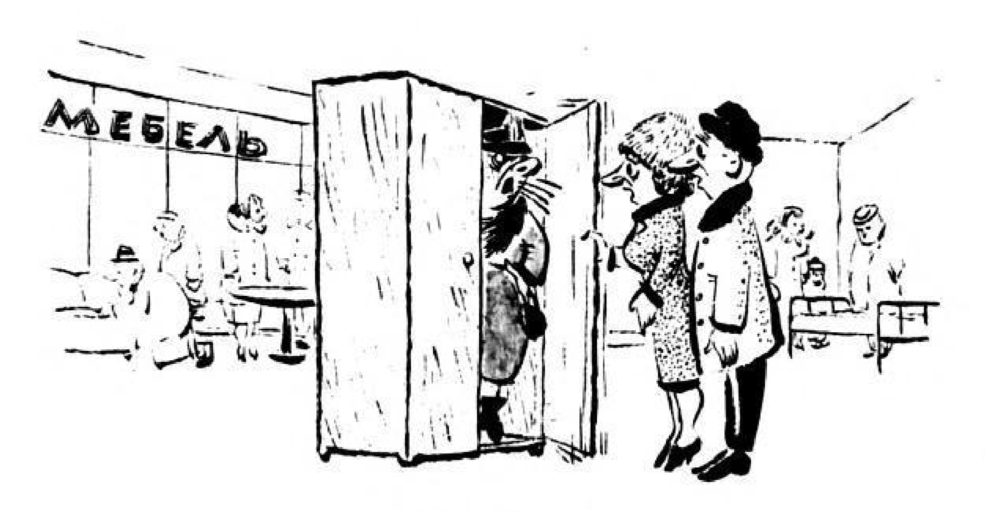
ТЫСЯЧА ОДНА КОСТОЧКА

Виктор Гончаров — поэт, но его рабочий кабинет скорее напоминает студию скульптора. Замысловатые фигурки из дерева, камня, кокосовых орехов, скульптурные портреты писателей и художников, забавные головки из косточек фруктовых деревьев.

У поэта зоркий глаз: в его коллекции можно найти почти не тронутые резцом «произведения» природы. Иные же потребовали большого мастерства и тонкой, кропотливой работы.

«Глаза говорят» — так называется новая книга стихов В. Гончарова, которая выйдет в издательстве «Советский писатель». Это необычный сборник: названия разделов, заставки и концовки стихов будут проиллюстрированы фотографиями резьбы по косточкам и репродукциями скульптурных работ автора. Сейчас Виктор Гончаров готовится к выставке своих работ. На ней, в частности, будет серия Тысяча одна косточка. Некоторые из этих косточек вы видите на снимках (даны в увеличении).

Ю. КРИВОНОСОВ

— Продано!
Рисунок В. Воеводина.

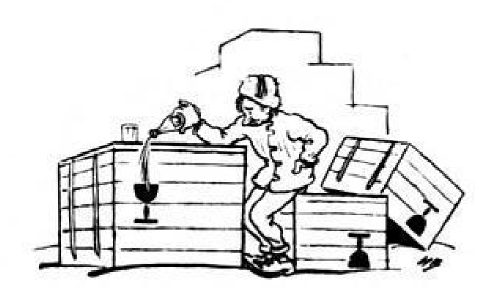
Шарманщик на пенсии.
Рисунок М. Ушаца.

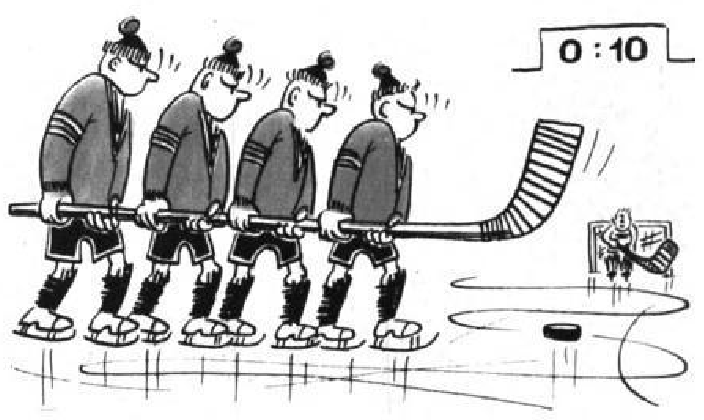
Берет высочайшую ноту...
Рисунок А. Зубова.

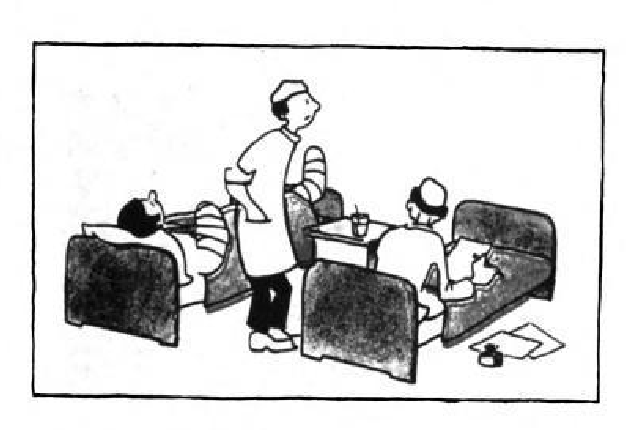
— Наденешь — и сразу видно, что модная шляпка.
Рисунок К. Невлера.

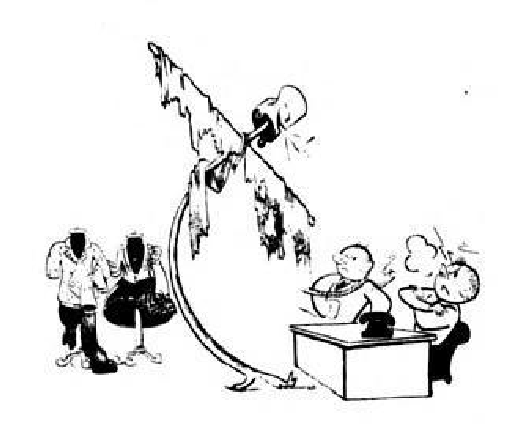
— По последней...
Рисунок В. Ильина.

Последняя надежда тренера.
Рисунок М. Каширина.

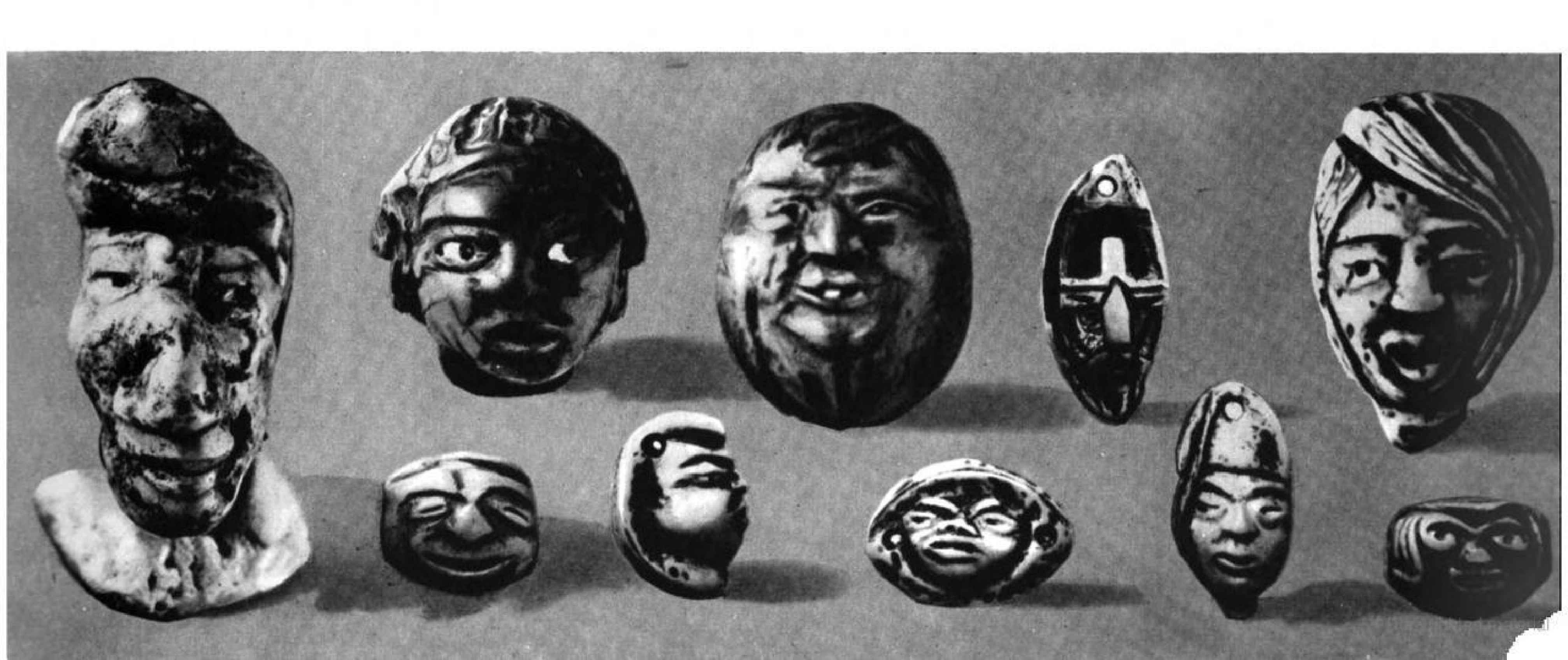
Клеветник в больнице.
— На что жалуетесь?
— На соседа!
Рисунок Г. Ованесова.

— Приоденьте меня! Только ваше ателье может сшить подходящий костюмчик.
Рисунок А. Зубова.

— Безобразие! Продают необъезженную машину!
Рисунок В. Почечуева.

Цена номера 30 коп.